

ОТРАЖЕНА
ИНТЕРЕСИ
Д. ПРОТНО-
ТА ДИВЛА
ОДНО ИЗ НЕ-
ТРА НА НЕ-
ОДНА ПЛО-
ПОНТА 30

Но, 21-
из, время
то совер-
зительство
наша это
же софиз-
ма и инди-
ция и со-
образует
ные заме-
(1978 г.)

пским до-
хотиници
пятидеся-
ти зерно-
в. На кме-
ратолодист
сознаны
республи-
ка фелла
фурманна
трех тысяч
ка. Чтоби
реально-
ногое кон-
нодотнен
ним сфо-

по приу-
рочно. В
— коман-
равом кон-
позита по-
сно саде
нарком в
ил проведи
значитель-

использу-
ются в со-
ветской
культуре
и искус-
стве. По-
этому не
удивитель-
но, что в
этом со-
чинении
автор по-
пытки на-
йти истоки
эстетиче-
ского кри-
зиса в
русской
культуре
и искус-
стве. По-
этому не
удивитель-
но, что в
этом со-
чинении
автор по-
пытки на-
йти истоки
эстетиче-
ского кри-
зиса в
русской
культуре
и искус-
стве.

ИСТОРИЧЕСКИЕ Сенсации

определенный срок партийный
комитет: время, занятая того

Алексей КУНГУРОВ

по коммунистическому конструкторству. Большое внимание уделяется работе парторганизаций в отделах и управлениях. По

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

ИЛИ

КТО ПОДДЕЛАЛ ПАКТ МОЛОВОТА- РИББЕНТРОПА?

суждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивительно, — ход выполнения директив партии на магистральном направлении сельскохозяйственной политики был под контролем с контро-

ности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообщают о том. Действительность и оперативность, творческий подход к делу — важнейшие качества современного организатора. Какие средства помогут развивать их у коммунистов, секретарей парткома?

Согласно
в его
ских учр
много хо
по долге
экономик
редовно
в разлук
ми. Ова
специаль
нующий
лы, в та
ку, запач
этих рес
по стара
женке г
нестве от
улучше
жет быть
этой во
настрога
х?

В рос-
снов, ка-
мо троку
по ст. ср-
ва. По-
мартин д-
но. Кома-
оказана
Каммун-
длина
Вознака-
Восту-
ном со-
тер. вы-
ке. на-
ри, что
подпол-
враши-
честн. а-
Е.Н. На-
са и др-
стиско-
дана, а
тикой
Синей

Идет
Подыгав
режарь
Р. Вали
вить пер
боть на
печинки
хлз в с
праску

«Каждого из нас видеть и слышать — это реальная задача для ЦК КПСР», — заявил Брестский комсомолец в ответ на вопросы журналистов.

Алексей Анатольевич Кунгуров
Секретные протоколы, или Кто
подделал пакт Молотова – Риббентропа
Серия «Исторические сенсации»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373218

Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова-Риббентропа: Алгоритм, Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-6993-7103-7

Аннотация

Книга посвящена исследованию проекта американских спецслужб по внедрению в массовое сознание мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. одновременно с заключением советско-германского Договора о ненападении.

Тема рассмотрена автором в широком ключе. Здесь дан обзор внешнеполитической предвоенной ситуации в Европе и причины заключения Договора о ненападении и этапы внедрения фальсифицированных протоколов в пропагандистский и научный оборот. На основе стенограмм Нюрнбергского процесса автор исследует вопрос о первоисточниках мифа о секретных протоколах Молотова-Риббентропа, проводит текстологический и документоведческий анализ канонической версии протоколов и их вариантов, имеющих хождение.

Широкому читателю будет весьма интересно узнать о том, кто и зачем начал внедрять миф о секретных протоколах в СССР. А также кем и с какой целью было выбито унижительное для страны признание в сговоре с Гитлером. Разоблачены потуги современных чиновников и историков сфабриковать «оригинал» протоколов, якобы найденный в 1992 г. в архиве президента РФ. В книге даны и портреты основных пропагандистов этого мифа (Яковлева, Вульфсона, Безыменского, Херварта, Черчилля).

Автор показывает связь между иностранными спецслужбами и современными процессами в Прибалтике и Бессарабии.

Содержание

Пролог	4
Договор	7
Протокол	19
Гальдер	31
Молотов	37
Нюрнберг	48
Зайдль	56
Гаусс	60
Бланк	64
Риббентроп	67
Вайцеккер	80
Павлов	83
Хильгер	89
Херварт	97
Микрофильмы	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алексей Анатольевич Кунгуров

Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова – Риббентропа

Он наполнил бокалы и поднял свой.

– Итак, за что теперь? – сказал он с тем же лёгким оттенком иронии. – За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?

– За прошлое, – сказал Уинстон.

– Да, прошлое важнее, – веско подтвердил О'Брайен.

Джордж Оруэлл, «1984».

Пролог

24 декабря 1989 г., Москва, Кремлевский Дворец съездов. На II Съезде народных депутатов СССР прораб Перестройки Александр Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Этот документ часто именуют просто докладом Яковлева. 24 февраля 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литовской ССР большинство мест получают кандидаты, поддержанные «Движением за перестройку» («Саюдис»). 11 марта 1990 г. новый состав Верховного Совета республики провозглашает независимость Литвы. Союзное правительство в Москве отказалось признать независимость республики и начало экономическую блокаду Литвы, которая показала свою безуспешность и была отменена в июле. Литовское и союзное правительства начали переговоры.

Противники независимости, члены литовской компартии, оставшейся на платформе КПСС после раскола КПЛ и создавшие «Комитет национального спасения» во главе с Миколасом Бурокаявичюсом¹, встали в оппозицию к сепаратистам. 13 января 1991 г. в Вильнюс были введены войска. Вопрос о непосредственном инициаторе войсковой операции остается открытым, президент СССР и главнокомандующий Михаил Горбачев публично заявил 14 января, что узнал о ней из газет, придерживается он этой позиции и поныне. В тот день возле телебашни в Вильнюсе погибло 14 человек, в том числе боец группы «Альфа» лейтенант Виктор Шатских. Суд по факту этих смертей в Литве длился в общей сложности более 6 лет, однако вину советских военнослужащих в убийстве мирных жителей доказать не удалось. Кем был убит спецназовец КГБ, установлено не было.

Но открывшиеся позже факты говорят о том, что они стали жертвами боевиков «Саюдиса». Например, из тела одного убитого мужчины была извлечена пуля, выпущенная из винтовки системы Мосина, давно снятой с вооружения Советской Армии. Вскоре появилось косвенное подтверждение того, что это убийство совершено литовскими боевиками. В марте 1991 г. литовский журнал «Karys» опубликовал фото, на котором запечатлены «защитники демократии» с мосинскими трехлинейками в руках. Бывший председатель Комитета по национальной безопасности Литовского сейма Витаутас Пяткявичюс дал на суде показания о том, что в ту ночь около 20 боевиков-саюдистов были посажены на крыши соседних домов, откуда они стреляли вниз по толпе людей у подножия телебашни, но его заявление было проигнорировано.

¹ Миколас Бурокаявичюс – первый секретарь Коммунистической партии Литвы, входящей в КПСС. В 1994 г. похищен литовскими спецслужбами на территории Белоруссии, тайно доставлен в Литву и брошен в тюрьму, где провёл 12 лет.

Якобы раздавленное танком тело мирного обывателя оказалось на поверку со следами автомобильной аварии. Ни одного свидетеля наезда танка на человека найти не удалось, несмотря на то, что это, якобы, произошло на глазах многочисленной толпы. Телецентр был взят войсками под контроль, но сторонники независимости Литвы образовали «живой щит», закрывший здание литовского парламента. Армия не стала штурмовать здание Верховного совета. Вильнюсская бойня спровоцировала всплеск сепаратистского движения во всей Прибалтике. Москва потерпела жесточайшее моральное и политическое поражение.

На референдуме, проведенном в феврале 1991 г., более 90 % его участников (около 84 % избирателей) проголосовало за выход Литовской республики из состава СССР. 19–21 августа 1991 г. в Москве происходят события, получившие название путча ГКЧП. В результате путча союзное правительство фактически полностью утрачивает власть, которую концентрируют в своих руках республиканские руководители. 1 декабря на Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, на котором за независимость Украины высказалось 90,32 % участников голосования². 5 декабря новоизбранный президент УССР Леонид Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 г. о создании СССР. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще происходит соглашение между президентами Российской Федерации Ельциным, Украины – Кравчуком и председателем Верховного совета Белоруссии Шушкевичем об объявлении договора 1922 г. о создании СССР недействительным. Юридически это было абсурдно, так как договор 1922 г. был поглощен конституцией 1924 г., а для пересмотра Конституции предполагался совсем другой порядок.

Ельцин немедленно сообщил о происшедшем президенту США Джорджу Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал постановление о выходе республики из состава СССР («за» – 161 депутат, «против» – 3, воздержались – 9). Юридически это решение было ничтожно, и даже не потому, что для его принятия отсутствовал кворум, а результаты голосования были грубо сфальсифицированы. Верховный совет вообще не имел права рассматривать вопрос о выходе РСФСР из состава Советского Союза, поскольку высшей силой обладало решение народа России, принятое на референдуме 17 марта 1991 г., когда подавляющее большинство избирателей высказались против раздела СССР. Тем не менее 25 декабря Михаил Горбачев сложил с себя полномочия президента, и Советский Союз прекратил свое существование.

Спрашивается, какое значение на фоне столь масштабных событий имел доклад Яковлева, зачитанный на Съезде народных депутатов, и касающийся событий полувековой давности? Как обнародование подробностей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, подписанное в августе 1939 г., могло повлиять на текущую политику? На самом деле этот акт имел громадное значение. Тот, кто знаком с технологиями управления толпой, знает, что контроль над историческим сознанием масс дает колоссальную власть над ними. Тот, кто способен изменить прошлое, – тот и формирует будущее. Можно прибегнуть к такой метафоре: история – это руль корабля. Руль находится на корме, но нос судна смотрит только в ту сторону, куда поворачивается руль.

Многих моих соотечественников, контактирующих с иностранцами, часто шокирует, насколько они обладают стерилизованными представлениями о прошлом даже своих стран, не говоря уж о мировой истории. Многие испанцы не знают, кем был генерал Франко. Американцы совершенно не в курсе, что штат Калифорния отторгнут Соединенными Штатами у Мексики в ходе захватнической войны 1846–1848 гг. Ну, янки – это вообще случай кли-

² Референдум прошел с массовыми нарушениями, против сторонников сохранения СССР проводились акции устрашения и прямого насилия, тем не менее большинство действительно высказались за выход Украины из состава Советского Союза.

нический. Некоторые опросы показывают, что каждый пятый житель США уверен, будто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские. И эта кастрация исторической памяти вовсе не случайна. Богатые страны способны потратить достаточно средств на образование своих граждан, однако на деле громадные деньги тратятся именно на стерилизацию их мышления. Элитам нужно манипулируемое быдло, а не народ – носитель политической воли. Уничтожение исторической памяти преследует именно эту цель – лишение народа политической воли и этнической идентичности, превращение его в атомизированную массу потребителей, легко поддающуюся манипулятивному воздействию. Джордж Оруэлл вовсе не выдумал министерство правды, переделывающее прошлое, в своем знаменитом романе «1984», он просто срисовал его с натуры.

Цель, которую преследовали перестройщики и их закордонные вдохновители, – уничтожение СССР. Сделать это можно было двумя путями: либо путем вооруженного насилия извне, либо следовало сформировать разрушительные силы внутри советского государства. Первый путь в отношении ядерной державы, конечно, был неосуществим. Поэтому враг сделал ставку на создание сепаратистских движений в национальных республиках Советского Союза. Ведущая роль отводилась трем прибалтийским республикам – Литве, Латвии и Эстонии. Для мобилизации масс под знамена сепаратистов нужна была мощная идея, возбуждающая ненависть к русским. Таким мобилизующим фактором стал миф о вероломной оккупации прибалтийских стран Советским Союзом в 1940 г. Базировалась эта установка на другом мифе – о подлом сговоре между Гитлером и Сталиным, которые, якобы в августе 1939 г. цинично «распилили» Восточную Европу. Этот миф был, кроме всего прочего, направлен на раскол советско-польского послевоенного содружества и, как следствие, развал всего военного блока Варшавского Договора. Таким образом, созданию мифа о сговоре двух диктаторов накануне Второй мировой войны и внедрению его в массовое сознание придавалось стратегическое значение.

Договор

Сговор был выражен якобы в Договоре о ненападении между двумя державами, подписанном в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и председателем советского правительства и по совместительству народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым. В историю дипломатии этот договор вошел под нарицательным именем «Пакт Молотова – Риббентропа», что существенно искажает его суть. Сам по себе этот межгосударственный договор не может быть признан враждебным какой-либо третьей стране или преступным, договор о ненападении Германия имела со многими странами, в том числе с Великобританией, Францией, Польшей. Вот текст советско-германского договора, опубликованный в советской прессе 24 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и Правительство Германии Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп*

(Газета «Известия», за 24 августа 1939 г.).

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г. Как видим, ни о каком разделе Восточной Европы речь здесь не идет. Единственным отступлением от норм, принятых советской дипломатией, было отсутствие положения о том, что договор может быть расторгнут одной стороной в случае, если другая сторона совершит агрессию против третьей страны. Но стоит заметить, что подобная щепетильность была тогда совсем не в духе мировой дипломатии (да и сегодня тоже). Поэтому заявлять, что Советский Союз таким образом «косвенно способствовал» развязыванию войны в Европе, совершенно недопустимо. Второй нюанс, который обращает на себя внимание, – пункт о том, что договор вступает в силу немедленно, а не после ратификации парламентами двух стран (включен по настоянию германской стороны). Впрочем, это формальность, никто не сомневался в том, что договор будет ратифицирован и Рейхстагом и Верховным Советом.

Однако некоторые пропагандисты заходят настолько далеко, что утверждают, будто СССР не просто «косвенно способствовал» германской агрессии, а инициировал ее, дав санкцию Гитлеру на вторжение в Польшу. Мол, если бы Сталин не стал заключать договор с Гитлером, тот бы не посмел напасть на поляков. Подобные доводы совершенно голословны. Отдавая в апреле 1939 г. приказ на разработку плана «Вайс», Гитлер со Сталиным не консультировался и разрешения у него не спрашивал.

В ситуации разворачивающегося германо-польского кризиса у Советского Союза было несколько вариантов действий:

- а) создать антипольскую коалицию с Германией;
- б) заключить соглашение о военном сотрудничестве с Польшей;
- в) присоединиться к англо-французским гарантиям в отношении Польши, на что опять же необходимо было получить согласие Варшавы;
- г) сохранять нейтралитет, преследуя исключительно собственные интересы.

Вопрос об альянсе с Германией никогда не ставился в повестку дня. Если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией, то Англия и Франция могли объявить ему войну, чего Москва совершенно не желала. Польша, как известно, наотрез отказалась заключать какие-либо военные соглашения с Советским Союзом. Речь даже не шла о взаимных обязательствах, Советский Союз предлагал Польше одностороннюю и бескорыстную военную помощь в случае немецкого вторжения. Если немцы нападут на Польшу, Франция, связанная договором с Польшей, объявит войну немцам, а Польша должна предоставить союзнику Франции – СССР – узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами.

Задним числом историки сегодня объясняют польское упрямство страхом, который они якобы испытывали перед большевистскими ордами. Мол, войдя в Польшу под благовидным предлогом, Советы оккупируют страну, после чего замирятся с немцами. Но гаран-

том против этого выступали Франция и Англия. Они, в конце концов, могли первыми замириться с немцами и организовать совместный поход против нас, так что советская сторона в этом смысле рисковала куда более Польши. Такой вариант развития событий был для СССР еще хуже по последствиям, чем военный союз с Гитлером. Насчет того, что поляки боялись Советскую Россию, – это, конечно, полная чушь. Уж так они боялись, что предвоенные годы их генштаб составлял «оборонительные» планы, целью которых был выход Польши к Черному морю и включение в состав Великой Речи Посполитой Правобережной Украины. Так или иначе, но Варшава решительно отвергла все советские инициативы. Известна пафосная фраза, брошенная министром иностранных дел Польши Беком по этому поводу: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу».

Да, такая вот загадочная польская душа. Историческая действительность состоит в том, что поляки, как этнос (с их пресловутой душой), сохранились именно благодаря России. После ликвидации Польши Венским конгрессом 1815 г. польские земли (именно автономные польские территории) были поделены между Россией, Австрией и Пруссией. На попавших под власть немцев землях не то что польской автономии не существовало, но и проводилась довольно настойчивая германизация. Польский язык стремительно исчезал из повседневного оборота, особенно в городах, лютеранство постепенно вытесняло традиционное для поляков католичество, а уж о такой роскоши, как польский университет, они не могли даже мечтать. Кстати, среди немцев до сих пор часто мелькают польские фамилии. Во время Второй мировой войны некоторые немецкие генералы, даже состоящие в СС, имели польское происхождение (поляками они себя, разумеется, не считали). Например, подавлением варшавского восстания в 1944 г. руководил генерал СС Эрих фон дем Бах-Целевски, открыто признававший свои шляхетские корни.

В составе Российской империи с 1815 г. находилось Царство Польское со своей армией, национальной администрацией, денежной единицей, Конституцией (сама Россия не имела тогда Конституции, являясь абсолютной монархией). Налоги в русскую казну поляки не платили, таможенные пошлины на ввоз товаров из Польши отсутствовали, чем вовсю пользовалось тамошнее купечество, наживаясь на торговле европейским импортом. При этом расходы на содержание польской армии несла российская казна. Единственным «ущемлением» польского правительства было то, что оно не имело возможности самостоятельно проводить внешнюю политику – этот вопрос полностью находился в компетенции русского царя Александра, который являлся так же и польским королем.

Правда после двух шляхетских восстаний польские вольности были существенно урезаны, однако даже после упразднения Царства Польского и переименования его в Привислинский край там не проводилась политика русификации или религиозного ущемления (обращения поляков в православие никогда не практиковалось). В делопроизводстве применялся польский язык, русский не преподавался в обязательном порядке в школах, католики пользовались всеми правами граждан империи, а вот от некоторых обязанностей, например, воинской повинности, были освобождены. Если уж, согласно советским штампам, считать Российскую империю тюрьмой народов, то в этой тюрьме два народа – польский и финский по тюремным понятиям были блатными, то есть имели привилегированное положение. Впоследствии именно 10 польских губерний в составе России стали ядром восстановления независимой Польши в 1918 г.

В этой связи многие исследователи совершенно не в силах понять фанатическую польскую русофобию 20–30-х годов, считая ее либо проявлением дикого иррационализма польской элиты, либо гипертрофированным выражением антибольшевизма. Польский антибольшевизм, кстати, выглядит столь же иррациональным, как и русофобия, если учесть, что именно большевики выступали за независимость Польши еще до 1917 г., а после взятия власти они с готовностью признали ее независимость.

На самом деле польская ненависть к Советскому Союзу имеет вполне очевидное объяснение. Поляки в версальской Польше составляли чуть более 40 % населения, остальные были украинцами, белорусами, евреями и немцами. Более 13 миллионов человек проживали на территориях, захваченных Польшей в ходе советско-польской войны 1920 г. При этом Польша была ярко выраженным расистским государством. Все «нетитульные» народы страны подвергались жестокому политическому, экономическому, религиозному и культурному угнетению. К середине 1930-х годов украинские и белорусские школы были ликвидированы. Для устрашения национальных меньшинств, сопротивляющихся полонизации восточных окраин Речи Посполитой, был даже создан концлагерь в Березе Картузской.

В этой связи шляхта, действительно, как огня боялась пропустить Красную Армию даже по узким коридорам, поскольку это могло спровоцировать мощные антипольские выступления в Западной Белоруссии и Западной Украине. Собственно, так и произошло в сентябре 1939 г, когда белорусы и украинцы начали стихийно расправляться с ненавистными осадниками и полицейскими. В городах происходили восстания, в которых ведущую роль играли коммунисты. То, что польская армия с первых же дней немецкого вторжения обратилась в бегство, так и не дав интервентам сколь-нибудь значимого сражения, тоже можно считать результатом расистской политики Варшавы по отношению к большей части своих подданных. Как могла армия стоять насмерть, если половина ее солдат ненавидела польское государство? Белорусские хлопцы в сентябрьские дни 1939-го весело распевали частушку:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем баранць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

Я говорю об этом только для того, чтобы стало понятно, почему польское правительство ни при каких обстоятельствах не могло пойти на военное сотрудничество с СССР. Это действительно ставило под угрозу польскую государственность, однако причины состояли во внутренней несостоятельности «уродливого детища Версальского договора», как охарактеризовал тогдашнюю Польшу Вячеслав Молотов, а не в «имперском экспансионизме» Москвы.

Советское правительство неоднократно выступало с предложениями по созданию в Европе коллективной системы безопасности. Даже после Мюнхена. Даже зная о том, что Англия явно науськивает Германию на СССР. 15 марта, в день оккупации немцами Чехословакии, нарком иностранных дел Литвинов предложил созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей гитлеровской агрессии. Английский премьер-министр Нэвилл Чемберлен назвал это предложение преждевременным. 17 апреля Литвинов предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. К этому альянсу могла бы при желании присоединиться и Польша.

Что же такого ужасного и неприемлемого предложили коварные большевики лидерам демократического Запада? Оцените пункты советской конвенции:

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВРУЧЕННОЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВЫМ
ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР У. СИДСУ**

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Бонне, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи³.

Но даже этот договор о намерениях, без каких либо конкретных обязательств по отношению к СССР, не был подписан. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения» (нуда, время созрело, когда люфтваффе стало бомбить Лондон). Английское правительство демонстративно тянуло с ответом до 8 мая и ответило на советскую инициативу отказом. 31 мая глава правительства Вячеслав Молотов (по совместительству наркоминдел после отставки Литвинова 3 мая), выступая в Верховном Совете СССР, повторил ранее сделанные предложения Англии и Франции (трехсторонний договор о взаимопомощи, гарантии малым государствам, военная конвенция). Но при этом глава советского внешнеполитического ведомства отметил, что СССР не избегает сотрудничества и с другими странами, в частности с Германией и Италией. Этот пассаж с благосклонностью был встречен в Берлине, где уже начали подумывать о сближения с Советским Союзом в свете обострения германо-польских отношений.

Намёк на это прозвучал из уст генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина еще 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б). Впоследствии эта сталинская речь, названная на Западе речью о жареных каштанах, получила широкую известность, и иные историки пытаются представить, как инициативу советской стороны по сближению с Германией. Однако никаких реальных последствий выступление Сталина не имело.

В конце мая на фоне некоторого потепления советско-германских отношений забеспокоившиеся англичане и французы, наконец, согласились обсудить поставленные Москвой

³ АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 25, д. 4, л. 27–28. Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах.

вопросы. С советской стороны возобновившиеся 15 июня переговоры вел Молотов, с англо-французской – дипломаты второстепенных рангов, что воспринималось советским руководством как свидетельство несерьезного отношения западных партнеров к переговорам. Вялотекущие политические консультации велись в общей сложности с 10 апреля до конца июля 1939 г., но закончились фактически ничем. 2 августа СССР заявил, что будет вести политические переговоры только после достижения военного соглашения. Англия и Франция были вынуждены послать военную делегацию, дабы не предстать в глазах мировой общественности виновниками срыва переговоров. Однако, не смотря на настойчивые просьбы СССР прислать делегацию самолетом, англичане не сочли нужным спешить, и переговорщики отплыли из Лондона 5 августа пассажирско-грузовым пароходом, прибыв в Москву через Ленинград только 11 августа. При этом они прислали в Москву в качестве главы делегации второстепенного чиновника МИД Стрэнга, а в качестве представителя Генштаба – генерала Дракса, имевшего в то время небольшой вес в военном руководстве. Для сравнения: на переговоры в Польшу незадолго до этого летал начальник британского Генерального штаба генерал Айронсайд, а Чемберлен в течение нескольких предшествующих месяцев трижды лично прилетал на встречу с Гитлером.

12 августа начались переговоры, которые советской стороны вел нарком обороны Климентий Ефремович Ворошилов, что подчеркивало значение, которое советское правительство придавало вопросу общеевропейской безопасности. Французы были настроены более благожелательно, чем англичане (еще бы, ведь Германию от Франции отделял лишь пограничный шлагбаум, а не море!) но находились в полной зависимости от Лондона во внешнеполитических делах. Ворошилов поставил перед англо-французами ряд конкретных вопросов, на которые они не смогли дать внятных ответов, так как не имели полномочий на ведение полномасштабных военных переговоров. СССР даже раскрыл план развертывания своих вооруженных сил, согласно которому против Германии должны были действовать до 136 дивизий. Представители Англии и Франции не предоставили подобных планов.

Через день был поднят вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши по виленскому и галицийскому коридорам – без чего, по мнению советской стороны, не могла быть отражена возможная германская агрессия. На этом переговоры зашли в тупик, потому что Польша наотрез отказалась рассматривать такой вариант, а Франция не смогла (или не захотела) убедить поляков согласиться на военную помощь СССР. Уильям Ширер, автор широко известной книги «Взлет и падение Третьего рейха» классифицирует такое поведение поляков как «непостижимую глупость», что является по сей день общепринятой точкой зрения. Какова же была реальная причина польской русофобии, мы уже рассмотрели выше.

В целом англо-французы были не против создания коалиции, но пытались свести дело к тому, чтобы не иметь прямых обязательств по отношению к Советскому Союзу, который был обязан прийти на помощь «союзникам» в любом случае. 17 августа Ворошилов временно прервал переговоры и объявил, что дальнейший их ход зависит от ответа Англии и Франции на поставленные советской военной миссией принципиальные вопросы, прежде всего о пропуске советских войск Польшей. Он предупредил, что, если в течение двух дней ответы получены не будут, переговоры придется прекратить окончательно. В указанный срок ответа не последовало. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание ещё на 3–4 дня. В ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении. Советское руководство выступило с заявлением, что данный факт не является препятствием для заключения соглашения о взаимопомощи с другими странами, но английская и французская делегации, убыв на родину «для консультаций», в Москву уже не вернулись.

Антисоветски настроенные историки пытаются представить дело так, что СССР вел переговоры с Западом для вида, лишь для того, чтобы использовать их как ширму и средство

давления на Германию для скорейшего заключения «сговора». В качестве аргумента неизменно приводится тот факт, что 11 августа – в день прибытия в Москву англо-французской делегации, Политбюро приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». Но, во-первых, советская сторона настаивала на заключении именно торгового соглашения с Германией, без чего отказывалась серьезно обсуждать иные вопросы. Во-вторых, если Москва еще только известила немцев о желании вступить в контакт, то в Лондоне в это время уже вовсю шли англо-германские переговоры о разделе мира! Англия готова была признать страны Юго-Восточной Европы сферой государственных интересов Германии, а также предоставить рейху доступ к эксплуатации африканских колоний. Однако немцы, не доверяя англичанам, отклонили их предложения. К тому же в колониях они, вопреки расхожему мнению, не нуждались. Советское правительство знало об этих переговорах, и даже получило по каналам внешней разведки некоторые подробности, что, безусловно, подтолкнуло к активизации переговорного процесса с Германией и убедило в несерьезности намерений Великобритании в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Усугубляло ситуацию и то, что правительства западных стран начали вводить эмбарго на поставку в СССР определенных видов товаров и промышленного оборудования.

Итак, военного союза с Германией советское правительство не желало, а западные державы (прежде всего Великобритания) не желали брать какие-либо взаимные военные обязательства перед СССР. Польша категорически отвергала даже односторонние военные гарантии Москвы в случае германской агрессии. Румыния так же отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Оставался последний вариант – нейтралитет. Некоторые исследователи считают, что договор с Гитлером означал для Москвы выбор меньшего зла, то есть Советскому Союзу они отводят роль объекта, а не субъекта большой политики. Нет, речи об уступках кому-либо не шло. Уж если СССР занял нейтральную позицию, преследуя исключительно собственные национальные интересы, то и заключение договора о ненападении было нашей стране выгодно – Германия очень щедро заплатила за него, к тому же авансом. Изначально немецкая дипломатия рассчитывала лишь на совместную декларацию о неприменении силы друг против друга. Однако 15 августа в ответ на послание министра иностранных дел Германии Риббентропа, в котором тот выражал готовность лично приехать в Москву для выяснения германо-советских отношений, Молотов предложил заключить договор о ненападении, но непременным условием поставил заключение широкого торгового соглашения. 19 мая 1939 года в Берлине это соглашение было подписано. Газета «Правда» 21 августа сообщила по этому случаю следующее:

«19 августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное Соглашение между СССР и Германией. Соглашение подписано со стороны СССР – зам. торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны – г. Шнурре. Торгово-Кредитное Соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5 % для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т. е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок».

По этому кредиту Сталин потребовал от Германии не ширпотреб, а ценное промышленное оборудование для нужд военной промышленности, передовые технологии и вооружение(!). Когда Германия, скрепя сердце, согласилась удовлетворить столь обширные советские требования, СССР подписал с ней 23 августа 1939 г. Договор о ненападении. Он был нужен именно Германии, Советскому Союзу он никаких гарантий не давал. Советская же

сторона получила взамен поставки (прежде всего военные), важность которых трудно переоценить в свете приближающейся войны.

Критики этого соглашения через полвека пытались обосновать мысль, что заключение договора о ненападении принесло нашей стране только вред, поскольку-де усыпило бдительность и позволило Германии внезапно напасть на СССР и нанести катастрофические потери Красной Армии. Мнение это широко распространено, но ничем не обосновано. Факты показывают, что именно с августа 1939 г. в Советском Союзе разворачивается форсированное военное строительство – за два года РККА увеличила свою численность почти втрое. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Одновременно проводилась широкая программа по техническому перевооружению армии. На утрату бдительности и самоуспокоение это никак не походит. Критики Сталина неизменно указывают на его подозрительность даже по отношению к ближайшим соратникам, однако при этом делают абсурдные заключения о том, что Гитлеру он верил. Никаких фактов, прямо свидетельствующих о доверии Сталина к немецкому диктатору, критики не приводят, а свидетельства обратного старательно игнорируют. В результате эта концепция получается довольно хлипкой и используется ныне лишь в сфере пропаганды, оставаясь за рамками серьезной научной дискуссии.

Наконец последний аргумент критиков заключается в «аморальности» самого факта заключения каких-либо сделок с Гитлером. Если принять такую точку зрения, то придется объявить аморальной саму дипломатию, которая апеллирует лишь к целесообразности и выгоде. Напротив, СССР перед войной пытался проводить открытую политику, чего другие державы старательно избегали. Например, политические англо-франко-советские переговоры весной-летом 1939 г. зашли в тупик из-за нежелания Англии и Франции принять советское определение понятия «косвенная агрессия», при котором союзные обязательства вступали в силу. В советском варианте она определялась следующим образом: *«Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств [страны, пограничные с СССР, а также Бельгия и Греция] соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»*.

Это было расценено англо-французами как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны, прежде всего прибалтийские республики. Повышенное внимание советской стороны к Прибалтике было отнюдь не случайным. Как выяснилось в ходе переговоров, западные державы не намерены давать гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии, что в Москве расценили как явный намек Гитлеру на маршрут, по которому тому следует направить свою экспансию. Хочу напомнить, что в то время Германия имела с Литвой общую границу, и потому гипотетически могла атаковать СССР через Прибалтику даже в обход Польши.

Со своей стороны западные партнеры предлагали такой вариант договора, при котором наличие «косвенной агрессии» устанавливалось лишь после трехсторонних консультаций. Вот и скажите, кто в данном случае вел себя аморально? СССР хотел честно предупредить малые страны, что их добровольное содействие военным устремлениям Германии или подчинение ей под давлением будет расценено как агрессия и неминуемо приведет к ответным мерам. Таким образом, правительства этих стран получали возможность адекватно оценивать последствия своих сношений как с Германией, так и с ее политическими противниками. Англо-французы же не желали формулировать четкие критерии вступления в силу союзных обязательств, оставляя этот вопрос исключительно на свое усмотрение. Мол, захотим – признаем Грецию косвенным агрессором всего лишь за поставку оливкового масла в Германию, потому что оно идет в пищу немецких солдат.

Наконец, западные «демократии» отнюдь не считали аморальным оккупировать нейтральные или даже союзные страны, если видели в этом необходимость. Гитлер предпринял 9 апреля 1940 г. вторжение в Норвегию с целью противодействовать оккупации этой страны Великобританией. Но ведь Норвегия даже косвенно не поддерживала немцев, следовательно, никакого морального и правового обоснования английской интервенции быть не могло. Хотя не буду спорить, что военная целесообразность в этом имелась. В 1944 г. англичане оккупировали Грецию – своего союзника по антигитлеровской коалиции и спровоцировали там гражданскую войну. Какими моральными принципами это можно обосновать? Поэтому позицию западных «демократий» по вопросу определения косвенной агрессии на московских переговорах нельзя охарактеризовать иначе как лицемерную.

С конца 80-х годов в СССР ведется мощная пропагандистская работа по дискредитации советско-германского Договора о ненападении, а в более широком смысле – сталинской внешней политики. Основной аргумент ревизионистов (особенно усердствует в этом секта резунистов) заключается в том, что Германия была не в состоянии напасть на СССР в 1939 г., а потому не было нужды заключать соглашение с Гитлером. За два года после заключения договора германский военный потенциал вырос многократно, и потому в 1941 г. соотношение сил стало менее выгодно Советскому Союзу, чем в 1939-м. Таким образом, критики дезавуируют основной аргумент своих противников о том, что двухлетняя мирная передышка нужна была нашей стране для подготовки к большой войне. Мол, это Гитлер получил передышку на Востоке и воспользовался ею более эффективно, нежели Сталин.

Критики упускают, причем сознательно, тот факт, что военный потенциал измеряется не количеством дивизий, танков и самолетов, а прежде всего способностью страны произвести танки и самолеты, быстро мобилизовать и вооружать новые дивизии. В этом смысле к 1941 г. военная мощь СССР увеличилась гораздо более, нежели возрос военный потенциал Германии. Ведь немцы уже в 1939 г. имели те образцы вооружения, которые использовали вплоть до конца войны. А у нас в августе 1939 г. не было ни Т-34, ни КВ. Современные истребители, способные на равных противостоять Ме-109, еще только проектировались, так же как и знаменитый впоследствии штурмовик Ил-2. Легендарная «катюша» и грабинская 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 существовали тогда лишь на бумаге, на вооружении Красной Армии не было ни единого автомата. Да и промышленность была не готова дать новейшие образцы оружия в необходимых количествах.

За считанные месяцы перед войной на вооружение были приняты десятки новых образцов боевой техники, заводы смогли освоить их массовое производство. В чем, кстати, немцы, скрипя зубами, очень помогли товарищу Сталину. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться со списком тех товаров, которые Германия поставила Советскому Союзу в обмен на зерно, сырую нефть, пеньку и железную руду – например, бомбардировщики люфтваффе в небе над Москвой сбивали зенитки, произведенные на заводах «Шкода». Немцы ввели всеобщую воинскую обязанность в 1935 г., и за четыре года подготовили неплохой мобилизационный резерв для своих вооруженных сил. В СССР же закон о всеобщей воинской обязанности был принят лишь 1 сентября 1939 г., и потому 22 июня 1941 г. врага встретил кадровый состав Красной Армии, а не милиционные дивизии территориальной дислокации.

Но все же главное значение советско-германского договора о ненападении лежит не в экономической и военной, а в политической (можно даже сказать – геополитической) плоскости – это была одна из самых грандиозных дипломатических побед, когда либо одержанных русскими. В 1939 г. Советский Союз действительно находился в тисках агрессивных государств. Польская пресса открыто писала о великом крестовом походе против России, а польский генштаб разрабатывал соответствующие военные планы. Румыния продолжала оккупировать Бессарабию. Даже прибалтийские карлики – Латвия и Эстония заигрывали с

Германией, а немецкие генералы инспектировали границу с СССР. Финны строили планы создания Великой Финляндии с границами по реке Неве и Беломоро-Балтийскому каналу (оцените-ка их аппетиты!). Финляндию ныне принято изображать мирной демократической страной, невинной жертвой сталинской агрессии, при этом как-то забывается, что само финское правительство объявило войну СССР, имея на повестке дня план стратегического наступления на Петрозаводск. На востоке в момент подписания советско-германского договора в августе 1939 г. Красная Армия вела боевые действия против японских агрессоров. Казалось бы, локальное столкновение, но на Халхин-Голе мы потеряли за полгода около 10 тысяч солдат (для сравнения, за десятилетие войны в Афганистане безвозвратные потери Советской армии составили 14,5 тысяч человек).

Англия и Франция вроде бы не проявляли открытых агрессивных намерений, но именно эти державы последовательно выстраивали в течение полутора десятилетий систему антисоветских союзов и блоков. Политика так называемого умиротворения Германии в конечном итоге преследовала цель толкнуть ее против СССР. На это же была направлена жесткая стратегия внешнеполитической изоляции Советского Союза. Относительно нормальные отношения, да и то лишь внешне, связывали СССР из ближайших соседей только с Чехословакией, но та приказала долго жить в марте 1939 г. Союзник же у нас был на всем земном шаре лишь один – Монголия.

И вот в августе 1939 г. русские одним ударом разрывают удавку, которую Запад годами плел вокруг нашей шеи! Когда современники описывают реакцию Японии на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г., они, словно сговорившись, используют слово «шок». Английский посол в Токио Крейги телеграфировал в Лондон, что подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом» (Documents on British Foreign Policy, 1919–1939). А вот телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в НКВД СССР: *«Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»*.

Уникальный случай в истории дипломатии: заключение договора между двумя странами вызвало отставку правительства в третьей стране, которую данный договор никак не затрагивал. Японский кабинет, возглавляемый Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создано новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». В результате этой новой ориентации 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан договор о нейтралитете, о котором, в свою очередь, английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщала, что этот договор представляет собой подлинный провал американской дипломатии (см. газета «Правда» за 19 апреля 1941 г.).

Сами посудите: Япония воюет с СССР в Монголии, Германия – союзник Японии по «Антикоминтерновскому пакту»⁴, но Риббентроп заключает договор с врагом японцев не только не консультируясь со своим восточным партнером, но вообще не ставя в известность Токио о своих намерениях. Самураи вынуждены были в сентябре замирииться с Москвой,

⁴ «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

объявив халхингольское побоище случайным инцидентом, но к Германии они с тех пор питали стойкое недоверие. Поэтому каждая держава вела в 1941–1945 гг. свою отдельную войну – немцы с СССР, японцы с США, и об атаке на Пирл-Харбор Гитлер узнал из газет. Фактический срыв германо-японского военного союза – вот главный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 1939-го. Нетрудно представить себе, какие катастрофические последствия имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г. по СССР.

То, какие истинные намерения имели по отношению к русским западные «демократии», стало ясно через несколько месяцев. В конце 1939 г. французский и британский генштабы планировали операцию по уничтожению с воздуха нефтепромыслов Баку и отправку на помощь финнам воинского контингента. И это в то время, когда обе страны находились в состоянии войны с Германией! Тут, правда, есть один нюанс: с немцами англо-французы вели «сидячую» войну, а вот с Советским Союзом намеревались воевать по-взрослому. Надо прочувствовать всю глубину отчаяния лондонских и парижских стратегов: они усиленно, и как им казалось, успешно, науськивали Германию «нах остен», а этот чертов Молотов подмахнул Риббентропу одну бумажку, и все их многолетние комбинации пошли насмарку. На Гитлера англо-французы тоже сильно обозлились, и войну Германии объявили, вероятно, лишь с одной целью – образумить его. Поэтому, совершая налеты на Германию, английские бомбардировщики сбрасывали на немецкие города не бомбы, а листовки. Удар по СССР, который западные союзники планировали осуществить в апреле 1940 г., – это уже не намек, а совершенно открытое послание Гитлеру: друг Адольф, на Востоке у нас есть общий враг, давай забудем небольшое недоразумение с Польшей и займемся, наконец, делом.

Но тут своих западных союзников подвели финны – вместо победного марша на Петрозаводск они получили перспективу полного разгрома к середине марта и спешно запросили у Москвы мира, каковой и получили на вполне приемлемых условиях. Тем не менее, западные союзники не отказались от планов бомбового удара по объектам нефтяной промышленности на Кавказе, но перенесли дату окончания приготовлений на середину мая 1940 г. Советское командование, в свою очередь, передислоцировало в Закавказье несколько дальнебомбардировочных полков и стало готовить ответный удар по сирийским и иракским авиабазам союзников. Неизвестно, как бы повернулся ход мировой истории, если бы за несколько дней до предполагаемого начала войны между СССР и англо-французами Гитлер не показал последним, что такое блицкриг. В результате этого показа французы капитулировали, а англичане поспешно бежали на свои острова. Заключение советско-германского пакта о ненападении действительно сыграло значительную роль. Значительную, но совсем не ту, которую приписывают ему антисоветские пропагандисты. 23 августа 1939 г. – это не только день триумфа советской дипломатии, но и момент позорного провала многолетней внешнеполитической стратегии Запада. Поэтому меня несколько не удивляет, что англосаксонские историки маниакально стараются переписать именно эту страницу истории.

Благодаря стараниям некоторых «историков» договор о ненападении представляется как договор о союзе между Германией и СССР. Нет, по сути это был лишь договор о нейтралитете в случае войны. Особо наглые баснописцы утверждают, будто Советский Союз после заключения Молотовым и Риббентропом «дьявольской сделки» стал снабжать Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему таким образом расправиться с западными демократиями. Снова налицо спекуляция – мы торговали с Германией, а не снабжали ее. Наоборот, воюющая Германия поставляла СССР оружие, что не могло не ослабить ее военный потенциал.

Даже те «историки», которые пытаются оправдывать Договор от 23 августа, отчего-то испытывают комплекс вины, единогласно объявляя его вынужденным шагом: мол, мы не хотели, но нам пришлось... Успокойтесь, ребята, Советскому Союзу адвокаты не нужны. Вынуждают подписывать договора только слабых, а СССР был сильной мировой державой,

и в отличие от нынешней РФ мог позволить себе действовать, исходя из собственных интересов, а не по чьему-то принуждению.

Уже предвижу вопли либералов-общечеловеков о том, два кровавых диктатора на основании заключенного пакта изнасиловали тихую скромницу Польшу. Причем некоторые пытаются объявить инициатором этого гнусного насилия Сталина, который отхватил себе большую часть Польши. Этот вопрос ниже будет рассмотрен более подробно, но если уж смотреть по существу, то вся территория Польши была оккупирована немцами. Те земли, которые отошли впоследствии к СССР, мы никогда польскими не считали. В 1921 г. Советская Россия заключила с Польшей мирный Рижский договор, по которому *временной* границей между двумя странами фактически стала существующая на тот момент линия фронта. В отношении оккупированных ляхами территорий было предусмотрено положение, по которому их государственная принадлежность должна быть в дальнейшем определена на основе плебисцита. Проводился ли предусмотренный договором плебисцит? Нет! Хотя бы только на основании этого пространство между линией Керзона⁵ и советско-польской границей по состоянию на август 1939 г. следует считать оккупированной поляками советской территорией. Рижский договор также предусматривал и равноправие нацменьшинств – русских, украинцев, белорусов. Никаким равноправием в версальской Польше и не пахло. СССР неоднократно заявлял протесты по этому поводу, на которые Варшава не реагировала. Также по условиям договора от 1921 г. Польша обязалась воздерживаться от поддержки антисоветских бандформирований, однако вооруженные банды не только действовали с ее территории, но и были руководимы кадровыми офицерами Войска Польского.

Плебисцит, предусмотренный Рижским договором, был проведен лишь в октябре 1939 г. и только после этого земли Западной Украины и Западной Белоруссии были включены в состав Советского Союза. Даже официальный Лондон вынужден был признать, что СССР не оккупировал Польшу. Премьер-министр Ллойд-Джордж высказывал мнение в письме польскому послу в Лондоне, что Советский Союз вернул назад *«территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после Первой мировой войны. Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии»*.

⁵ Линия, которая была рекомендована в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Проведена была по этническому принципу. Получила название по имени маркиза Керзона, министра иностранных дел Великобритании, который во время советско-польской войны 1920 требовал прекратить наступление Красной Армии на этой условной линии. В 1945 г. почти в точности по линии Керзона была установлена постоянная советско-польская граница.

Протокол

Сам по себе заключённый 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении не ущемлял интересы третьих стран. Прибалтийский кризис 1939–1940 гг. был спровоцирован началом войны в Европе, но не имел никакой прямой связи с советско-германским соглашением, о чем неустанно кричат ныне тамошние идеологи. Тем не менее именно в Прибалтике в конце 1980-х годов разразилась массовая истерия по поводу преступного сговора между двумя диктаторскими режимами, якобы в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами перестройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. В дальнейшем на базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась лишь потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши (особенно отличился на этой почве беглый предатель Владимир Резун, пишущий под псевдонимом «Суворов»). Немудренная байка, но поляки в нее верят до сих пор. Кстати, если говорить о нации, имеющей наиболее извращенное представление о своей истории, то это, несомненно, будут поляки. У них даже официально создано «министерство правды» – Институт национальной памяти, занимающийся переписыванием истории и цензурой. Например, с подачи этого органа в «свободной» Польше был запрещен к показу знаменитый польский художественный фильм «Четыре танкиста и собака».

Свою страну ляхи неизменно представляют жертвой Второй мировой войны, и совсем не вспоминают, что ей предшествовал раздел Чехословакии, в котором Польша приняла самое деятельное участие «с жадностью гиены» по словам Уинстона Черчилля. Подзабыли поляки и о том, что непосредственным поводом к войне стала оккупация ими немецкого города Данцига (точнее, не сама оккупация, а отказ Польши вернуть этот германский город Германии) и массовая дискриминация двухмиллионного немецкого населения Польши.

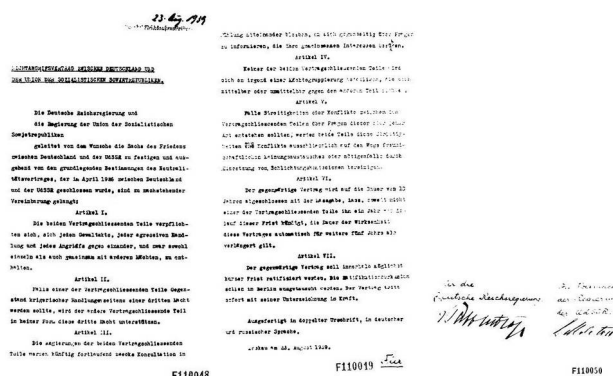

Фото 1. Немецкий текст советско-германского пакта о ненападении по микрофильму фон Леша. Обращает на себя внимание непоследовательная нумерация кадров (возможно, что на второй странице цифра «4» не пропечаталась, хотя это кажется маловероятным). Сомнительно и то, что третья страница договора не содержит ничего кроме подписей при том, что на страницах договора не видна нумерация. Так никогда не оформляются документы! В противном случае можно будет третью страницу договора подшить к любому тексту и утверждать, что его подписали Молотов и Риббентроп.

Почему я называю «секретные протоколы» к советско-германскому пакту фальсификацией? Хотя бы потому, что таковые документы не найдены ни в советских, ни в германских архивах и нигде они официально не признавались вплоть до 1989 г. В РФ якобы обнаружены в 1992 г. «оригиналы» протоколов, но и их тоже никто никогда не видел. Что же до изображений оных, которые гуляют в Интернете, то совершенно очевидно, что они слеплены в программе «Photoshop».

Разумеется, секретные договоренности между странами практикуются, ибо такова есть давняя дипломатическая традиция – щепетильные вопросы межгосударственных отношений решать в конфиденциальном порядке. Дипломатия – старшая сестра разведки, и секретность – мать ее. Общественность видит лишь результаты усилий дипломатов, механизмы же их достижения чаще всего сокрыты завесой тайны. Например, к договорам о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими государствами, заключенными осенью 1939 г. прилагались конфиденциальные протоколы, определяющие порядок ввода и размещения на их территории советских войск. При этом в тексте самих договоров есть ссылка на эти самые конфиденциальные протоколы.

Есть и другой тип секретных договоренностей – решения в отношении третьих стран, исключающие какую-либо утечку информации и имеющие крайне узкий круг лиц, посвященных в тайну. Подобные соглашения обычно оформлялись не в виде официального межгосударственного трактата, а в форме личного договора между правителями. Не припомню за всю историю дипломатии ни одного подобного тайного соглашения, которое бы было заключено с соблюдением официального ритуала и формальностей документооборота. Зато есть пример решения вопроса о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Восточной Европе на встрече Черчилля со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г. Вот как об этом вспоминал сам Черчилль:

«Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

«Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов

Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов Россия – 10 процентов.

Югославия: 50 на 50 процентов.

Венгрия: 50 на 50 процентов.

Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку».

«Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин»⁶.

Можно, конечно, усомниться, что дело происходило в точности так, как это описал Черчилль, но примерно таким образом секретные соглашения о разделе сфер влияния и заключаются. Действительно, какой смысл официально подписывать тайный договор, если его юридическая сила равна нулю? В случае невыполнения одной стороной тайного соглашения другая сторона не может публично потребовать его исполнения. Страна-нарушитель просто станет отрицать наличие каких-либо тайных обязательств. Всякий межгосударственный договор обретает силу лишь после взаимной ратификации. Так что, на мой взгляд, нужды в оформлении «секретных протоколов» к пакту не было ни малейшей, тем более что переговоры 23 августа 1939 г. происходили не на высшем уровне.

Но, поскольку советско-германские переговоры носили серьезный характер, во время бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, несомненно, рассматривался очень широкий спектр вопросов, к коим относились и вопросы безопасности границ СССР. Возможно, что в беседах было установлено представление об интересах двух держав в Восточной Европе. Но достигнутое в разговорах понимание, даже если оно и имело место, к делу не пришьешь. К тому же об этом ничего не известно, и рассуждать об этом можно только гипотетически.

Те «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев, разоблачая «преступления Сталина», представляют собой откровенную фальшивку. Яковлева пытался убедить депутатов в их подлинности уверениями, что он якобы держал в руках копии с фотокопии «секретных протоколов», неизвестно кем и неизвестно когда сделанные, и переданные ему властями ФРГ, которые, в свою очередь, получили их от американцев. При каких обстоятельствах янки их приобрели, вообще установить невозможно. Те вещдоки, которые якобы были предъявлены общественности в 90-х годах, когда вдруг был найден «оригинал» советского комплекта «секретных протоколов», сфабрикованы уже после исторического доклада, когда потребовались улики для обвинения во время суда по делу КПСС. На этом суде впервые всплыли и фальшивки по так называемому катынскому делу, но слеплены они были настолько грубо, что даже «демократический» суд, скрепя сердце, отказался приобщать многие из них к делу.

ПАКТ О НЕПРЕДЕЛИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКОМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и
Правительство Германии
Учредившие взаимное укрепление дружбы между СССР и
Германией и исходя из основанного взаимного договора о непримире-
тельности, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,
приняли к следующему соглашению:

Статья I.
Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться
от всякого наезда, от всякого агрессивного действия и всяко-
го нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и
совместно с другими державами.

Статья II.
В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется
объектом военных действий со стороны третьей державы, другая
Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой
форме эту державу.

Статья III.
Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся
в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы
информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие
интересы.

F110051

Статья IV.
Обе Договаривающиеся Стороны не будут участвовать
в каких-либо группировках держав, которые могут или косвенно
направлены против другой стороны.

Статья V.
В случае возникновения спорных вопросов между Дого-
варивающимися Сторонами по вопросам в настоящем пакте, обе
стороны будут стремиться эти споры для выработки справедливого
направления путем в порядке дружественного обмена мнениями или в
таких случаях путем создания комиссий по урегулированию кон-
фликтов.

Статья VI.
Настоящий договор заключен сроком на десять лет с тем,
что по истечении срока из Договаривающихся Сторон не должно
быть ни одной из Договаривающихся Сторон, срок действия договора будет
считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.
Настоящий договор подлежит ратификации в возможно
короткий срок. Сроки ратификационных грамот должны произойти
в Берлине. Договор вступает в силу ратификации после его
подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском язы-
ках в Москве, 23 августа 1939 года.

М. Сталин
И. Риббентроп
В. Молотов

F110052

Фото 2. Русский вариант пакта из коллекции фон Леша.

⁶ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война // http://www.knigivinternet.ru/kniga/MEMOR/WORLD_II/90.html

Опубликованы тексты «оригиналов» протоколов были впервые в журналах «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.). После публикации «оригиналы» куда-то таинственно исчезли и сотрудники Архива президента РФ ничего вразумительного об их местонахождении сказать не могут. Валентин Антонович Сидак, генерал КГБ, расследующий историю с сомнительными протоколами в течение многих лет, утверждает следующее: «Когда МИДу России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... ну, правильно, все к тому же журналу «Новая и новейшая история»»⁷.

Давайте ознакомимся с «каноническим» текстом «секретных протоколов».

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп*

Москва, 23 августа 1939 года

⁷ <http://www.rusk.ru/st.php?idar=11702>

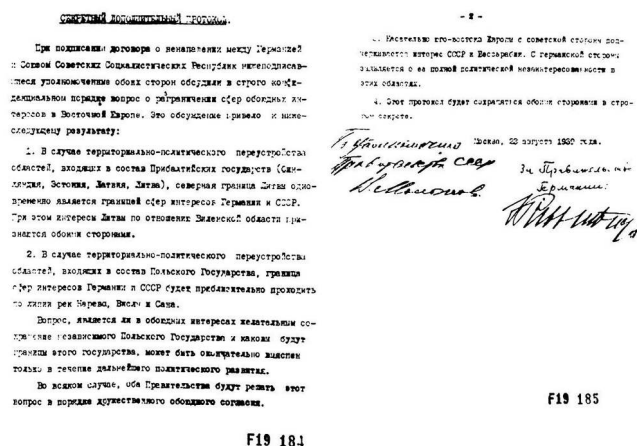

Фото 3. Секретный протокол к пакту с микрофильма фон Леша. Русский вариант.

Текст воспроизводится по фотокопии, опубликованной в выпущенном в США сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» (Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948), где были представлены тексты протоколов, якобы захваченные союзниками в 1945 г. Поскольку протокол фальшивый, то честь первой публикации принадлежит американцам, как бы это в дальнейшем не пытались затушевать этот факт «историки». К тому же, например, «официальная» публикация в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г., № 1) менее достоверна, нежели даже фотокопия: Риббентроп назван здесь «И. ФОН РИББЕНТРОП», хотя в советских дипломатических документах титулатура никогда не использовалась.

На русском языке американский сборник выпущен в США в 1983 г. литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.» (в качестве переводчика выступил известный беглый антисоветчик, «историк» Фельштинский). В 1989 г. в Вильнюсе в издательстве «Mokslas» 100-тысячным тиражом выпущена книжка «Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В выходных данных так и сказано, что она отпечатана по фотокопии (видимо имеется в виду фотокопия издания «Moksvo», 1983 г.). В данном издании использовано предисловие на русском и литовском языке, подписанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В. Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А. Эйдинта-сом. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в переводе Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы».

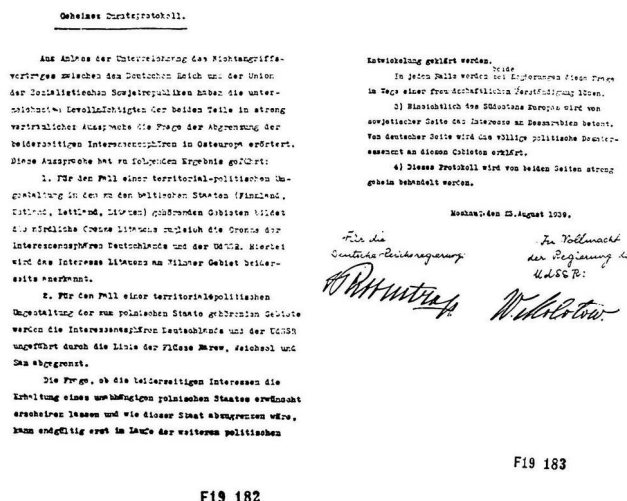

Фото 4. Немецкий «секретный протокол» с микрофильма фон Леша. Мало того что с исправлениями, так еще видна и небрежность в оформлении. Номера параграфов 1 и 2 отделены от текста точкой, а 3 и 4 – скобкой. Также отсутствует нумерация страниц, что вообще-то принято делать на многостраничных документах.

В печатных изданиях тексты «секретных протоколов» зачастую приводятся в переводе с английского, в связи с чем в нем много неточностей. Например, вместо слова «договор» в преамбуле «секретного протокола» используется слово «пакт». Как видно, использовался текст Фельштинского, а тот выполнил перевод с английского текста американского сборника, где действительно значится Non-aggression Pact. Уму непостижимо, на кой черт Фельштинскому потребовалось делать обратный перевод с английского, если в его распоряжении была фотокопия русского «оригинала». Между тем слово «пакт» в официальных документах НКВД по отношению к договору с Германией от 23 августа 1939 г. никогда не употреблялось.

В Интернет можно найти массу изображений, выдаваемых то за американскую фотокопию протокола с немецкого микрофильма, то за советский «оригинал» с солидной ссылкой: «Leihgeber: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin» или «Архив Президента РФ, Особая папка, пакет № 34»⁸. Но на самом деле во всех случаях представлены лишь репродукции из выпущенной Госдепартаментом США в 1948 г. книги⁹. На приведенном рисунке отлично видны номера страниц (196, 197), а также то, что на оборотной стороне отпечатан какой-то текст, чего на оригинале быть не могло, а уж на фотокопии и тем паче.

Сразу бросается в глаза безграмотность составителей этой фальшивки, что вполне объяснимо, если допустить, что изготавливали ее люди, для которых русский язык не является родным, Потому они пишут «обоими сторонами» вместо «обеими сторонами». На приведенной фотокопии мы видим, что такая ошибка допущена трижды. Помимо этого в протоколе имеется исправление (хорошо видно на снимке): в слове «разграничении» пропущена буква «з». Покажите мне хоть один официальный документ такой важности, где бы присутствовали исправления от руки!

Другая ошибка в стогом смысле является не ошибкой, а проявлением небрежности, но весьма характерной. В официальных юридических документах во избежание разночтений географические названия не склоняются, иногда и фамилии тоже. То есть фраза «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского

⁸ См.: «Википедия» // <http://ru.wikipedia.org>

⁹ См.: <http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/stalina2/index.html>

Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана» должна была быть записана так: «... по линии рек Нарев, Висла и Сан».

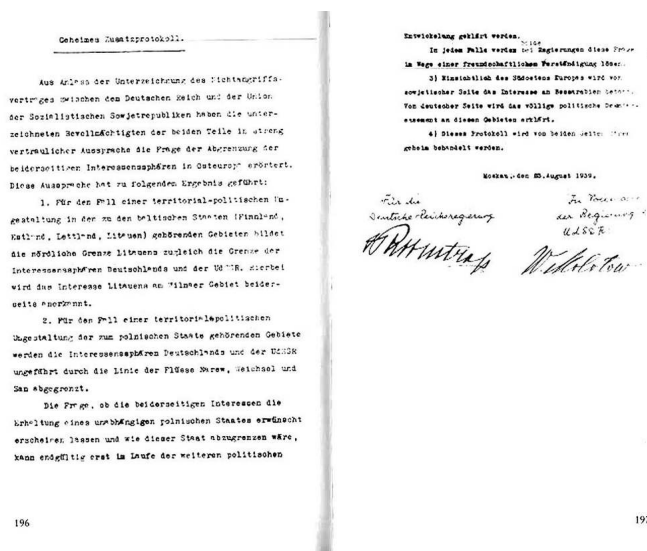

Фото 5. Единственное отличие «секретных протоколов» в госдеповском сборнике от микрофильмов фон Леша – отсутствие нумерации кадров.

Кстати, история с реками имела свое продолжение. Оказалось, что Молотов и Риббентроп, перекраивая политическую карту Европы, отчего-то как раз карты под рукой не имели. В результате раздел сфер интересов был проведен по реке Нарев, которая имеет исток в Белостокском воеводстве, не касаясь своим течением границ Польши.

Для устранения недоразумения якобы был составлен следующий документ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана».

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп*

Москва, 28 августа 1939 года

Воспроизводится по изданию МИД СССР «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в двух томах», вышедшему в 1990 г. Издатели, чтоб никто не подумал, что они высосали этот текст из пальца, ссылаются на источник: «Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3».

Но стоит только посмотреть на текст, как сразу видно, что его слепили идиоты. Риббентроп не мог подписать это разъяснение 28 августа 1939 г., потому что он улетел в Берлин 24 августа, а следующий визит в Москву совершил только 27 сентября. Потом спохватились, и в журнале «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) разъяснение за правительство Германии подписал уже посол Шуленбург. Чтоб общественность не волновалась, даже картинку с автографами сделали.

Коль уж решили уточнить границу, так следует уточнять ее на всем протяжении. В первоначальном варианте упущено, что Нарев впадает в реку Буг, а уж тот соединяется с Вислой чуть севернее Варшавы. Вроде бы мелочь, подумаешь, в границе образовалась брешь километров в 40. Но когда сходятся друг с другом миллионные армии, желательно провести разграничительную линию так, чтобы никаких эксцессов не возникало, потому что если буквально руководствоваться «разъяснением к секретному протоколу», то германская армия вполне может получить плацдарм на правом берегу Вислы. В оправдание такой небрежности можно сказать то, что на польских картах значилось, что Буг впадает в Нарев, а не наоборот. Однако на советских картах таких казусов никогда не наблюдалось. В старые времена было обыкновение небольшой участок течения от слияния двух рек до впадения в Вислу именовать Буго-Нарев. То есть необходимость устранения возможных кривотолков имела в любом случае. Отсюда можно сделать вывод, что фальсификаторы пользовались не русскими картами, иначе текст «секретного протокола» и разъяснение к нему обладали бы большей точностью. Но почему в Кремле, где якобы и подписывались все «секретные протоколы», не было русских карт?

Наконец, мы читаем здесь: «...граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана». Название реки Нарев написано с ошибкой, вызванной неправильным склонением. Такую ошибку вполне мог допустить человек, говорящий на английском языке и пользующийся картой, на которой названия даны в английской транскрипции. В английском, как известно, географические названия не склоняются. В пользу того, что исходный текст «секретного протокола» делал англоговорящий человек, косвенно свидетельствуют и такие лингвистические особенности:

- написано «Польского Государства» вместо «польского государства»;
- «Прибалтийских государств» вместо «прибалтийских государств».

В русском языке прилагательное «прибалтийский» однозначно пишется со строчной буквы, в то время как имя собственное «Прибалтика» всегда с заглавной. По-английски же вполне допустимо писать Polish State и Baltic States, однако в указанном американском издании в тексте «секретного протокола» встречается только второе словосочетание, а «Польское государство» пишется как Polish state, хотя в других документах в том же сборнике встречается и написание Polish State. В советском двухтомнике «Год кризиса 1938–1939» в приведенном тексте «секретного протокола» (со ссылкой на сохранившуюся машинописную копию: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2.) в обоих случаях написано «Польского государства», что не соответствует русскому варианту американской фотоконии из сборника 1948 г.

Впрочем, американское издание выполнено очень халтурно. Одно и то же слово «договор» там переводится тремя различными способами: agreement, treaty, pact. А уж чтобы перевести слово «Германия», как German Reich, надо обладать большим пренебрежением к документу, пусть даже и фальшивому. Любопытно, что в немецком тексте «секретного протокола» «Польское государство» пишется как polnischen Staate, а «Прибалтийских государств» как baltischen Staaten, в то время как «Виленская область» обозначена Wilnaer Gebiet – оба слова с заглавной буквы, что вызывает определенные сомнения. Опять же, немецкий текст «секретного протокола», известный по американской публикации, не обошелся без исправлений.

Снова фальсификаторы прокалываются и с географией: Финляндия – это скандинавская страна, а Прибалтикой традиционно называют лишь территории бывших Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Впрочем, для янки это мелочи – к Прибалтике они приписали еще и Финляндию. Следуя их логике Германию и Данию тоже можно считать Прибалтикой, так как их берега омываются водами Балтийского моря.

Большое сомнение вызывает и стилистика протокола. В договорах о разграничении интересов стороны заинтересованы добиваться ясности смысла и четкости формулировок. А что означает выражение «*В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства*»? Уж коли протокол секретный, то почему бы не писать откровенно: мол, в случае войны вермахт занимает такие-то области, а РККА – такие-то? И что значит словосочетание «в течение дальнейшего политического развития» в отношении Польши, которую уже поделили? Советской дипломатии были совершенно несвойственны подобные туманные витиеватости.

Я совершенно не в силах поверить, что подобное мог написать человек, хорошо владеющий русским языком, тем более дипломат, и, тем паче, глава правительства СССР Вячеслав Молотов. Литератор Феликс Чуев, хорошо знавший Вячеслава Михайловича, характеризовал его так: «...ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе»¹⁰.

Непосредственные изготовители фальшивок отнеслись к своей работе с юмором, и потому, подделывая подпись Молотова, начертали ее в двух случаях латиницей (текст договора и протокол на немецком языке). В реальности такое, конечно, невозможно. Представьте себе, что президент РФ Путин, отдавая японцам пресловутые «северные территории», поставил бы под одним экземпляром договора свою подпись японскими иероглифами, а в другом подмахнул бы бумагу по-немецки, благо сим языком он владеет неплохо. У историков в будущем неминуемо возникнет вопрос: какую же страну представлял герр Путин-сан, и не был ли договор об уступке Россией Курильских островов сфабрикован японскими спецслужбами при помощи немецких коллег?

Факт, просто вопиющий о подложности документа – параграф о признании обеими сторонами притязаний Литвы в отношении Виленской области. Во-первых, Литва не была субъектом переговоров, а потому этот пункт здесь выглядит просто абсурдно. Во-вторых, если по смыслу п. 2 протокола Виленская область входит в сферу интересов Советского Союза, то признание или непризнание литовских претензий – это предмет двусторонних литовско-советских отношений (только в случае ликвидации Польши, конечно). При этом возникает принципиальное противоречие с п. 1 протокола, по которому Литва отнесена к германской сфере интересов. Но самое главное, Литва в 1938 г. официально отказалась от притязаний на Виленскую область, и потому ни Германия, ни СССР не могли признавать интересы Литвы в данном вопросе. Появился пункт о Виленской области в протоколе видимо лишь потому, что фальсификаторы старались подогнать его под реальные события. Но сделали они это крайне неуклюже (подробности см. в главе «Вильно»).

Сам по себе этот документ алогичен и противоречив. Если речь идет о *разграничении* взаимных интересов, то это разграничение должно обсуждаться лишь там, где сферы интересов двух держав соприкасаются. В случае с Польшей все более-менее понятно, поскольку на польской территории на западе проживало 2 миллиона немцев, защищать права и интересы которых Германия считала своим долгом, а на востоке на отторгнутых Польшей от России в 1920 г. землях жило более 10 миллионов украинцев и белорусов (плюс более полутора миллионов евреев). Но в отношении Литовской республики возникают серьезные вопросы. С

¹⁰ Феликс Чуев. 140 бесед с Молотовым.

какой стати Литва отнесена в сферу интересов Германии? С Литвой из всех балтийских стран у СССР были наиболее дружественные отношения (если точнее, то они были не настолько плохими, как со всеми прочими). В 1938 г. именно решительная позиция Советского Союза позволила избежать агрессии Польши против Литвы, к чему дело и шло.

Никаких экономических или политических интересов у Германии в Литве после возвращения Мемеля не было. С Литвой у Германии не существовало договора о гарантиях в случае советской агрессии, а с Латвией и Эстонией соответствующие соглашения были подписаны. Эстония и Латвия – это территории бывшего Ливонского ордена, основанного в средневековье германскими крестоносцами. Немцы цивилизовали этот край, и многие века составляли в Эстляндии и Курляндии культурный и господствующий слой. Вплоть до 1940 г. в Латвии и Эстонии сохранялось значительное немецкое меньшинство. Литва в этом смысле стояла особняком, культурно тяготея не к Германии, а к Польше.

Видимо Литву авторы «секретных протоколов» временно отдали Германии, подгоняя протокол от 23 августа под известные события. В сентябре 1939 г. Германия пыталась прибрать Литву к рукам: 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии и готовности вторгнуться в Литву. Чуть раньше – 20 сентября в Берлине был разработан проект документа под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», статья I которого гласила: *«Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»*¹¹.

В случае с Финляндией никак не разрешен вопрос именно о *разграничении* сфер влияния – является ли финско-норвежский и финско-шведский рубежи границей советской сферы интересов, или они распространяются на всю Скандинавию? О характере германских интересов в Скандинавии нет ни слова, хотя эти интересы присутствовали, и в первую очередь, в Швеции, откуда немцы получали стратегически важное сырье для своей промышленности (из Финляндии тоже, но в меньшем количестве). То же самое и в случае с Румынией. Румыния в 1918 г. оккупировала область, называемую Бессарабией, и СССР никогда не признавал этого захвата. Бессарабию Москва однозначно планировала вернуть под свою юрисдикцию и спрашивать благословения Берлина на возврат своей территории не собиралась. Бессарабский вопрос – это предмет исключительно советско-румынских отношений.

Опять же, о предмете немецких интересов в Румынии ничего не говорится, несмотря на то, что еще 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее предпосылки для полной переориентации на Германию всей румынской экономики. В первую очередь это касалось поставок нефтепродуктов и продовольствия, что в случае войны приобретало стратегическое значение для Берлина. Так почему бы не оговорить этот вопрос в секретном протоколе? Ведь фактически дав добро на пересмотр советско-румынской границы, Риббентроп не мог исключать, что территориальный спор между двумя странами приведет к войне. Вот на этот случай и нужно было договориться, что, например, территория к юго-западу от линии рек Дунай – Прут не относится к советской сфере интересов. Логично? Необходимость четкого разграничения взаимных интересов в Румынии тем более актуальна, что Бессарабия является лишь частью Молдавии – исторической румынской области. А ну как Советский Союз решит прибрать к рукам всю Молдавию?

Бессарабский вопрос, кстати, дает нам хорошую возможность выяснить истину о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. Летом 1940 г. между Москвой и Берлином велась активная переписка, касающаяся территориального переустройства Бессарабии и Северной Буковины и вытекающих из этого проблем (например, вопрос переселения в Германию 120 тысяч бессарабских немцев – фольксдойче). Но ни в одном из этих документов нет ссылок на августовские «секретные протоколы» даже в завуалированной

¹¹ Цит. по: Пыхалов И. За что Сталин выселял народы.

форме. Например, не встречаются фразы вроде «на основании достигнутых ранее в Москве двусторонних соглашений...» или «в соответствии с известными московскими договоренностями...». Более того, по румынскому вопросу как раз возникли серьезные трения. Гитлера так перепугало приближение советских границ в июне 1940 г. на 120 км к нефтяным месторождениям Плоешти (20 минут лета для бомбардировщика), что Германия принялась настойчиво добиваться своего военного присутствия в регионе для обеспечения безопасности стратегического топливного источника. Советское правительство энергично этому противилось, утверждая, что немцы не имеют ни малейших прав на Балканы. По всему выходит, что бессарабский кризис стал для немцев неприятной неожиданностью, а значит, вопрос этот в августе 1939 г. Риббентроп с Молотовым обсуждать не могли (подробнее см. в главе «Бессарабия»). Следовательно, «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев в 1989 г., – фальшивка.

С другой стороны вызывает удивление, что в протоколе никак не отражены советские интересы в юго-восточном регионе Европы. В частности, ни слова не говорится о Болгарии, с которой СССР стремился в тот момент иметь дружественные отношения, дабы разместить на болгарском побережье Черного моря свою военно-морскую базу. Она имела очень большое значение, поскольку ее наличие могло предотвратить проникновение в Черное море вражеского флота через турецкие проливы. Учитывая, что Болгария фактически находилась в полной политической и экономической зависимости от Германии, а германское влияние на Турцию было чрезвычайно велико, логично ожидать, что важный для СССР вопрос черноморских проливов найдет своё отражение в «секретном протоколе». Однако он совершенно игнорируется.

Из текста документа следует, что советская сторона не только была извещена о предстоящем нападении немцев на Польшу, но даже получила авансом половину территории страны. То есть на основании п. 2 фальшивых «секретных протоколов» визгливая демократическая общественность объявила Советский Союз агрессором и сообщником зачинщика Второй мировой войны. Однако ход дальнейших событий опровергает эту логику.

Во-первых, сразу после начала германской интервенции СССР не атаковал Польшу и даже не стал искать повода для вторжения. Советский Союз демонстративно отвел войска от границы еще до начала конфликта. Это, кстати, вызвало очень негативную реакцию в Берлине, и Риббентроп 29 августа потребовал от Молотова объяснений через германского посла в Москве Шуленбурга и настойчиво попросил выступить с заявлением о том, что СССР наоборот наращивает свои силы на границе, объясняя это неспокойной обстановкой. Смысл просьбы понятен, ибо традиционно более мощные группировки польских войск были сконцентрированы на востоке страны против СССР, и Германия не желала, чтобы Советский Союз предоставлял полякам возможность укрепить западные рубежи. Однако официального советского заявления так и не последовало.

Во-вторых, Советский Союз заключил с Польшей торговые договора на поставку стратегических материалов, в частности хлопка, используемого в производстве пороха. Наконец, Красная Армия перешла границу лишь после того, как польское государство *de jure* прекратило существование в результате бегства правительства и верховного главнокомандующего, а польская армия была в стратегическом отношении полностью разгромлена.¹² Немецкие войска продвинулись не только за пределы своей пресловутой сферы интересов, но даже заняли часть территории восточнее будущей советско-германской границы. Частям РККА была дана директива продвигаться до соприкосновения с германскими частями, а вовсе не

¹² Немецкое командование начало снимать с польского фронта дивизии и перебрасывать их на Запад уже начиная со второй недели кампании, считая ее исход решенным.

до рубежа, отмеченного как граница сферы интересов СССР. И будущая граница прошла не по Висле, как то предполагалось «секретным протоколом».

Допустим, что «дополнительный секретный договор» действительно был подписан. Возникает вопрос: почему же Германия не соблюдала условия этого соглашения? Ведь в документе четко сказано, что Финляндия отнесена к сфере интересов СССР, однако там появились в октябре 1940 г. немецкие войска. Это является не просто грубейшим нарушением соглашения – это *военное вторжение* в зону интересов другой державы, то есть *акт агрессии* Германии против СССР. Почему Советский Союз не пресек подобное нарушение договоренностей со стороны Гитлера? И чего добивался Гитлер подобной провокацией – войны?

Но ведь и Советский Союз грубо нарушил условия «секретного протокола» уже через 28 дней после его подписания. Самый крупный польский город, занятый Красной Армией в ходе военных действий – Вильно, но Вильно, как известно, по условиям «секретного протокола» признавался за Литвой, а последняя была отнесена к сфере интересов Германии! Военной необходимости в захвате этой территории у СССР не было никакой, а вот вызвать конфликт с Германией такая акция вполне могла – в те дни нервы у всех были на пределе.

Гальдер

Складывается впечатление, что две державы, осуществляющие «территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав Польского Государства», совсем не помнили, о чем договаривались три недели назад! Франц Гальдер, сожалея о необходимости отдать Львов (Лемберг) Советам, даже в сердцах называет это «днем позора политического руководства». Генерал-полковник Гальдер, вообще-то не дивизией командовал, а был начальником штаба сухопутных войск. С политическим руководством находился в самом тесном контакте (включая Гитлера, чьи высказывания он обильно цитирует в своих рабочих записях), и не мог не знать о секретных договоренностях по разделу территории Польши, если бы они имели место еще в августе. Но он не знал. В «Военном дневнике» Гальдера¹³ за 17 сентября 1939 г. есть такая запись: *«Впервой половине дня – обмен мнениями с ОКВ относительно будущей демаркационной линии»*. До этого момента вопрос разграничения «сфер интересов» с СССР командование вермахта не волновал.

Ещё 7 сентября Гальдер писал следующее:

«Главком у фюрера (во второй половине дня 7.9): Три возможных варианта развития обстановки.

Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранён; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области [Западной] Украины – самостоятельны.

Русские выступят.

Если западные союзники начнут наступление, демаркационная линия та же. Политически мы не заинтересованы в продвижении к Румынии».

Здесь важно отметить, что ликвидация Польши не входила в планы Германии, поскольку с Варшавой немцы собирались договариваться о самостоятельности Западной Украины (которая якобы входила в сферу советских интересов по «секретному протоколу»). Гитлер о сохранении Польши неоднократно говорил уже в ходе начавшегося военного конфликта. Более того, после 3 сентября для него было *жизненно важно* сохранить Польшу и подписать с ее правительством мирный договор. Ведь Англия и Франция во исполнение своих союзнических обязательств объявили Германии войну. Но если законное польское правительство подпишет с немцами мир (предварительные условия Гальдер набросал), тогда и западные державы будут обязаны замирииться с Берлином. Война за польские интересы в случае, если сама Варшава не желает защищать их, утрачивает смысл. Вовлечение в конфликт советской стороны автор дневника оценивает лишь как вероятное (в этом случае вопрос о независимой Западной Украине отпадает сам собой). Любопытно упоминание о демаркационной линии: из контекста записи следует, что речь идет о демаркационной линии между германскими и польскими войсками после заключения ожидаемого перемирия, причем именно по реке Нарев – там, где по более поздней легенде якобы еще в августе была согласована линия разграничения сфер интересов Германии и СССР.

За 22 августа находим у Гальдера такую запись относительно директив Гитлера по Польше:

¹³ <http://militera.lib.ru/db/O/chm/halder.zip>

«Уничтожение [армии] Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями».

Следует ожидать, что заключение договоренностей с Москвой по территориальному разделу Польши повлечет за собой и уточнение задач для армии, то есть о выходе на определенные рубежи. Гальдер был в курсе советско-германских консультаций по заключению договора еще до визита Риббентропа в Москву. Подробная запись относительно условий будущего соглашения датирована 14 августа:

«Взаимоотношения с Россией: слабый контакт, начаты торговые переговоры. Будет выяснено, пошлем ли мы в Москву своего представителя. В стадии выяснения вопрос, кого послать – авторитетную личность или нет. [Россия] не думает о своих обязательствах по отношению к Западу. Русские допускают разгром Польши, но интересуются, как будет обстоять дело с [Западной] Украиной. Обещание соблюдать русские интересы...

...Русские хотят углубить переговоры. Недоверие. Никакой общей границы. Фюрер склоняется к тому чтобы пойти навстречу русским».

Да, общая граница с СССР в планы Германии тогда не входила. В дальнейшем договор с СССР упоминается неоднократно, как до, так и после его подписания, но почти исключительно в политическом контексте. Никаких уточнений в план военной кампании против Польши внесено не было. Если «секретные протоколы» и были подписаны в Москве, придется признать, что они являлись секретом и для всего высшего военного руководства Германии, включая военную разведку (начальник военной разведки адмирал Канарис регулярно делал доклады Гальдеру, однако тот не фиксирует его высказываний относительно переговоров с русскими по польскому вопросу). Поверить в то, что Гитлер скрывал от своих генералов свой большой дипломатический успех, невозможно.

Лишь 20 сентября, судя по содержанию дневника Гальдера, русский вопрос становится для него ключевым. Вот первые записи за этот день:

«20 сентября 1939 года (среда).

Тренинги с Россией: Львов.

Разговор с генерал-полковником Браухичем.

Йодль: Действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию.

Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Сомнительные вопросы оставлены открытыми. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. «Окончательная линия по реке Сан».

Браухичу [сообщить]: Дистанция – 10 км. Русские вперед не продвигаются (Кейтель!). Отходить постепенно. Ярослав, Перемышль, далее на юг – Турка. За четыре перехода.

Форман [докладывает]: Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала – неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат.

Вейцзеккер [запрос по телефону]: Какова же теперь окончательная линия?

Немецкий издатель дневников Гальдера в этом месте делает следующее примечание: *«Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцеккер ответил Гальдеру, что окончательное урегулирование вопроса о демаркационной линии будет осуществляться не министерством иностранных дел, а верховным главнокомандованием»*. Этот момент весьма существенный. Если бы раздел польской территории являлся следствием тайного политического соглашения, достигнутого в Москве, то и урегулировать его следовало по линии МИД. Но вопрос с обеих сторон решали военные, о чем свидетельствует, в частности, упоминание Гальдером *«настойчивых требований Ворошилова»*. Это указывает на то, что относительно Польши между Москвой и Берлином до начала войны никаких соглашений не существовало, а территориальные притязания Советского Союза стали следствием войны, и только поэтому с обеих сторон проблему на первом этапе решали генералы. Дипломаты подключились лишь в конце сентября.

Вот другие записи Гальдера, датированные тем же днем, 20 сентября:

«Вечером 3 октября немецкие войска должны перейти окончательную демаркационную линию. Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются».

Большое значение придается непосредственной передаче нашими войсками всех важных объектов русским войскам (аэродромы, крупные города, вокзалы, важные в экономическом отношении объекты, с тем чтобы не допустить их разрушения). Переговоры вести через офицеров связи, которые будут устанавливать детали передачи объектов в каждом конкретном случае в зависимости от их величины и значения. Точный порядок будет выработан»...

...После доклада главкома фюрер согласился со следующим порядком: чисто военные причины вынуждают нас провести эвакуацию немецких войск за демаркационную линию в восемь этапов. Необходимое время – 14 дней, так как следует закончить или прервать еще продолжающиеся местами бои.

Русские могут вступить на теперешние передовые позиции немецких войск (черная линия), включая населенные пункты Белосток, Брест, Холм, 10 км западнее Львова, Дрогобыч, Борислав, к середине дня 22 сентября. Продвижение с этой линии на запад только в 6.00 25.9 скачками, от рубежа к рубежу. Рубежи будут сообщены к этому времени с указанием их на картах.

Эвакуация всех войск за демаркационную линию будет закончена 4.10. Между немецкими и русскими войсками постоянно должен быть промежуток в половину дневного перехода».

Далее в дневнике начальника штаба ОКВ приводятся многочисленные подробности о графике отвода немецких войск с передаваемой СССР территории и установлении демаркационной линии (в частности подчеркивается, что уступки в Галиции делаются Германией в обмен на Сувалки). Никаких намеков на то, что ранее существовали иные договоренности. В целом же «отход перед лицом Советов» высшим военным руководством Германии был воспринят негативно, как то следует из записей Гальдера.

Касаясь польской кампании, стоит затронуть еще один миф о якобы вероломном ударе Сталина в спину героически сражающейся Польше. Польская пропаганда на все лады перепевает старую песню о том, что если бы Советский Союз не вторгся в Польшу, то ляхи бы смогли продержаться до того момента, пока англо-французы ударят на западе и разгромят Германию. Между тем по состоянию на 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия перешла западную границу СССР, Польша, как государство уже не существовало. Вся собственно

польская территория страны кроме враждебных Польше восточных окраин, была оккупирована Германией, потеряны все промышленные районы. Бывшая столица, была полностью блокирована вермахтом, который не стал штурмовать Варшаву лишь во избежание бессмысленных потерь. Польская армия расчленена, деморализована, разгромлена, и как единый боевой организм уже не существовала. Но даже когда она еще сохраняла относительную боеспособность, поляки не смогли нанести вермахту не то что чувствительного удара, но даже завязать сколь-нибудь эффективные оборонительные бои. Пассивное сопротивление поляки оказывали только в районе Модлина и Варшавы. Лодзинская группировка к тому времени уже капитулировала. Польские ВВС прекратили свое существование на четвертый день боевых действий, ВМФ еще раньше. Бронетанковые силы поляков были совершенно к тому времени разгромлены. Верховное командование бросило армию, правительство сбежало из страны. Англо-французские «союзники» 12 сентября официально пришли к заключению о полном поражении Польши и бессмысленности оказания ей помощи, хотя они поняли это еще 8 сентября.

Фото 6. Гейнц Гудериан (в центре) и Семён Кривошей (справа) наблюдают за прохождением войск вермахта и РККА при передаче Брест-Литовска 22 сентября 1939 советской администрации. В антисоветской литературе этот марш неизменно называют совместным парадом вермахта и РККА, хотя на самом деле это совершенно обычный ритуал при передаче города военными властями одной страны армии другого государства. Части Красной Армии вошли в город после ухода немцев.

Окаком сопротивлении агрессору в таком положении можно говорить? Как субъект международного права и фактически, и по строго формальным критериям Польша не существовала к 17 сентября 1939 г., и потому даже антисоветски настроенные европейские державы не нашли возможности обвинить СССР в нарушении принципов международного права в связи с Освободительным походом Красной Армии. Нынешние пропагандисты, особенно польские, из кожи вон лезут, чтобы убедить нас, будто Советский Союз всячески способствовал германскому вторжению в Польшу. Из одной агитки в другую кочует эпизод, в котором рассказывается, как советская сторона на базе минской вещательной радиостанции организовала радиомаяк для люфтваффе, бомбивших Варшаву. Довольно сдержанно об этом поведал читателям Михаил Мельтюхов:

1 сентября в 11 часов в НКВД явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей, о присоединении Данцига к Германии и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск», Советская сторона согласилась передавать лишь слово «Минск», что использовалось люфтваффе в качестве радиомаяка¹⁴.

Как видим, дело обстояло с точностью наоборот. Советская сторона отказалась удовлетворить просьбу немцев о передаче в эфир ночью специального сигнала. Днём же, как нетрудно догадаться, в радиомаяке особой потребности нет. Совсем уж за уши притянута согласие как можно чаще использовать в радиопередачах слово «Минск». Минское радио и без того постоянно передает в эфир сигналы точного минского времени и новости, в которых невозможно обойтись без упоминания столицы Советской Белоруссии. То есть фактически начальник генштаба германских ВВС своим обращением ничего не добился. Использовать же минское радио в качестве маяка летчики люфтваффе могли и без всякого согласования с Москвой, просто настроив бортовые радиокompасы на соответствующую частоту. Обращает на себя внимание и такой факт: как утверждают мифотворцы, Сталин и Гитлер затеяли совместную агрессию против Польши, однако вопросы аэронавигации отчего-то заранее не решили. И вообще о начале войны советское правительство проинформировано лишь постфактум из уст второстепенного чиновника посольства. Нет уж, совместные агрессии так не осуществляются.

Из дневника Гальдера никак нельзя предположить, что разгром Польши был совместной акцией Германии и СССР. Вот очень характерная запись:

12 сентября. Разговор главкома с фюрером:

Русские, очевидно, не хотят выступать. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир...

...[Гитлер] готов удовлетвориться восточной частью Верхней Силезии и Польским коридором, если Запад не будет мешать.

Подобного рода свидетельства очень уж не вписываются в официальную версию событий, поэтому редактор русского издания «Военного дневника» дает здесь такое примечание: *«Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались полностью ликвидировать Польшу и польский народ, частично истребив его, а частично онемечив. См.: Pospieszalski, K. Hitlerowskie «prawo» okupacyi new Polsce. Poznan, 1952–1958»*. Да уж, ссылка на польское пропагандистское издание выглядит совсем не убедительно, но на официальные документы в этом случае сослаться нельзя по причине их отсутствия.

Сейчас трудно установить, что конкретно имел в виду начальник генштаба германских сухопутных сил, когда писал о намерении русских удержать французов от вмешательства. Не стоит забывать, что начиная с 3 сентября, немецкие генералы находились в постоянном страхе, ожидая удара англо-французов по Руру. Потому на любые события Гальдер неизбежно должен был смотреть сквозь призму вопроса: «А как это повлияет на Францию и Британию?». Эти записи он делал для себя лично, а не для посторонних, в них отражен его субъективный взгляд на происходящие события, чем этот источник и ценен. Вот что гово-

¹⁴ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. // <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html>

рится в предисловии немецкого издания книги: *«Среди многочисленных документальных источников, относящихся к истории Второй мировой войны и вышедших после 1945 года, особого внимания, с точки зрения немцев, заслуживают личные записи начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника в отставке Франца Гальдера. В них более драматично и полнее, чем во всех других публикациях, отражается борьба за принятие важнейших стратегических решений в первой фазе войны. С этими, почти ежедневными, записями, уже давно известными науке как «Дневник Гальдера», связана личность военного деятеля, служебное положение которого превращало его в промежуточное звено между политическим и военным руководством. Он изложил на бумаге свои непосредственные впечатления и размышления безо всякой подготовки и последующих исправлений».*

Дневник Гальдера в 1945 г. был захвачен американцами и ими же впервые издан. В СССР трехтомник «Военных дневников» выпущен в 1968–1971 гг. «Воениздатом», перевод выполнен с немецкого издания (*Haider F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962–1964*). В дневниках мы не видим даже намека на существование неких предвоенных секретных договоренностей о разделе Польши. Наоборот, приводимые им сведения полностью опровергают версию о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г..

Молотов

Итак, вопрос, что называется, поставлен ребром: существовал ли подписанный Молотовым и Риббентропом «секретный дополнительный протокол» или нет? Компетентно ответить на него могли только Риббентроп и Молотов, возможно, посол Шуленбург. И еще, разумеется, Сталин и Гитлер. Свидетельства остальных персонажей, которые, дескать, «держали в руках», «видели собственными глазами» или «стояли за спиной» ни гроша не стоят, потому что ничем не могут быть подтверждены.

Шуленбург казнен нацистами в 1944 г., как участник заговора против Гитлера. Иохим фон Риббентроп повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. После были выпущены его мемуары (ниже рассмотрим их подробно), однако в их авторстве приходится сомневаться. Иосиф Виссарионович Сталин умер в 1953 г. Никаких свидетельств на сей счет он не оставил, при жизни советского вождя перед ним никто официально вопроса о «секретных протоколах» не поднимал – ни союзники по антигитлеровской коалиции, ни противники по холодной войне.

В 1948 г. в «Главполитиздате» вышла брошюра «Фальсификаторы истории», где резко критикуются попытки западных историков заглушать предвоенные старания Англии, Франции и США по поддержке гитлеровского государства, их потуги переложить ответственность за развязывание войны на СССР. Современные комментаторы чуть ли не хором заявляют, что эта книга явилась советским ответом на выпуск американцами скандального сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941». Действительно, американскому сборнику там посвящено несколько строк во вступлении, однако из текста следует, что советскую сторону возмущают не столько попытки предать гласности компрометирующие документы, сколько провокационные действия бывших союзников, направленные на обострение текущей политической ситуации:

Чтобы как-нибудь оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого сборника непроверенных и произвольно надерганных записей гитлеровских чиновников, англо-американская печать пустила в ход выдуманное объяснение, будто «русские отвергли предложение Запада совместно опубликовать полный отчет о нацистской дипломатии».

Это заявление англо-американских кругов не соответствует действительности.

В действительности, дело обстояло так. Советское Правительство, в связи с появившимися летом 1945 года в иностранной печати сообщениями о начавшейся в Англии подготовке к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии, обратилось к Правительству Великобритании, настаивая на том, чтобы советские эксперты участвовали в совместной разработке немецких материалов, захваченных англо-американскими войсками. Советское Правительство считало недопустимым издание таких документов без общего согласования и, вместе с тем, не могло взять на себя ответственность за опубликование документов без тщательной и объективной проверки, так как опубликование указанных материалов без этих элементарных условий могло бы только привести к ухудшению отношений между государствами – членами антигитлеровской коалиции. Однако английское Министерство Иностранных Дел отклонило советское предложение, сославшись на то, что постановка Советским Правительством вопроса об обмене копиями захваченных гитлеровских документов является преждевременной.

Известно также, что 6 сентября 1945 года американская делегация в Политическом Директорате Контрольного Совета в Германии представила свой проект директив об обращении с германскими архивами и документами.

Этот проект предусматривал установление единого для всей Германии порядка сбора и хранения архивов, а также права доступа к ним представителей государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Предусматривалась также возможность снятия копий с документов и их издание. Это предложение рассматривалось на четырех заседаниях Политического Директората, но по просьбе англичан и американцев было отложено под предлогом отсутствия у них указаний, а затем после заявления американского представителя, что Правительство США готовит новое предложение и просит представленный проект считать недействительным, вопрос с повестки дня Политического Директората был снят.

Таким образом, заявление, что якобы Советское Правительство отказалось от участия в подготовке публикации германских архивных материалов, является ложным...

...Даже французское правительственное агентство Франс Пресс вынуждено признать, что порядок публикации материалов, преданных гласности тремя Правительствами без ведома Советского Союза, «не совсем соответствует нормальной дипломатической процедуре»¹⁵.

Вряд ли есть повод приписывать авторство брошюры Сталину, что некоторые пытаются сделать, лишь на том основании, что она издана без указания авторства от имени Совинформбюро при Совете Министров СССР. Однако учитывая, что в очерке «Фальсификаторы истории» изложена каноническая советская оценка предвоенного периода, а также то, что председателем Совмина был в тот момент Сталин, можно считать, что в нем нашла отражение точка зрения самого Иосифа Виссарионовича. Если так, то он назвал госдеповскую публикацию фальсификацией.

Гитлер покончил самоубийством 29 апреля 1945 г. Перед этим он в присутствии Йозефа Геббельса, Мартина Бормана, Вильгельма Бургдерфа и Ганса Кребса составил политическое завещание, в котором подробно коснулся обстоятельств, приведших к войне:

«Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла Вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам»¹⁶.

Итак, прозвучали обвинения в адрес международного еврейства и Англии. Ни единого слова о коварстве Сталина и Молотова, ни малейшего упоминания о «секретных протоколах». А ведь на завершающем этапе войны Гитлер единственный шанс в спасении Германии видел в возможности политического раскола в стане союзных держав. Сам бог велел ему сыграть на польско-советских противоречиях, придав огласке «секретный протокол». Самому Гитлеру это уже ничем помешать не могло, его репутацию испортить просто невозможно. А Советскому Союзу пришлось бы объясняться с союзниками. Легко можно пред-

¹⁵ <http://oldgazette.ru/lib/sovinformburo/index.html>

¹⁶ http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/hitler_1945-04-29.html

положить, какую истерику обнаружение «секретного протокола» вызывало бы у лондонских поляков и как это ударило бы по престижу Великобритании (сна, как помним, была гарантом польской независимости). Но ни Гитлер, ни признанный мастер пропагандистской войны Геббельс до этого не додумались. Отчего же так?

Остается последний участник «сговора века» – Вячеслав Михайлович Молотов, чей автограф, якобы стоит на всех «секретных протоколах». Молотов не оставил мемуаров, однако в течение последних 17 лет его жизни беседы с ним записывал литератор Феликс Чуев. В 1991 г. он выпустил книгу «Сто сорок бесед с Молотовым», в которой зафиксированы датированные высказывания бывшего сталинского наркома, Привожу подборку цитат из книги по рассматриваемой теме.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну, хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам».

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, помоему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

– Но ведь первый приехавший мог предупредить других, – говорю я.

– А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами – фашистской Германией и советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились. Они должны были согласиться. Это их инициатива – Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу.

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели.

Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви – потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

24.07.1978

– Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную. Не из самой Финляндии – эта рана давала бы повод что-то иметь против Советской власти...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно.

А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения. Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию.

Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы.

С китайцами из-за Порт-Артура портить отношения не стоило, конечно. И китайцы держались в рамках, не ставили своих пограничных территориальных вопросов. А вот Хрущев толкнул...

28.11.1974

– А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

– Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

– Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

– А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

– Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали.

– Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

– Они под его руководством всё время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, – говорит Молотов вроде серьёзно, кто его не знает, может, так бы и понял, – границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» – «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» – «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» – посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» – «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» – «Надо решать. А украинцы теперь – и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

...В дураках мы не были. И никто, по крайней мере, из наших противников и сторонников нас не считал за дураков. Не помню такого случая.

25.04.1975, 30.09.1981

– О вас много говорят западные радиостанции, ругают Сталина и вас.

– Было бы хуже, если б хвалили, – скупно замечает Молотов.

– Они говорят: «Немного есть в истории людей, именами которых названы межгосударственные границы». Имеют в виду линию «Риббентроп – Молотов». А почему бутылки с горючей смесью в войну называли «Молотов-коктейль»? Вы же не имели к ним никакого отношения...

– Придумали... Смесью. Смешал русских и немцев.

– Считают вас одним из главных поджигателей войны: мол, вы договором с Риббентропом развязали руки Гитлеру...

– Будут говорить.

01.08.1984

– Когда мы принимали Риббентропа, он, конечно, провозглашал тосты за Сталина, за меня – это вообще был мой лучший друг, – щурит глаза в улыбке Молотов. – Сталин неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» – издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подиутит, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел!» Гитлер никогда не понимал марксистов.

09.07.1971

– Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

– Это там, в Германии?

– Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я – за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия. (Во время приема в честь Риббентропа стол вел Молотов. Когда он представил слово Сталину, тот произнес тост «за нашего наркома путей сообщения Лазаря Кагановича», который сидел тут же, за столом, через кресло от фашистского министра иностранных дел. «И Риббентропу пришлось выпить за меня!» – рассказывал мне Л. М. Каганович. – Ф. Ч.)

12.03.1982

– Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

– Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

– Писатели это говорят...

Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

17.07.1975

– На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

– Никакого.

– Не было?

– Не было. Нет, абсурдно.

– Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

– Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка.

29.04.1983

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

– А вы сказали, что не знаете мнения Сталина на этот счёт. Вы, конечно, знали?

– Конечно. С Гитлером нельзя было держать душу нараспашку.

09.03.1986

– Гитлер – крайний националист, – говорит Молотов, – ослепленный и тупой анти-коммунист.

– Сталин с ним не встречался?

– Нет, я один имел такое удовольствие. Сейчас тоже есть подобные ему. Поэтому нам надо вести политику очень осторожно и твёрдо.

09.05.1985

– Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал. Во время первой беседы он почти все время говорил один, о я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. Наиболее правдиво наши встречи с ним описаны у Бережкова, в художественной литературе на эту тему много надуманной психологии.

Гитлер говорит: «Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить – это же недопустимо! Это несправедливо!»

Я отвечаю, что, конечно, недопустимо, несправедливо, и я ему очень сочувствую.

«Это нельзя считать нормальным», – говорю ему. Он приободрился.

Гитлер: «Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия – вот ваша перспектива». Я ему: «А что, это интересная мысль, как вы это себе представляете?» Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный

разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию и толкает нас в Индию через Иран. Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, но хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого.

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи».

Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» – «Мелочи». – «Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?» Он – своё, я – своё. Начал нервничать. Я – настойчиво, в общем, я его допёк.

06.12.1969, 09.07.1971

А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить... Я ему: «Давайте уладим!» Он в ответ что-то неопределенное.

22.06.1971

Гитлер – среднего роста, такого же, примерно, как я. Гитлер, конечно, говорил, остальные позволяли себе некоторые дополнения, объяснения, вопросы...

Он меня хотел сагитировать. И чуть не сагитировал, – иронически щурится Молотов. – Все меня агитировал, агитировал, как нам надо вместе, Германии и Советскому Союзу, против Англии объединиться. «Англия уже почти разбита». – «Как же разбита – не совсем пока разбита!» – «Мы с ней скоро закончим, а вы куда-нибудь на юг, к теплым морям, берите Индию».

Я слушаю его с большим интересом. А он меня всячески агитирует. Сильный? Какой он сильный! Потому что одбокий очень, националист крайний, шовинист, который ослеплен своими идеями. Хотел возвеличить Германию и все придавить под её пятой.

От критики большевиков воздерживался. Дипломатически, конечно, как же иначе можно вести переговоры? Если хочешь о чем-нибудь договориться и будешь в лицо плевать... Приходилось разговаривать по-человечески. Приходилось говорить.

После бесед с Гитлером я посылал телеграммы Сталину, каждый день довольно большие телеграммы – что я говорю, что Гитлер говорит. А когда встретились со Сталиным, побеседовали, он говорит: «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил!»

Ну пришлось терпеть. Он спокойным голосом говорил, не ругался. Хотя доказывал. «Хотите с нами заключительное соглашение?»

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска». Политические вопросы. Мы много говорили.

Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению». – «Это мелочь. Давайте о большом вопросе договариваться».

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: «Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ». На этом мы должны были их испытать, хотят ли они, действительно, с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чудаками – это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять – не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод.

16.11.1973

– Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году?

– Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, что бы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: «А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии.

08.03.1974

– Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом оплатил за этот визит к нам...

29.04.1982¹⁷

Какова достоверность чужеской публикации? Внук Молотова, экс-депутат Государственной думы РФ Вячеслав Алексеевич Никонов в интервью журналу «Вестник online» (№ 16(327), 2003 г.) так выразил отношение к ней: «Чуев действительно приезжал

¹⁷ <http://lib.rus.ec/b/92433/read#t167>

к деду и, гуляя, беседовал с ним. Но при этом держал – в тайне от собеседника! – в кармане диктофон. Не очень этично, согласны? Одно дело – вы беседуете приватно, за обедом или на прогулке, другое – даете официальное интервью. Даже незавизированное интервью лучше, чем такая, исподтишка записанная «беседа». Дед текста, естественно, не видел, не правил, даже не подозревал о его существовании. Поэтому в этой книге дед предстает недалеким человеком. Чуевская манера подачи материала опускает человека. Этого я Чуеву не простил. С другой стороны, в своих беседах с дедом Чуев зафиксировал некоторые моменты, которые не удержала моя память...»¹⁸

Должен согласиться с Никоновым. Об авторе складывается впечатление, как о недалеким человеке, склонном к самолюбованию и позерству. Никакой исследовательской глубины в беседах не чувствуется, это лишь бытовые разговоры на примитивном обывательском уровне. Но, как пишет Чуев, Молотов «умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности». Выходит, что недалеким человеком Молотов предстает потому, что подстраивался под уровень развития своего собеседника.

Действительно, материал для печати и приватная беседа не могут быть равноценны. В разговорной речи, как считают психологи, 80 % информации передается невербальными средствами. Интонация меняет смысл сказанного на противоположный. Как мы можем сегодня интерпретировать приведенный ниже фрагмент беседы?

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

Молотовские слова «не помню» могли означать, что он действительно не помнил о протоколе, так как на 97-м году жизни страдал склерозом, или то, что он не желает говорить на эту тему. Вероятно, сказано это было с возмущением, и сопровождалось жестом, который собеседник должен был понимать, как решительное отрицание факта подписания протокола. Междометие «ну, ну» в ответ на вопрос о Южной Буковине можно с одинаковыми основаниями считать и согласием и отрицанием. И кого же, спрашивается, Молотов назвал негодяем – Гитлера, пытающегося вовлечь СССР в орбиту своей политики или Черчилля, который пишет брехню про секретный протокол? Литератор из Чуева более чем посредственный, а историограф вообще никакой.

Возникает вопрос и о достоверности воспроизведения слов Вячеслава Михайловича. Никонов считает, что Чуев пользовался диктофоном. Если аудиозаписи уцелели, они представляют большую историческую ценность. Но, вообще говоря, вариант с аудиозаписью сомнителен. В 1969 г., когда Чуев стал регулярно общаться с Молотовым, портативными диктофонами обладали разве что сотрудники спецслужб, а журналисты вплоть до начала 1990-х годов использовали в работе здоровущие магнитофоны, сначала бобинные, потом кассетные, которые носили в угловатом кожаном кофре, перекидывая ремень через плечо. Сам Чуев утверждает, что точно передает содержание четырехчасовых бесед благодаря своей феноме-

¹⁸ <http://www.vestnik.com/issues/2003/0806/win/nuzov.htm>

нальной памяти, о чем он многословно хвастает во вступлении к книге. Вполне возможно, что публикация подверглась идеологической цензуре, ведь, по словам автора, из 5 тысяч страниц записей бесед для публикации было отобрано лишь 700. Наконец, нет гарантии, что диалоги не сфабрикованы самим Чуевым. Не все, разумеется, а лишь наиболее значимые в пропагандистском смысле. Ведь книга вышла в 1991 г., в самый разгар сепаратистского шабаша, и антисоветчикам были ценны даже косвенные признания в том, что по отношению прибалтийских республик в 1939–1940 гг. было осуществлено насилие.

Тем не менее, даже эти тенденциозно представленные молотовские откровения представляют для нас определенный интерес. Факт наличия договоренностей с Риббентропом относительно сопредельных с СССР стран Восточной Европы Вячеслав Михайлович не скрывает, говоря об этом довольно откровенно: мол, Прибалтика нам самим нужна, с Финляндией мы мудро поступили, Бессарабию за Румынией не признавали. Но при этом в беседе от 29 апреля 1983 г. факт подписания «секретных протоколов» решительно отрицает, называя это абсурдом. Какой смысл признавать устную договоренность с немецким министром, но отрицать факт подписания соглашения на бумаге?

Далее, приводя подробности берлинских переговоров с Гитлером, Молотов неоднократно требует вывести войска из Финляндии и Румынии, ссылаясь на обещания Риббентропа:

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году мы договорились, а в сентябре-октябре уже своё взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска»...

...Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению».

Допустим на минуту, что в августе 1939-го был-таки подписан пресловутый «секретный протокол». В этом случае Молотов должен был предъявить его Гитлеру и потребовать строгого соблюдения Германией взятых на себя обязательств, поскольку Риббентроп подписал его от имени немецкого правительства. Но в том-то и дело, что в известном нам протоколе нет никаких условий относительно возможности пребывания иностранных войск в Румынии и Финляндии. Либо это соглашение было устным, что вероятнее всего, либо Молотов ссылается на соглашение, нам совершенно неизвестное. В любом случае получается, что американская фотокопия «секретного протокола» – фальшивка.

Молотов беседовал о протоколах не только с Чуевым. Вот какое свидетельство о встрече с Вячеславом Михайловичем 15 октября 1983 г. оставил профессор Георгий Александрович Куманев в своей книге «Говорят сталинские наркомы»:

«Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?»

– Трудный вопрос затронули, – замечает Молотов. – Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились».

Кто-то скажет: какая разница, устно Молотов с Риббентропом поделили Европу или зафиксировали условия сделки на бумаге? Но дело-то в том, что об устных соглашениях, которые заключили представители двух крупнейших держав Европы, нам ничего не известно. Абсолютно НИ-ЧЕ-ГО. Поэтому нет никаких оснований считать их гипотетические договоренности аморальными, а тем более преступными. И речь я веду совсем не об этом, а о том, как через полвека после подписания советско-германского пакта о ненападении банда предателей руками толпы дебилов уничтожила Советский Союз, используя в качестве мощной дубинки ложь о «секретных протоколах», которых не существовало. Да, сегодня вопрос о возрождении империи не стоит (пока не стоит?) в повестке дня, но толпа дебилов за 20 лет «свободы» не поумнела. И потому предатели продолжают добивать страну, используя те же методы и приемы. Может быть, пришла пора задуматься, под чью дудку вы пляшете, миллионы бывших совграждан?

Нюрнберг

Каноническая версия мифа о «секретных протоколах» гласит, что впервые широкая общественность узнала о «дьявольской сделке» Молотова – Риббентропа на Нюрнбергском процессе в 1946 г. Пропагандисты ссылаются не на кого-нибудь, а на участника этой сделки:

«Годы спустя на Нюрнбергском процессе в своем последнем слове Риббентроп заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана – Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса»¹⁹.

Вообще-то, о каких-либо «секретных протоколах» здесь нет ни слова. Что значат слова «Сталин дал понять»? На конфиденциальных переговорах обычно не говорят туманными намеками, а четко выражают свою позицию. В беседах с высоким гостем, советский вождь, прощупывая позиции Германии, действительно мог «дать понять», что русские желают вернуть свои военно-морские базы, прежде всего незамерзающую Либаву, которую еще при царе планировалось сделать главной базой Балтийского флота. Это, кстати, вовсе не предполагает оккупации Прибалтики. США владеют военной базой Гуантанамо на Кубе, но ведь Куба от этого не становится оккупированной страной. Вопрос относительно военно-морских баз на Балтике был жизненно важен для СССР. От царской империи нам достался Балтийский флот, который был почти бесполезен – он не мог предотвратить даже прорыв кораблей противника в Финский залив для захвата Ленинграда. Не имея морских баз и береговых батарей, невозможно было закрыть вход в Финский залив посредством минных полей, как это сделал русский флот в 1914 г. Кстати, и война с Финляндией была спровоцирована отказом финнов предоставить в аренду мыс Ханко для нужд Балтийского флота. Проблемы обороны Советского Союза требовали обсуждения с Риббентропом вопроса о Прибалтике, и потому было бы очень удивительно, если б Сталин не коснулся этой темы в беседе.

Семиряга, кстати, приводя высказывание Риббентропа, обращается не к первоисточнику, а ссылается на журнал «Международная жизнь» (№ 9, 1989 г.). Делает он это умышленно, и скоро будет ясно, зачем. Владимир Карпов в двухтомнике «Генералиссимус» словесно испражняется, вообще не утруждая себя указанием источников. Он лишь неопределенно ссылается на «исследования комиссии I Съезда народных депутатов СССР и то, что я разыскал сам (где разыскал? – А.К.) как дополнение к этим исследованиям»:

При допросе в суде статс-секретаря германского МИД Вайцзеккера защитник Гесса стал задавать ему вопросы о секретном протоколе. Вайцзеккер подтвердил существование такого документа и подробно пересказал его содержание.

Председатель суда спросил:

– Свидетель, вы видели подлинник этого секретного соглашения?

Вайцзеккер ответил:

¹⁹ Семиряга М. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941, // <http://militera.lib.ru/research/semiryaga1/title.html>

– Да, я видел фотокопию этого соглашения, может быть, я видел даже подлинник, но, во всяком случае, фотокопию я держал в руках. Один экземпляр фотокопии был заперт у меня в сейфе²⁰.

Если судья спрашивает про подлинник, то отвечать надо так: «Нет, подлинника протокола я не видел». А байки про фотокопию, запертую в сейфе, следовало оставить для посиделок в пивной. Что это за «секретный протокол», который чиновники министерства хранят у себя в сейфе в виде фотокопий?! Вообще-то, в случае необходимости изготавливались машинописные заверенные копии, а после завершения работы с ними, они уничтожались. Если же необходимости нет, то секретные документы никогда не копировались, тем более фотографическим способом, и никому на руки для хранения в сейфе не выдавались. Более подробно этот эпизод мы рассмотрим в главе «Вайцзеккер».

Помимо Вайцзеккера, о существовании «секретных протоколов» якобы заявил Фридрих Гаусс, бывший заведующий юридическим отделом МИД Германии, сопровождавший Риббентропа во время московской встречи в августе 1939 г. На самом деле это спекуляция. Защитник Гесса Альфред Зайдль представил 25 марта 1946 г. affidavit (письменные показания под присягой) участника германской делегации на московских переговорах, приближенного к министру чиновника Гаусса, которые содержали описание хода встречи и пересказ содержимого «секретных протоколов» от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Зайдль в дальнейшем попытался даже огласить текст «секретного протокола» по имеющейся в его распоряжении фотокопии, но судья Лоуренс прервал его, попросив указать источник получения документа. Тот не смог сказать по этому поводу ничего вразумительного, поэтому «...Трибунал запретил оглашать этот документ, как не вызывающий доверия. Но Зайдль не успокаивался и потребовал вызова на процесс в качестве свидетеля бывшего советника германского посла в Москве Хильгера, тоже участвовавшего в советско-германских переговорах, и заместителя Риббентропа Вайцзеккера. Бывший заместитель Риббентропа подтвердил показания Гаусса о секретном протоколе. Тогда Зайдль потребовал в своем выступлении вызвать в качестве свидетеля министра иностранных дел СССР Молотова...и обвинил Советский Союз в совместной с Германией агрессии против Польши. И в связи с этим поставил вопрос о правомерности участия СССР в процессе»²¹.

Из этого эпизода видно, что демарш с «секретными протоколами» был лишь эпатажной выходкой молодого немецкого адвоката. Он прекрасно понимал, что его попытка исключить представителей СССР из участия в процессе в нарушение устава Трибунала бессмысленна. Не назвав источник получения фотокопии протокола, он признавал, что такой документ не может быть приобщен к материалам дела. И даже несмотря на это, Вайцзеккер был допрошен судом (см. главу «Вайцзеккер»), но фактически не подтвердил того, что видел оригинал «секретного протокола», хотя некоторые публицисты пытаются интерпретировать его несурзанный лепет о некой фотокопии, как свидетельство в пользу того, что он видел именно оригинал.

Странно, что второй человек в германском МИДе не видел оригинал «секретного протокола», а третьестепенные клерки вроде Гаусса и Хильгера якобы видели. Впрочем, то, что Хильгер был готов свидетельствовать в пользу существования «секретного протокола», не добавляет этому мифу убедительности. Скорее, наоборот, выдает изготовителей фальшивки. После войны Густав Хильгер состоял на службе в Государственном департаменте США в качестве «эксперта по русским делам», а сотрудничать с американской разведкой

²⁰ <http://www.libereya.ru/biblus/karpov/geneg2.htm>

²¹ Люлечник В. Неизвестный Нюрнберг, // Русский глобус 2006, № 10, <http://www.russian-globe.com/N56/Lulechnik/NeizvestnuiNjurnberg.htm>

начал еще до войны, будучи завербованным известным дипломатом и разведчиком Чарльзом Боленом²².

Хильгер и Гаусс так и не были допрошены Трибуналом, хотя affidavit последнего приобщен к делу. Никаких письменных показаний Хильгера в материалах Трибунала я не обнаружил. Кстати, во время процесса он, как считается, находился в Соединенных Штатах. И уж совсем удивительно, что Хильгер не был использован Госдепом после войны для того, чтобы официально засвидетельствовать факт подписания в Москве секретных протоколов – ведь Хильгер был переводчиком Риббентропа и в отличие от Гаусса непосредственно присутствовал на переговорах. Хильгер умер лишь в 1965 г., но в своих мемуарах он отразил ход секретных московских переговоров еще более немногословно, нежели первоглашатай Гаусс и его шеф Риббентроп (подробный анализ см. в главе «Гаусс»).

Зайдль, однако, не прекратил свои выходки. То, что он сделал далее, вообще выходит за рамки здравого смысла. Он отправился в начале апреля в советское представительство и потребовал официально заверить аутентичность фотокопии, полученной от неизвестного лица, сославшись на то, что ее достоверность уже подтверждена представителями западных союзников. Это было, разумеется, ложью, хотя в распоряжении англичан и американцев находились захваченные в горах Гарца и Баварии архивы Германии. Зайдль, что называется, брал на понт. Принявший адвоката заместитель советского обвинителя Руденко генерал-майор Николай Дмитриевич Зоря заявил, что разговор об этом не имеет смысла. Тогда Зайдль отправился заверить фотокопию к... Фридриху Гауссу, который, будто бы сделал это (Гаусс в это время находился в США), однако его показания отчего-то «затерялись».

21 мая в суд был вызван Вайцеккер, которому Зайдль попытался предъявить фотокопию «секретного протокола», дабы, как он выразился, освежить память свидетеля. Однако председательствующий в суде лорд Лоуренс не позволил ему это сделать, поскольку данный документ был отвергнут судом, как сомнительный. Советский обвинитель Руденко заявил протест, сказав, что задача Трибунала состоит в том, чтобы разобраться с конкретными преступлениями обвиняемых лиц, а не дискутировать о внешней политике союзных государств. Томас Додд, помощник американского обвинителя, поддержал протест советской стороны.

На этом нюрнбергская эпопея «секретных протоколов» закончилась. Через пару дней произошло два заслуживающих нашего внимания события: в американской провинциальной газете «St. Louis Post-Dispatch» («Сент Луис пост диспетч») были опубликованы тексты скандального «секретного протокола» (публикация не имела никакого резонанса) и при невыясненных обстоятельствах погиб Николай Зоря, который по официальной версии случайно застрелился при чистке пистолета. Ну конечно, как же советский генерал пойдет на заседание Трибунала с нечищеным пистолетом – вдруг придется воспользоваться прямо в зале суда? Пропагандисты геббельсовско-яковлевского замеса всюю вопят, что Зоря якобы убрало НКВД в отместку за то, что он допустил утечку компромата о сделке Молотова с Риббентропом, или, что он застрелился сам, опасаясь мести со стороны жуткого сталинского режима. Версия эта совершенно глупа. Если бы органам надо было покарать Зоря за некую провинность (тогда уж в первую очередь Руденко, а не его заместителя), то того просто отозвали бы в Москву, допустим для доклада о ходе процесса, отстранили от должности, а потом убрали тихо и без шума, не провоцируя громкий скандал.

Скорее всего, смерть Зори вызвана тем, что он должен был поддерживать обвинение со стороны СССР в массовом убийстве немцами польских военнопленных под Катынью. Обвинителем была советская сторона, поскольку преступление было совершено на территории Советского Союза и жертвы преступления в тот момент находились под советской юрисдикцией. Лондонские поляки, враждебно настроенные против СССР, через англичан

²² <http://tbrnews.org/Archives/a101.htm>.

попытались подsunуть сфабрикованный ими «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы», якобы избличающий в убийстве НКВД. Однако советская сторона при содействии польских официальных органов собрала неопровержимые доказательства того, что убийство было совершено немцами в 1941 г. В частности, польский прокурор специального уголовного суда в Кракове профессор Роман Мартини собрал свидетельства живших тогда в Польше свидетелей – польских офицеров, не ставших дожидаться в июле 1941 г. прихода немцев и разбежавшихся из лагеря после ухода охраны. Так вот, этот самый Мартини, ответственный за поиск очевидцев, был застрелен у себя дома боевиками подпольной группировки, контролируемой Лондоном.

Следом в Нюрнберге был убит Зоря. *Quid prodest?* (Кому выгодно?) Именно такой вопрос советовали выяснять в данном случае древнеримские законники. Единственный реальный мотив в убийстве советского обвинителя был у лондонских поляков и англичан, которые финансировали их террористическую деятельность в Польше. Им совершенно невыгодно было, чтобы катынское дело официально расследовалось Трибуналом, поскольку от запущенной в оборот Геббельсом в 1943 г. версии об убийстве поляков большевистскими евреями не осталось бы камня на камне. Великобритания, поддерживающая лондонскую шляхту, попадала в этом случае в очень неудобное положение. Таким образом, единственная возможность избежать скандала заключалась в срыве процесса. Это и было достигнуто убийствами ключевых фигур обвинения от Польши и СССР. Как известно, Трибунал так и не рассматривал по существу катынский вопрос и не признал никого виновным в массовом убийстве польских пленных. Именно это было выгодно Западу в условиях разворачивающейся холодной войны.

Но давайте вернемся к Риббентропу и выясним, было ли в его интересах вообще заикаться о «преступном сговоре» со Сталиным. Обвинялся он в заговоре с целью развязывания агрессивной войны. А как можно было интерпретировать сговор, выраженный в «секретных протоколах»? Выходит, что Иоахим фон Риббентроп будто бы сам сознался в совершении преступления, но он свою вину отрицал полностью. Между тем, мотивы напустить туману в дело у Риббентропа были. Послевоенное обострение отношений между СССР и Западом давало обвиняемым надежду на использование этих противоречий, и они со своей стороны всеми силами провоцировали раскол в стане союзников. После Фултонской речи Черчилля и ответных обвинений Сталина в адрес бывшего союзника в фашизме возникла угроза раскола между СССР и Западом. Утопающий склонен хвататься и за соломинку, поэтому подsunдимые воспряли духом, надеясь, что ссора между союзниками поставит крест на процессе, и они смогут уйти от наказания. Обвиняемые нацисты начали изо всех сил тянуть время и даже пытались обвинять союзников в совершении многочисленных военных преступлений. Особенно в этом преуспел Геринг. Риббентроп со своей пространной демагогией следовал тем же руслом. Достигнуть желаемой цели они, конечно, не смогли, но откровенно провокационная тактика Зайдля прекрасно вписывалась в новую стратегию защиты.

В своей речи на суде 25 июля 1946 г. Зайдль заявил, что существование «секретных протоколов» доказано помимо прочего еще и допросом генерала Йодля, но это утверждение, что называется, за уши притянуто. Альфред Йодль ни слова не произнес о секретных договоренностях между Молотовым и Риббентропом, а лишь сказал о том, что во время польской компании отдал приказ немецким войскам отойти на позиции, предусмотренные советско-германским соглашением о демаркационной линии между вермахтом и Красной Армией. Не совсем понятно, почему именно Альфред Зайдль так активно пытался ворошить дело с «секретными протоколами», ведь к его подзащитным Рудольфу Гессу и Гансу Франку это не имело ни малейшего отношения.

Дэвид Ирвинг в книге «Нюрнберг. Последняя битва» пишет *«Лишь годы спустя Зайдль пришел к заключению, что этот документ (фотокопия «секретного протокола». – А.К.) целе-*

направленно был «вложен» в его руки государственным департаментом США, и именно придание им его широкой огласке тогда в Нюрнберге явилось, по сути, первым крупнокалиберным выстрелом в холодной войне».

Гипотеза не лишена убедительности. 5 марта в Фултоне посетивший США по приглашению Госдепа Черчилль объявляет холодную войну СССР. Через десять дней в Нюрнберге Зайдль делает «крупнокалиберный выстрел» снарядом, вложенным в его руки Госдепартаментом. Платный сотрудник этого ведомства с 1939 г. Ганс Хильгер готов свидетельствовать о том, что «секретный протокол» существует. Наконец, в 1948 г. тот же самый Государственный департамент США выпускает скандальный сборник документов. А кто передает ФРГ в 1958 г. микрофильмы, с которых отпечатаны фотокопии, врученные Зайдлю? Верно, американский Госдеп.

Надо полагать, и публикация 22 мая 1946 г. в «St. Louis Post-Dispatch» была инициирована Государственным департаментом. Вадим Роговин в книге «Мировая революция и мировая война» утверждает, что публикация была организована Зайдлем, который находился тогда в Германии, но никаких подтверждений или ссылок на источник информации не приводит. Впрочем, последнее было возможно, учитывая, что в Нюрнберге был аккредитован корреспондент этой газеты Ричард Стоукс. Последний, опять же, не раскрыл тайны получения материалов для публикации.

Так или иначе, но утверждения некоторых пропагандистов о том, что на Нюрбергском процессе был установлен факт подписания Молотовым и Риббентропом «секретных протоколов», ничем не обоснованы. Международный Трибунал официально отверг все свидетельства в пользу существования «секретных протоколов», как сомнительные. Об этом более чем определенно свидетельствует следующее обращение четырех главных обвинителей к Трибуналу от 1 июня 1946 года:

«...заявление защитника подсудимого Гесса адвоката Зайдля от 22, 23 и 24 мая 1946 года о приобщении к материалам процесса «копий» так называемых «секретных дополнительных протоколов» к договорам от 23.VIII.39 г. и 28.IX.39 г. являются повторением попыток вернуть суд к рассмотрению уже решенных вопросов.

В своё время Трибунал уже отклонил ходатайство адвоката о приобщении к делу этих заведомо «дефектных» документов, являющихся «копиями» неизвестно где находящихся фотокопий и удостоверенных по памяти» одним из участников в преступлениях подсудимого Риббентропа Гауссом.

Однако очередное заявление адвоката Зайдля по этому же вопросу подлежит отклонению не только ввиду дефектности представленных им документов.

Это ходатайство должно быть отклонено также и потому, что оно является одним из резких проявлений принятой защитником тактики, направленной на то, чтобы отвлечь внимание Трибунала от выяснения личной вины подсудимых и сделать объектом исследований действия государств, создавших Трибунал для суда над главными военными преступниками.

Все заявления Зейдля, как и сами документы, о приобщении которых ходатайствует Зейдль, не имеют никакого доказательственного значения ни для Франка, ни для дела Гесса.

Явно провокационный характер носит указание на источник происхождения этих документов – получение от «неизвестного американского военнослужащего», при малоопытных обстоятельствах вручающего Зайдлю «копии с фотокопий».

Излишне указывать, насколько противоречило бы статусу Трибунала и вредило объективному судебному исследованию подобное искажение судебной процедуры в случае хотя бы частичного успеха защиты.

В силу изложенного мы возражаем против удовлетворения ходатайства адвоката Зейдля от 22.23 и 24 мая 1946 года и просим Трибунал их отклонить»²³.

Данное заявление выражало консолидированную позицию СССР, США, Великобритании и Франции. Трибунал счел оценку поведения Зайдля верной, возражение Комитета обвинителей уместным, удовлетворив его.

«Историки», убеждающие нас в существовании «секретных протоколов», в один голос утверждают, что в Нюрнберге обвинители США, Великобритании и СССР заранее составили список вопросов, обсуждение которых на процессе недопустимо. В число запретных тем для обсуждения по настоянию Советской стороны был внесен вопрос о советско-германском Договоре о ненападении и сопутствующих ему соглашениях. Это они объясняют желанием Москвы не допустить предания огласке содержания тайного сговора с Германией.

Вот что сообщает журнал «Международная жизнь»:

«В соответствии с указаниями комиссии Вышинский в конце ноября 1945 года выехал в Нюрнберг, где под его руководством был составлен первый перечень вопросов, который обсуждался в Нюрнберге на совещании советской делегации. Совещание постановило:

«1. Утвердить представленный т. Вышинским перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде (перечень прилагается).

2. Обязать т. Руденко договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие Объединенные Нации не стали предметом критики со стороны подсудимых».

На заседании было также решено:

«Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей.

По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Приложением к этому подписанному Вышинским протоколу служил следующий документ: «Перечень вопросов.

1. Отношение СССР к Версальскому миру.

2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение.

3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы.

4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

5. Советские прибалтийские республики.

6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией.

7. Внешняя политика Советском Союзе и, в частности «вопрос о проливах» о, якобы, территориальных притязаниях СССР.

8. Балканский вопрос.

9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии)»²⁴.

²³ Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь, 1989 г., № 9.

²⁴ Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь, 1989 г., № 9.

Вполне допускаю, что тема о нежелательности некоторых вопросов поднималась союзниками, но инициатива исходила от Великобритании, а СССР не проявил интереса к данному предложению. Цитирую тот же источник:

8 марта 1946 года Джексон обратился к главным обвинителям от СССР и Франции с предложением представить перечни вопросов, как это сделала британская делегация в декабре 1945 года. В его письме, адресованном главным обвинителям от этих стран, говорилось:

«На совещании главных обвинителей 9 ноября 1945 года мы обсуждала возможность политических выпадов со стороны защиты по адресу представителей наших стран, особенно по вопросам политики Англии, России и Франции в связи с обвинением в ведении агрессивной войны.

На том же совещании было принято решение о том, что все мы будем противостоять этим выпадам, как не имеющим отношения к делу, и что так как США вступили в войну поздно и находились далеко от непосредственной операции, то, очевидно, выпадов против США будет меньше, а, следовательно, в этом отношении положение представителей этой страны несколько удобнее для того, чтобы препятствовать политическим дискуссиям.

Кроме того, договорились о том, чтобы каждая делегация составила меморандум... От советской и французской делегаций до сих пор нет никакой информации...».

Далее Зоря и Лебедева цитируют ответное письмо Руденко:

Ознакомившись с Вашим любезным письмом от 8 марта сего года, я рад сообщить о полном согласии с Вашими предложениями. Разделяя Ваше мнение, я также считаю, что Комитету обвинителей в соответствии со ст. 18 Устава Международного Военного Трибунала необходимо солидарно принять меры к решительному устранению всех попыток со стороны обвиняемых и их защитников использовать настоящий судебный процесс для рассмотрения вопросов, не имеющих прямого отношения к делу.

Хочу с признательностью отметить своевременность Вашего письма. В настоящей стадии рассмотрения дела некоторые обвиняемые и их защитники уже обнаруживают попытки поставить на обсуждение вопросы, не относящиеся к делу, и извратить значение отдельных актов правительств союзных стран при помощи лживой информации, опровержение которой было бы связано с потерей времени и, следовательно, с необоснованной затяжкой процесса.

Согласно высказанному в Вашем письме пожеланию, сообщаю примерный перечень вопросов, которые по указанным мотивам должны быть устранены от обсуждения:

1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР.

2. Внешняя политика Советского Союза:

а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопрос, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения.

3. Советские прибалтийские республики.

*С искренним уважением Р. РУДЕНКО, генерал-лейтенант
Нюрнберг, 17 марта 1946 г.*

Как видим, список нежелательных вопросов весьма сократился. При этом следует учитывать, что советская сторона желала не полностью исключить эти вопросы из обсуждения

на суде, а лишь не хотела *вдаваться в дискуссии* по ним, как не имеющим отношения к делу. Причем проявила она это желание лишь тогда, когда столкнулась с явными попытками со стороны подсудимых и их защитников затянуть процесс. Западные союзники со своей стороны представили свои списки нежелательных тем, в частности, по вопросам, связанным с Мюнхенскими соглашениями. При этом сами обвиняемые свободно затрагивали этот вопрос, и их высказывания были малоприятны для Великобритании и Франции. Однако ни американская, ни советская сторона не использовали эту возможность, чтобы представить своих союзников в невыгодном свете.

Что же касается советско-германского Договора о ненападении, то Руденко вовсе не собирався предать его забвению. Нацистские руководители обвинялись как раз в вероломном нарушении международных договоров, в том числе нарушении Договора о ненападении между Германией и СССР. Сам договор был официально представлен обвинением от Советского Союза в качестве доказательства вины подсудимых. То есть, советская сторона не могла при этом объявить вопрос о договоре в принципе нежелательным для обсуждения.

Таким образом, можно констатировать, что байка о «черном списке запретных вопросов» не имеет под собой серьезных оснований. Если б «секретные протоколы» действительно существовали, скрыть этот факт не представлялось возможным, поскольку и Риббентроп, и свидетели допрашивались всеми союзниками во время следствия. Но за все эти месяцы о «секретных протоколах» никто даже не заикнулся. Если мы обратимся к стенограмме судебных заседаний, то увидим, что «запретный» вопрос о «секретных протоколах» затрагивался неоднократно. Более того, западные представители не особо препятствуют обсуждению этой темы, даже когда она явно неуместна.

Зайдль

Материалы Нюрнбергского Международного трибунала не издавались полностью на русском языке, поэтому я вынужден обратиться к американскому изданию. Наиболее достоверным является издание документов на немецком языке. В нем содержится масса сведений об искажениях и купюрах, имевших место в американском издании. К сожалению, немецких текстов мне найти не удалось, и поэтому я использовал материалы из библиотеки Конгресса США, доступные в Интернет по адресу http://www.loc.gov/frd/Military_Law/NT_major-war-criminals.html. Мои познания в английском языке оставляют желать лучшего, поэтому не могу гарантировать полной аутентичности перевода, но за верную передачу смысла ручаюсь. В любом случае всякий желающий может свериться с первоисточником и указать на мои ошибки. Ему даже не придется перелопачивать все 30 томов, так как ниже я привожу в хронологическом порядке те фрагменты, где содержится обсуждение вопроса о «секретных протоколах» по существу. Я опустил лишь очевидные повторы или те места, где «секретные протоколы» (аффидевит доктора Гаусса) упоминаются в связи с процедурными вопросами. Также я не стал приводить массу упоминаний о пресловутых протоколах в выступлениях защиты, поскольку они не несут никакой новой информации, а являются интерпретацией показаний свидетелей и обвиняемых, иногда более чем вольной. Опять же, показания свидетелей цитируются лишь в тех местах, где те говорят строго по существу вопроса. Все слова, что не относятся к делу напрямую, я старался опускать.

Итак, впервые «секретные протоколы» всплыли 25 марта 1946 г. в выступлении защитника Рудольфа Гесса доктора Альфреда Зайдля (том X).

ЗАЙДЛЬ: <...> 23 августа 1939 года в Москве был заключен договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, который был ранее представлен обвинением как GB-145 (Document TC-25). В тот же самый день, то есть за неделю до начала войны и за три дня до планируемого нападения на Польшу, эти государства заключили другое, секретное соглашение. Это секретное соглашение по существу содержало определение сфер интереса обеих держав в пределах европейской территории, лежащей между Германией и Советским Союзом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, не забывайте, что Трибунал не предоставлял вам возможность выступить с речью. Вы можете внести документы и заявить свидетелей. У вас будет возможность произнести речь на следующей стадии...

ЗАЙДЛЬ: Да, согласен. Я не намереваюсь произносить речь, но хочу анонсировать документ, который я представлю Трибуналу Германия, в секретных документах, объявила об отсутствии своих интересов в Литве, Латвии, Эстонии, и Финляндии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, мы еще не видели документ. Если вы собираетесь представить документ, сделайте это.

ЗАЙДЛЬ: Да, действительно. Я могу представить документ сразу. Это – показание под присягой бывшего работника МИД Германии доктора Фридриха Гаусса. В 1939 году он был руководителем юридического отдела министерства иностранных дел. Он присутствовал на переговорах, как помощник тогдашнего немецкого полномочного представителя в Москве, и именно он разработал договор о ненападении, который был уже представлен. Также он составил секретное соглашение, содержание которого я хочу представить Трибуналу как важное свидетельство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, вы вручите документ?

ЗАЙДЛЬ: Конечно. Однако я намереваюсь прочитать выдержки из этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал действительно не совсем понимает, что это за документ, потому что он не включен в вашу книгу документов и потому Вы не можете ссылаться на этот документ, пока он не переведён.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, когда я готовил книгу документов подсудимого Гесса, в моем распоряжении еще не было этого аффидевита, датированного 15 марта 1946 года. <...>

Выдержки, которые я намереваюсь прочесть из этого документа, коротки, и будет возможно перевести их немедленно через переводчиков в зале суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли у вас копия документа для суда?

ЗАЙДЛЬ: Конечно, немецкая копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я боюсь, что разрешить этот вопрос не в моих силах. Я не знаю, представлен ли этот документ всем участникам процесса. Имеет ли обвинение какое-либо возражение против чтения этого документа?

РУДЕНКО (главный Обвинитель от СССР): Господин председатель, мне не известно о существовании этого документа, и поэтому я решительно возражаю против занесения его в протокол. Я хочу, чтобы процедура, установленная Трибуналом, соблюдалась защитой. Обвинение, внося какие-либо документы, всегда представляло копии стороне защиты. Теперь же защита Тесса представляет совершенно неизвестный документ, и обвинение хотело бы ознакомиться с этим документом заранее. Я не знаю, на каких фактах защита базирует свои утверждения о некоем секретном соглашении. Я бы определил их, по меньшей мере, как сомнительные. Поэтому я протестую против чтения этого документа и внесения его в протокол.

ЗАЙДЛЬ: Обвинитель от Советского Союза заявляет, что у него нет никаких данных о существовании этого секретного документа, содержание которого раскрывается данным аффидевитом. В этих обстоятельствах я вынужден просить вызова на допрос в качестве свидетеля народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова, чтобы установить следующее: во-первых, было ли это соглашение действительно заключено, во-вторых, что содержало в себе это соглашения, и, в-третьих...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, первая вещь, которую вы должны были сделать – представить перевод этого документа. И пока нет перевода, сделанного Трибуналом, мы не готовы обсуждать его. Мы даже не знаем содержание этого документа.

ЗАЙДЛЬ: Относительно содержания документа, я уже пытался объяснить прежде. В документе есть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нет, Трибунал не желает получать от вас разъяснения, что содержит этот документ. Мы хотим видеть документ непосредственно, видеть его на английском и на русском языках. Я не подразумеваю, конечно, что вы должны сделать перевод сами, доктор Зайдль. Если вы представите копию обвинению, документ переведут. После того, как это будет сделано, мы можем вернуться к обсуждению этого вопроса.

<...>

(Заседание после перерыва в тот же день.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Аффидевит был переведен и представлен на соответствующих языках Главным обвинителем?

ЗАЙДЛЬ: Я не знаю, полон ли перевод. Во всяком случае, сегодня в полдень я представил шесть копий аффидевита в отдел перевода.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы скажете, сэр Дэвид и полковник Покровский?

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ (главный обвинитель от Великобритании): Я не видел это показание под присягой. Мы перевели его поспешно на английский язык, но только благодаря

доброй воле моих советских коллег вопрос продолжает рассматриваться без русского. <...> Очень неудобно, когда эти показания под присягой разыскиваются в последнюю минуту, и мы не имеем возможности изучить их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Покровский, видели ли Вы это показание под присягой или перевели его?

ПОКРОВСКИЙ (заместитель главного обвинителя от СССР): Члены Трибунала и я полностью разделяем точку зрения сэра Дэвид Максвелл-Файфа. Мне видится абсолютно недопустимым немедленно представлять этот документ на рассмотрение Трибуналом.

Если я понял сэра Дэвида Максвелл-Файфа правильно, он не получал это показание под присягой. Советская делегация находится в том же самом положении. Кроме того, я хотел бы напомнить Вам, что вопрос этого свидетеля был уже обсужден, было принято вполне определенное решение, и я не вижу никаких оснований для дальнейшего рассмотрения данного вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Трибунал полагает, что affidavit [Гаусса] должен быть переведен и представлен Трибуналу для рассмотрения в установленном порядке, поскольку этот свидетель был заявлен как свидетель подсудимого Риббентроп, а затем отозван. Вы не заявляли Гаусса, как свидетеля, и я напоминаю Вам, что это очень неудобно, когда документы представляются в последний момент и без перевода. И мы не станем обсуждать это более, документ должен быть переведен и представлен Трибуналу на трех языках.

ЗАЙДЛЬ: Возможно, я мог бы сделать одно короткое замечание относительно последнего пункта. Я считал, что не нужно формального заявления, чтобы вызвать свидетеля, которого Трибунал уже допустил для другого ответчика. Это был как раз случай с Гауссом, который заявлен как свидетель защиты фон Риббентропа. Поэтому я счел возможным не делать формальное заявление, так как у меня в любом случае будет возможность опросить свидетеля в перекрестном допросе.

Мне только что сообщили об отозвании свидетеля защитой фон Риббентропа, и поэтому я, в свою очередь, прошу вызвать доктора Гаусса для допроса по существу показаний, содержащихся в его affidavitе.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда мы увидим этот документ, мы решим вопрос.

Итак, мы видим, что Альфред Зайдль работает на публику, как завзятый шоумен – именно этим объясняется его ходатайство допросить в качестве свидетеля наркома Молотова. Им сознательно была нарушена процедура приобщения материалов к делу – 10 дней Зайдль носил affidavit Гаусса в кармане, чтобы потом прямо в судебном заседании попытаться огласить его содержание. Такая возможность не состоялась, если б affidavit был заранее переведен и представлен обвинению. Но Зайдль добивался именно этого – публично огласить его содержание. Зачем? Затем, что Нюрнбергский процесс был открытым, на нем присутствовали сотни журналистов из многих стран мира. Адвокат Гесса добивался именно общественного резонанса, ведь его целью было, как выразился Дэвид Ирвинг, сделать «первый крупнокалиберный выстрел в холодной войне».

Да, официально (после Фултонской речи Черчилля) Холодная война уже шла 19 дней, хотя фактически она развернулась с началом иранского кризиса, когда Советский Союз открыто поддержал образование на территории Ирана демократического азербайджанского государства и отказался выводить из Ирана части Красной Армии, которые не дали шахским войскам подавить азербайджанских и курдских сепаратистов. Так что можно долго спорить о том, где прозвучал первый выстрел холодной войны, и кто первый его сделал. Холодная война, собственно, не всегда была холодной – Ближний Восток, Корея, Вьетнам, Африка,

Латинская Америка, Афганистан становились ареной кровавых и продолжительных вооруженных конфликтов, в которых прямо или опосредовано участвовали страны Запада с одной стороны и СССР со своими союзниками с другой. Но главный фронт холодной войны пролегал именно в области пропаганды и борьбы за контроль над массовым сознанием. В этом смысле слова Ирвинга передают суть эпатажной выходки Зайдля как нельзя более метко.

А вот как Зайдль получил скандально знаменитые фотоснимки «секретных протоколов», согласно публикации журнала «Международная жизнь»:

«В начале апреля после допроса рейхсминистра фон Риббентропа произошло следующее: я сидел во время перерыва на скамье в фойе зала суда. Вдруг ко мне подошел человек лет тридцати пяти и сел рядом. Он начал разговор словами: «Господин доктор Зайдль, мы следим с большим интересом за Вашими попытками внести в число доказательств секретный дополнительный протокол к германо-советскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года». С этими словами он передал мне незапечатанный конверт, в котором было два листа. Я начал читать. Когда я закончил, то должен был, к своему изумлению, отметить, что мой собеседник исчез. Один из двух листов, напечатанных на машинке, имел следующее содержание: «Секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа». Я еще до сих пор не знаю, кто передал мне эти листы. Однако многое говорит за то, что мне подыграли с американской стороны, а именно со стороны обвинения США или американской секретной службы»²⁵.

К сожалению, авторы не приводят источник, которым они воспользовались, поэтому удостовериться в точности передачи смысла не могу, но, учитывая ангажированность Зори и Лебедевой, трудно представить, что они были заинтересованы в разоблачении мифа о «секретных протоколах». О причине умолчания относительно источника могу предположить, что сделано это было умышленно, поскольку они цитировали художественно-публицистическую книгу Зайдля «Падение Рудольфа Гесса», не представляющую научной ценности.

²⁵ Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь, 1989 г, № 9.

Гаусс

Первый, и на долгие десятилетия единственный артефакт, «доказывающий» существование «секретных протоколов» – мутные фотокопии, которые адвокат Гесса Альфред Зайдль безуспешно пытался приобщить к материалам дела на Нюрнбергском процессе в марте 1946 г. Первый, и на долгие десятилетия единственный свидетель, оставивший письменные воспоминания о тайной вечере в Кремле, – заведующий юридическим отделом МИД Германии Фридрих Гаусс. Почему я называю его, а не Риббентропа единственным свидетелем? Потому что 1 апреля 1946 г. Иоахим Риббентроп, допрошенный в качестве свидетеля, начал подробно распространяться о «секретных протоколах» лишь после того, как защитник Зайдль огласил письменные показания Гаусса, датированные 15 марта. Поэтому Риббентропу осталось лишь пересказать своими словами то же самое: мол, да, подписали с Молотовым бумаги, поделили Польшу по Висле, а значит, вина за развязывание войны лежит в том числе и на СССР. Но как бы многословно Риббентроп ни комментировал политические последствия московской встречи, об обстоятельствах подписания мифических секретных соглашений он не добавил совершенно ничего к тому, что содержалось в affidavitе Гаусса и фотокопиях фон Леша. Честь быть первоисточником мифа о «секретных протоколах» принадлежит именно письменным показаниям Фридриха Гаусса. Вот что он поведал о них в своем affidavitе (том XXX):

23 августа к полудню в Москву прибыл самолет рейхсминистра иностранных дел, которого я, как юрисконсульт, должен был сопровождать на переговорах о заключении договора. Во второй половине того же дня состоялся первый раунд переговоров фон Риббентропа с господином Сталиным, на котором с германской стороны кроме рейхсминистра иностранных дел участвовал в качестве переводчика лишь советник посольства Хильгер и, вероятно, также посол граф Шуленбург.

Рейхсминистр иностранных дел вернулся с этой очень продолжительной встречи очень довольным и высказывался в том духе, что почти все идет к тому результату, к какому стремится германская сторона. Продолжение переговоров и подписание документов состоялось в тот же вечер. Я принял личное участие в этом втором раунде переговоров. На встрече также присутствовали посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С советской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым при помощи переводчика господина Павлова. <...>

Наряду с пактом о ненападении много времени ушло на согласование особого тайного документа, который получал наименование «Секретный протокол» или «Секретный дополнительный протокол», содержание которого сводилось, насколько я помню, к разграничению обоюдных сфер влияния в лежащих между обоими государствами европейских территориях. Использовалось ли там выражение «сферы влияния» или какое-либо другое, я точно не помню. Германия в этом документе заявляла себя политически незаинтересованной в Латвии, Эстонии и Финляндии. Литва, напротив, была отнесена к ее сфере влияния. В отношении политической незаинтересованности Германии в обеих упомянутых балтийских странах поначалу возникли разногласия. Рейхсминистр иностранных дел на основании данных ему на сей счет инструкций хотел оставить за собой часть этих территорий, с чем не согласилась советская сторона, желавшая иметь доступ к находящимся там незамерзающим гаваням.

Вероятно, по этому поводу рейхсминистр иностранных дел запросил телефонную связь с Гитлером еще во время первой встречи в Кремле. Разговор состоялся только во время второго раунда переговоров, и он в непосредственной беседе с Гитлером был упол-

номочен удовлетворить требования советской стороны. Для польской области демаркационная линия также была согласована, но наносилась ли она на прилагаемую к документу карту или только описывалась в документе словесно, я теперь уже не помню.

Впрочем, соглашение устанавливало, что при урегулировании польской проблемы, обе стороны будут действовать во взаимном согласии. Данное соглашение в дальнейшем уточнялось более пяти раз, пока не было выработано окончательное решение. Относительно балканских стран устанавливалось, что у Германии там имеются только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ подписывались уже глубокой ночью. <...>

Примерно месяцем позже во время переговоров при заключении второго германо-советского политического договора были подписаны три новых тайных документа, упомянутых выше. По советской инициативе, о чем Берлин был заранее информирован, Литва за исключением маленького примыкающего к Восточной Пруссии «кончика» переходила из германской сферы влияния в советскую. Взамен демаркационная линия в польской области переносилась дальше на восток. Припоминаю, что позже, в конце 1940 года или в начале 41-го по дипломатической линии были проведены переговоры, по результатам которых «литовский кончик» так же был передан Германией Советскому Союзу.

В заключение я хотел бы заметить, что мои воспоминания об этих событиях довольно отчетливы лишь в самых основных пунктах, поскольку с тех пор прошло много времени, а так же по той причине, что более масштабные происшествия последних лет заслонили собой те события. Я не могу говорить о них с абсолютной точностью, поскольку не располагаю в настоящий момент необходимыми документальными данными и не могу говорить с компетентными лицами о тогдашних делах, дабы освежать мою память.

Показания эти очень характерны. Даже беглого ознакомления достаточно, чтобы понять, что Гаусс не мог составить такой документ. Возможно, он был составлен с его слов, но не им лично. Настоящий свидетель, описывая какое-либо происшествие, упоминает много подробностей, возможно и не имеющих отношения к делу, но указывающих на то, что он действительно присутствовал на месте события, приводит факты, которые могли бы подтвердить другие свидетели. Лжесвидетель, наоборот, старается описывать дело максимально обтекаемо, уклоняется от упоминания любых подробностей. В противном случае слова других свидетелей не совпадут с его интерпретацией. И чем больше подробностей, тем больше будет несовпадений.

Однажды я изучал показания, которые человек дал под пытками. Суть их была в следующем: такого-то числа он и его подельник угнали в селе таком-то автомобиль «Газель». И все, более никаких подробностей. Следователь даже не попытался уточнить обстоятельства угона. Почему? Да потому что ни следователь, ни его «клиент» не знали подробностей. Следователь лишь знал о факте совершения преступления и о том, что оно не раскрыто, поэтому его и «повесили» на арестованного, дабы улучшить показатели раскрываемости. А те детали, которые, по идее, должно содержать «чистосердечное признание» пытаемого, были известны лишь потерпевшему: откуда была угнана машина – из гаража или с улицы, ее внешние приметы и т. д. На суде же выяснилось, что угон был совершён в тот день, когда подсудимый вообще находился за границей, о чем свидетельствует штамп в его загранпаспорте. Об этом следователь тоже не мог знать, иначе бы «пришил» угон другому бедолаге.

Так вот, если посмотреть на показания Фридриха Гаусса, то они не содержат ни малейших подробностей, которые бы делали его рассказ убедительным. Суть аффидевита сводится к тому, что Молотов и Риббентроп подписали секретные дополнительные протоколы в Кремле, но об этом в довольно обширном послании всего несколько строк и оговорка что, дескать, остальных подробностей не помню. Опасность заключалась в том, что трибунал

мог допросить других свидетелей, которые, не имея возможности согласовать свои показания с Гауссом, допустили бы противоречия. Например, тот же Риббентроп мог не знать, что он по версии своего подчиненного, обсуждал с Гитлером раздел Восточной Европы по телефону. Поэтому упоминания этого разговора, свидетелем которому якобы был Гаусс, в его affidavitе нет.

С этим разговором есть еще одна странность. По общепринятой версии, на первой встрече Риббентропа с Молотовым и Сталиным без лишних свидетелей обсуждались условия секретного протокола, а во время второй встречи происходила церемония подписания договора в присутствии многих официальных лиц. После имел место торжественный ужин. Соответственно, если уж Риббентропу так необходимо было связаться с фюрером для согласования деталей раздела сфер интересов, то он мог сделать это во время перерыва, находясь в посольстве. Однако он, если верить Гауссу, этого не сделал, и телефонный разговор состоялся во время второго раунда переговоров. Складывается такое впечатление, что Гауссу очень хочется сказать, что разговор был, но поскольку на первой встрече он не присутствовал, то перенес этот разговор на вечер 23 августа, когда, по логике вещей, все условия сделки уже должны были быть согласованы.

Единственная попытка восстановить ход кремлевских переговоров Риббентропа была предпринята немецким историком Ингебог Фляйшхауэр, которая постаралась использовать максимально широкую фактологическую базу, собрав все доступные ей свидетельства участников переговоров. Так вот, по ее версии перерыв понадобился как раз для того, чтобы Риббентроп мог отправить в Германию телеграмму относительно советских требований. Ответ был передан, по ее мнению, следующим образом: *«Из Берлина, где была установлена прямая телефонная связь с Москвой, это сообщение было передано в германское посольство. Устный ответ Гитлера, который – уже после отъезда Риббентропа в Кремль был продублирован по телеграфу, скромно гласил: «Да, согласен»»*²⁶.

Кстати, Гитлер в момент московских переговоров находился в своей резиденции Берхестгаден и хотя бы только поэтому не мог беседовать по телефону с Риббентропом. Показания Гаусса являются сфальсифицированными. Не сомневаюсь, что он был в Кремле в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., но то, что у него плохая память (у высокопоставленного дипломата?), которой он объясняет крайнюю скомканность своих показаний об обстоятельствах подписания «секретных протоколов» – в это я, конечно же, не верю. Но постараемся войти в положение фальсификаторов: чем-то же надо объяснить немногословность Гаусса, когда речь идет о совсем недавних событиях, повернувших ход мировой истории, и кроме как на плохую память сослаться не на что. Впрочем, это ещё цветочки.

Самый главный аргумент в пользу подложности affidavitа – чудовищный географический ляп. Гаусс сообщает о том, что во время сентябрьских переговоров 1939 г. Германия якобы отказалась в пользу Советского Союза от Литвы за исключением маленького «кончика» литовской территории, которая была уступлена СССР позже. Фальсификаторы показаний Гаусса в данном случае допустили оплошность, спутав польские Сувалки с литовской Сувалкией (анализ этой ошибки смотри в главе «Сувалки»). Мог ли Гаусс сам ошибиться? Гипотетически мог, но это говорило бы о его вопиющем непрофессионализме как дипломата. Представить это так же сложно, как то, что кандидат математических наук запутается в таблице умножения, решая задачку для третьего класса. А какова вероятность, что его начальник, доктор математических наук, совершит точно такую же ошибку, решая ту же задачу? Таковая вероятность практически равна нулю. Между тем начальник Гаусса Риббентроп так же оговаривается насчет «кончика» литовской территории, и происходит это лишь потому, что Риббентроп вынужден во всем поддерживать вранье своего бывшего подчиненного.

²⁶ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии.

О том, что показания Гаусса не писал он сам, свидетельствует очень характерная для западных источников по «секретным протоколам» ошибка – там постоянно путается граница сфер интересов и демаркационная линия. Но если это простительно для провинциального журналиста, то профессиональный дипломат просто не может смешивать эти совершенно различные понятия. Ведь если граница сфер интересов в «секретных протоколах» определялась «примерно по линии...», то установление демаркационной линии подразумевает топографическую точность. И, кстати, если сферы интересов можно примерно разграничить на словах, то демаркационную линию без карты провести нереально – вот почему возникает противоречие в вопросе о карте, которая то ли была, то ли не была приложена к протоколу от 23 августа 1939 г.

Имеются в аффидевите и мелкие детали, выдающие подлог. Например, Гаусс говорит о прибытии в Москву самолета с германской делегацией, в то время как она была столь многочисленной, что для нее потребовалось два самолета. В любом случае остается констатировать: аффидевит Фридриха Гаусса – несомненная фальшивка, причем фальшивка довольно неуклюжая. Тем не менее, именно в аффидевите Гаусса сформулирован миф о «секретных протоколах» примерно в том виде, в каковом мы его знаем. Этимологический анализ показывает, что другие источники в дальнейшем лишь дополняли его и базировались на нем. Это видно по тому, что, имея массу противоречий между собой, они более-менее согласуются с канонической версией Фридриха Гаусса. Впрочем, не всегда.

Бланк

Об этом «свидетеле» сегодня молчат все публицисты, пережевывающие тему «секретных протоколов». Причина в том, что свидетель этот, мягко говоря, сомнительный – слишком уж мелкий клерк, чтоб иметь касательство к государственным тайнам. Знакомьтесь, Маргарет Бланк, личный секретарь Риббентропа с февраля 1935 г. 28 марта 1946 г. она была допрошена Трибуналом в качестве свидетеля. Вот что она рассказала о «секретных протоколах» (том X):

ХОРН: Коковы были взгляды и намерения Риббентропа относительно России?

БЛАНК: Его намерения относительно России показал Договор о ненападении от августа 1939 года, и Торговое соглашение от сентября того же года.

ХОРН: Вы знаете, что, в дополнение к Договору о ненападении и Торговому Соглашению в Москве было подписано ещё одно соглашение?

БЛАНК: Да, было дополнительное секретное соглашение.

РУДЕНКО: Ваша честь! Мне кажется, что свидетель, которого вызвали на настоящее заседание Трибунала, по самой природе ее положения как секретаря бывшего министра иностранных дел Риббентропа может свидетельствовать только о личности ответчика, его образе жизни, особенностях его характера. Но свидетель совершенно некомпетентен, чтобы высказывать мнение по вопросам, имеющим отношение к соглашениям, внешней политике, и так далее. В этом ключе я нахожу вопросы защиты абсолютно недопустимыми и прошу, чтобы они были сняты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хорн, вы ведете речь о том же документе, о котором говорится в аффидевите доктора Гаусса?

ХОРН: Я полагаю, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Советский обвинитель возразил против упоминания этого соглашения, ссылаясь лишь на показание под присягой. Вы можете представить это соглашение в письменной форме?

ХОРН: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Предполагаемое соглашение между советским правительством и Германией заключено в письменной форме?

ХОРН: Да, оно было заключено в письменном виде, но я не обладаю копией соглашения, и поэтому прошу Трибунал дать мне возможность получать показания под присягой от фрейлейн Бланк, которая видела оригинал. Ваша честь, вы согласны на это?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, имеется ли у Вас непосредственно экземпляр этого соглашения?

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, есть только два экземпляра этого соглашения. Один оставили в Москве 23 августа 1939. Другой экземпляр был привезен в Берлин фон Риббентропом. Согласно сообщению в прессе все архивы министерства иностранных дел были конфискованы советскими войсками. Могу ли я на этом основании просить, чтобы советское правительство или советская делегацию представили Трибуналу оригинал секретного соглашения?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я задал вам вопрос, доктор Зайдль, а не спрашивал вашего мнения на сей счёт. Я спросил вас конкретно: имеете ли вы в наличии экземпляр соглашения, о котором идёт речь?

ЗАЙДЛЬ: Я не обладаю им. Показание под присягой посла Гаусса только раскрывает содержание секретного соглашения. Он компетентен в этом вопросе, потому что лично составлял текст секретного соглашения. Секретное соглашение, составленное Гауссом,

было подписано комиссаром иностранных дел Молотовым и господином Риббентропом. Это – все, что я могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Господин председатель, я желаю сделать следующее заявление: соглашение, упомянутое адвокатом Зайдлем, предположительно захваченное советскими войсками, – есть, соглашение, заключенное в Москве в августе 1939 года. Обращаю внимание защиты, что это соглашение было опубликовано в газетах, поскольку это был советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939. Это – известный факт.

Поскольку о других соглашениях ничего не известно, советское обвинение полагает, что ходатайство доктора Зайдля о приобщении к материалам дела показаний под присягой Фридриха Гаусса должно быть отклонено по следующим причинам: показания Гаусса об этом договоре и истории заключения советско-германского пакта, не соответствуют действительности. Представление таких показаний под присягой, которые искажают действительность, может рассматриваться только как провокация. На это ясно указывает тот факт, что в его affidavitе описываются действия Риббентропа, хотя приняла показания свидетеля и просила приобщить их к делу защита Гесса. Но показания Гаусса не имеют никакого отношения к Гессу. На этом основании я прошу Трибунал отклонить ходатайство, сделанное адвокатом Зайдлем и считать вопрос поднятый защитой, не соответствующим предмету настоящего судебного разбирательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, доктор Зайдль? Вы хотите что-то сказать?

ЗАЙДЛЬ: я могу уточнить? Перевод того, что только что сказал советский обвинитель, сделан не полностью. Я не понял, отрицает ли генерал Руденко в целом, что такое соглашение было заключено или он только хочет заявить, что содержание этого секретного соглашения не относится к делу.

В первом случае, я повторю свое ходатайство о вызове Трибуналом на допрос советского комиссара иностранных дел Молотова; в последнем случае я прошу предоставить мне возможность привести доводы в пользу существования этого секретного соглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В настоящее время мы рассматриваем возражение относительно допроса свидетеля, поэтому не станем отвлекаться на выяснение этого вопроса.

[Объявляется перерыв.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал напоминает защите, что в их материалах не было никакого упоминания об этом гипотетическом соглашении, но поскольку вопрос был поднят, Трибунал постановляет, что свидетель может быть опрошен по этому вопросу.

ХОРН (свидетелю): Вы говорили о секретном соглашении. Как Вы узнали о заключении этого соглашения?

БЛАНК: Вследствие болезни я не могла сопровождать фон Риббентропа в двух его поездках в Россию. Я также отсутствовала, когда осуществлялась подготовка к заключению договоров. Я узнала о существовании этого секретного соглашения через специальный запечатанный конверт, который, согласно инструкциям, был подан отдельно и имел надпись вроде «немецко-русское секретное» или «дополнительное соглашение».

ХОРН: Вы были ответственны за регистрацию отдельно от остальных документов этих секретных дел? Верно?

БЛАНК: Да.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, Трибунал разрешил задавать вопросы свидетелю относительно секретного соглашения. Свидетель знал только о существовании этого соглашения, но не его содержании. Могу ли я рассматривать это, как повод просить Три-

бунал о возможности приобщить к материалам дела affidavita посла Гаусса, и предоставления мне возможности зачитывать выдержки из этого показания под присягой?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Показание под присягой было представлено суду?

ЗАЙДЛЬ: В прошлый понедельник, то есть, три дня назад были представлены шесть копий показания под присягой в отдел перевода лейтенанту Шредеру. Я предполагаю, что за истекившие три дня суд получил переведенную копию.

МАКСВЕЛЛ-ФАЙФ: Обвинение не получило копии. Я еще не видел показание под присягой. Их нет у моего коллеги господина Додда, их не имеют другие мои коллеги, генерал Руденко и Шампентье де Риб.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тогда я думаю, что мы должны ждать, пока документ не появится на руках, тогда его можно будет рассмотреть.

ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, я полагаю, что сделал все, что в моих силах, чтобы снабдить суд этим показанием под присягой. Я не имею никакого влияния на дела генерального секретаря Трибунала, и буду очень обязан, если Трибунал поможет мне в этом вопросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никто не сказал, что Вы сделали что-то не так, доктор Зайдль.

Итак, мы видим, что после неудачной попытки ввести в юридический оборот фальшивку 25 марта, Зайдль предпринимает ход со свидетельством Маргарет Бланк, которая не была в Москве, не участвовала в подготовке договоров с Советским Союзом, но якобы видела некий конверт с таинственными «немецко-русскими» секретными соглашениями. На этом основании Зайдль добивается того, чтобы affidavit Гаусса был рассмотрен Трибуналом и мог в дальнейшем использоваться защитой в ходе процесса.

Свидетельство Бланк, разумеется, не вызывает никакого доверия. Если она болела, то как могла регистрировать конверт с секретными соглашениями? Неужели во время болезни её некому было заменить? Или, может быть, секретные документы валялись на столе Риббентропа, пока его секретарь не вышла на работу, чтобы проставить нужные штампы и отнести в архив? Вообще-то с секретными соглашениями такого рода предусмотрен особый порядок работы, и секретарш, приносящих кофе, к их оформлению не допускают. И тем более, характер засекреченного документа не может раскрываться на конверте, его содержанием, ибо засекречен должен быть сам факт наличия подобного соглашения. Самое большее, что могло быть нанесено на конверт, – шифр, смысл которого понятен лишь избранным сотрудникам министерства.

Риббентроп

То, что подробности «секретных протоколов» раскрыл непосредственный участник соглашения Риббентроп во время Нюрнбергского процесса, стало как бы общеизвестным фактом. Настолько общеизвестным, что историки не утруждают себя обращением к первоисточнику. Между тем, обратиться к показаниям Риббентропа будет совсем не лишне. Сразу бросается в глаза, что всегда Риббентроп говорит внятно, четко и убедительно, уверенно оперирует фактами, датами, именами, цифрами и географическими названиями. И лишь только речь заходит о «секретных проколах», речь его становится сбивчивой, начинаются проблемы с памятью и всевозможная путаница.

Судья Лоуренс разрешил Зайдлю допросить Риббентропа только после того, как он будет допрошен его адвокатом Хорном. Зайдль встречался с Хорном и согласовал с ним этот вопрос, о чем открыто заявил во время процесса. Без сомнения, он передал адвокату Риббентропа показания Гаусса, а Хорн ознакомил с ними своего подзащитного. Допрос происходил 29 марта 1946 г. (том X).

РИББЕНТРОП: Вечером 22 августа я прибыл в Москву. Прием, оказанный мне Сталиным и Молотовым, был очень дружественным. У нас была сначала двухчасовая беседа, во время которой был обсужден весь комплекс советско-германских отношений. Результатом ее стало, во-первых, взаимное желание обеих стран, перевести эти отношения на принципиально новую основу, базой которых должен был стать договор о ненападении. Во-вторых, в соответствии с секретным дополнительным протоколом были поделены сферы интересов между двумя странами.

ХОРН: Для какого случая предусматривался этот секретный дополнительный протокол? Каково было его содержание и политические основания для его заключения?

РИББЕНТРОП: Я хотел бы сказать, прежде всего, что об этом секретном протоколе говорили несколько раз здесь в этом суде. Я говорил очень искренне во время переговоров со Сталиным и Молотовым, и они также были просты и откровенны со мной. Я передал пожелание Гитлера, чтобы наши страны достигли взаимовыгодного соглашения, и, конечно, я также говорил о критической ситуации в Европе. Я заявил, что Германия делает все, чтобы уладить ситуацию в Польше, и уладить ее мирным путем, несмотря на все трудности.

Однако, я не оставил сомнений, что ситуация очень серьезна и возможность вооруженного столкновения очень велика. Для обоих государственных деятелей, как для Сталина, так и для Гитлера, это был вопрос территорий, которые обе страны потеряли после неудачной войны. Было бы неправильно отрицать эту точку зрения. Я высказал в Москве точку зрения Адольфа Гитлера, что эта проблема так или иначе должна быть решена, и был понят советской стороной.

Мы тогда обсуждали то, что должны делать русские и немцы в случае вооруженного столкновения. Линия установления границ была согласована, как известно, для того, чтобы в случае невыносимой польской провокации, или в случае войны немецкие и советские интересы на польской арене не могли столкнуться. Известная линия была согласована вдоль линии рек Вислы, Сан, и Буг на польской территории. Была достигнута договоренность, что в случае конфликта территории, лежащие к западу от этих рек, являются сферой немецких интересов, и те, что на восток – советских.

Известно, что позже, после начала войны, эти зоны были заняты с одной стороны Германией, а с другой стороны – советскими войсками. Я могу повторить, что тогда у меня от бесед с Гитлером и Сталиным осталось впечатление, что эти польские терри-

тории, а также другие территории, которые были определены в этих сферах интересов, о котором я коротко скажу, – что они были территориями, которые обе страны потеряли после неудачной войны. И оба государственных деятеля, несомненно, считали, что если последний шанс для разумного решения этой проблемы, будет исчерпан – за Адольфом Гитлером остается право включить эти территории в состав рейха иным путём.

Помимо этого также известно, что сферы интересов определялись в отношении Финляндии, балтийских государств и Бессарабии. Это было масштабным урегулированием интересов двух великих держав, предусматривающих как мирное решение проблемы, так и достижение ими своих интересов военным путем.

ХОРН: Верно ли, что эти переговоры были осуществлены только тогда, когда без договора о ненападении и политического урегулирования между СССР и Германией, стало невозможно уладить польский вопрос дипломатическим путём?

<...>

РИББЕНТРОП: Да, это так. Я заявил тогда, что с немецкой стороны все будет принято для того, чтобы решить проблему дипломатическим, мирным способом.

ХОРН: Советский Союз обещал Вам дипломатическую помощь или доброжелательный нейтралитет в этом вопросе?

РИББЕНТРОП: Как следовало из содержания договора о ненападении и из содержания переговоров в Москве, это именно так. Мы были убеждены в том, что, если из-за польской провокации вспыхнет война, СССР проявит дружественное отношение к нам.

<...>

ХОРН: В сентябре 1939 года Вы совершили второй визит в Москву. Какова была его причина и что там обсуждалось?

РИББЕНТРОП: Моя вторая поездка в Москву стала необходимой в связи с окончанием польской кампании. Я полетел в Москву в конце сентября, и на сей раз я получил особенно сердечный прием. Ситуация требовала, прояснения ситуации на польской территории. Советские войска заняли восточные области Польши, а мы заняли западные до линии установления границ, ранее согласованной. Теперь мы должны были установить определенную линию государственных границ. Мы также стремились укрепить наши связи с Советским Союзом и установить сердечные отношения с ним.

Данное соглашение было достигнуто в Москве, линия границы в Польше была установлена. Так же было намечено наладить более тесные экономические отношения между нашими странами. Всестороннее соглашение, касающееся поставок сырья, было обсуждено и позже заключено. Политический акцент договора, заключенного тогда был смещен от нейтралитета в сторону дружбы между странами. Лишь вопрос о территории Литвы оставался открытым. Ради установления более доверительных отношений между Москвой и Берлином, фюрер отказался от влияния на Литву и в соответствии со вторым соглашением предоставил СССР свободу действий в Литве. <...>

ХОРН: Это верно, что 15 июня 1940, после предъявления ультиматума, русские заняли всю Литву, включая часть, которая была немецкой, не уведомляя правительство рейха?

РИББЕНТРОП: Не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса, но известно, что эти области были фактически заняты.

ХОРН: Какие дальнейшие советские действия вызвали беспокойство Гитлера относительно отношения России и её намерений?

РИББЕНТРОП: Дальнейшие события сделали фюрера скептиком в отношении России. Во-первых, я имею в виду аннексию балтийских государств, о чем я только что упомянул. Во-вторых – присоединение Бессарабии и Северной Буковины. Нас просто поставили перед фактом без проведения каких-либо консультаций. Король Румынии спрашивал у

нас тогда совета. Фюрер из лояльности к советскому договору, советовал королю Румынии согласиться с советскими требованиями и эвакуировать Бессарабию.

Кроме того, война с Финляндией в 1940 году вызвала определенное беспокойство в Германии, поскольку у немцев существовали сильные симпатии к финнам. Фюрер чувствовал себя обязанным до некоторой степени принимать это во внимание.

<...>

ХОРН: 12–14 ноября 1940 года советский нарком Молотов посетил Берлин. По чьей инициативе был осуществлен этот визит и каков был предмет обсуждений?

РИББЕНТРОП: Переговоры с Молотовым в Берлине касались следующего. Когда мы пытались урегулировать отношения с СССР по дипломатическим каналам, я в конце осени 1940 года с разрешения фюрера написал письмо маршалу Сталину и пригласил Молотова в Берлин. Это приглашение было принято, и во время беседы между Гитлером и Молотовым советско-германские отношения были обсуждены во всей их полноте. Я присутствовал при этом. Молотов сначала обсуждал вопрос двусторонних отношений в общем, а затем сделал акцент на Финляндии и Балканах. Он сказал, что у России есть жизненные интересы в Финляндии. Он заявил, что, когда определялись границы зон влияния, было согласовано, что Финляндия входит в советскую сферу. Фюрер возразил, что у Германии также имеются обширные интересы в Финляндии, особенно, что касается поставок никеля. И, кроме того, нельзя забывать, что немецкий народ симпатизирует финнам. Поэтому он просил, чтобы Молотов пошел на компромисс в данном вопросе. Эта тема поднималась несколько раз.

<...>

Я надеюсь, читатель без труда заметил в словах Риббентропа погрешности:

1. Он утверждает, что в августе 1939 г. граница сфер интересов СССР и Германии были определены по линии рек Висла, Буг и Сан. Вообще-то в известном нам тексте «секретных протоколов» речь шла первоначально о линии Нарев – Висла – Сан.

2. Далее бывший гитлеровский министр утверждает, что советские и германские войска заняли территории в полном соответствии с установленной линией раздела сфер интересов, хотя мы знаем, что фактически германские войска продвинулись значительно восточнее (вот тут они действительно дошли до Буга и форсировали Сан).

3. Пассаж Риббентропа про занятые «немецкие области в Литве» отдает откровенным маразмом, но тут он вынужден подпевать фальсификаторам, которые уже прокукарекали в аффидевите Гаусса, что Сталин якобы поделил с Гитлером не только Польшу, но и Литву. Ниже этот вопрос подробно рассматривается в главе «Сувалки». Подобные заявления Риббентропа совершенно ясно указывают, что он говорил под чью-то диктовку. Сам он до такого бреда вряд ли бы додумался.

4. Сначала Риббентроп утверждает, что Прибалтика и Бессарабия были отнесены к советской сфере интересов, и тут же заявляет, что аннексия этих территорий Москвой сделали фюрера скептиком в отношении России. Это как же понимать эту нестыковку? Выходит, что СССР строго соблюдал соглашение о разделе Восточной Европы, а Гитлера это насторожило. По логике Риббентропа следует, что еще в 1939 г. Германия признала за СССР право на Бессарабию, а в 1940 г. для Берлина стало полной неожиданностью то, что Советский Союз потребовал от Румынии вернуть оккупированные ею в 1918 г. земли. Концы с концами совершенно не сходятся!

5. Совсем удивительно слышать из уст Риббентропа по поводу советского ультиматума Литве от 15 июня 1940 г. и последовавшего ввода на ее территорию дополнительных войск, что «не было никакого специального соглашения относительно данного вопроса». Что же тогда зафиксировано в «секретном протоколе» от 28 сентября 1939 г.? Видимо иногда бывший рейхсминистр, делая такие оговорки, сообщает правду.

6. Риббентроп грубо искажает суть берлинских переговоров с Молотовым. Советский нарком в ноябре 1940 г. требовал вывода немецких войск из Финляндии, а вовсе не признания там интересов СССР. Заметим, что советско-финская война завершилась в марте 1940 г., когда Красная Армия прорвала так называемую линию Маннергейма и совершенно обескровленная финская армия оказалась не в состоянии оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление. Финны запросили мира и вынуждены были удовлетворить все требования, выдвинутые Москвой. То есть претензии у Молотова были не к финнам, а к Германии. Эта подтасовка нужна Риббентропу для того, чтобы представить дело так, будто Молотов испрашивает у Гитлера санкции на «окончательное решение» финского вопроса. О присутствии германских войск якобы на территории, отнесенной к советской сфере интересов, бывший рейхсминистр скромно умалчивает. На самом деле не Гитлер уговаривал советского наркома пойти на компромисс в отношении Финляндии, а Молотов неоднократно предлагал разрядить ситуацию в Финляндии, выведя оттуда германские войска, но Гитлер всякий раз уклонялся от обсуждения этого вопроса.

7. То, что Риббентроп путается в датах, утверждая, что прибыл в Москву вечером 22 августа 1939 г., можно не принимать во внимание, но вообще-то это не добавляет ему убедительности.

1 апреля после того, как Хорн закончил допрос своего подзащитного, Зайдль, наконец, получил возможность задать Риббентропу интересующие его вопросы (том X).

ЗАЙДЛЬ: <...> Свидетель, преамбула к секретному договору, заключенному между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939, сформулирована примерно таким образом: «В виду существующей напряженности между Германией и Польшей, следующее согласовано в случае конфликта...» Вы вспоминаете, была ли у преамбулы приблизительно такая формулировка?

РИББЕНТРОП: Я не помню точную формулировку, но она была приблизительно такой.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что руководитель юридического отдела министерства иностранных дел, доктор Гаусс участвовал как юрисконсульт на переговорах в Москве 23 августа 1939 года и составлял текст этого соглашения?

РИББЕНТРОП: Доктор Гаусс участвовал частично в переговорах и составлял соглашение вместе со мной.

ЗАЙДЛЬ: Я теперь прочитаю извлечение из показаний доктора Гаусса и задам Вам несколько вопросов в связи с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, какой документ Вы собираетесь прочитать?

ЗАЙДЛЬ: Я буду читать из параграфа 3 аффидевита доктора Гаусса, и в связи с этим задам несколько вопросов свидетелю, потому что некоторые аспекты данного договора, кажется, не были достаточно прояснены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко?

РУДЕНКО: Я не знаю, господин председатель, какое отношение эти вопросы имеют к подсудимому Гессу, которого защищает доктор Зайдль, или к подсудимому Франку. Я не желаю обсуждать этот аффидевит, поскольку он вообще не имеет никакого значения. Я хочу напомнить Трибуналу, что мы не изучаем проблемы, связанные с политикой союзных государств, мы исследуем обвинения против главных немецких военных преступников. Подобные вопросы со стороны защиты – попытка отвлечь внимание Трибунала от вопросов, которыми мы занимаемся. Поэтому я считаю, что вопросы подобного характера должны быть отклонены как неуместные.

[Объявлен перерыв. Суд совещается.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Вы можете задать вопросы.

ЗАЙДЛЬ: Гаусс заявил, согласно параграфу 3 его показания под присягой:

[Зачитывает показания Гаусса (см. их в главе «Гаусс»)].

Свидетель, в аффидевите Гаусса упомянут договор, в соответствии с которым две страны соглашались действовать для окончательного разрешения польского вопроса. Такое соглашение было достигнуто 23 августа 1939?

РИББЕНТРОП: Да, это верно. Тогда немецко-польский кризис достиг большой остроты, и, само собой разумеется, что этот вопрос был всесторонне обсужден. Я хотел бы подчеркнуть, что у меня не было ни малейшего сомнения в трезвости взгляда на этот вопрос Сталина или Гитлера: если переговоры с Польшей зашли в тупик, территории, которые были отняты у двух великих держав силой оружия, могли быть возвращены также силой оружия. В соответствии с этой установкой, восточные территории были заняты советскими войсками, а западные – немецкими войсками. Сталин никогда не может обвинять Германию в агрессии против Польши. Если это считать агрессией, то обе стороны виновны в ней.

ЗАЙДЛЬ: Демаркационная линия была в этом секретном договоре согласована в письменной форме, или она была проведена на приложенной карте?

РИББЕНТРОП: Демаркационная линия была приблизительно проведена на карте. Она шла вдоль Рек Писса, Буг, Нарев, и Сан. Эти реки я помню. Это была линия, которой следовало придерживаться в случае вооруженного столкновения с Польшей.

ЗАЙДЛЬ: Это верно, что на основе того соглашения, не Германия, а именно Советская Россия получила большую часть Польши?

РИББЕНТРОП: Я не знаю точные пропорции, но, во всяком случае, соглашение было таково, что территории к востоку от этих рек отходили к Советской России, а территории к западу должны были быть заняты немецкими войсками. В то время статус территории, отходящей к Германии, не был определен. Гитлер заранее не имел на счет нее четких планов. Позже области, потерянные Германией после Первой мировой войны, были включены в состав рейха.

ЗАЙДЛЬ: Теперь еще кое-что. В прошлую пятницу Вы заявили, что хотели, чтобы Россия участвовала в Трехстороннем пакте. Почему эта инициатива терпела крах?

РИББЕНТРОП: Она провалилась из-за чрезмерных советских требований. Я согласился с Молотовым в Берлине насчет того, чтобы провести дальнейшие переговоры по дипломатическим каналам. Я хотел повлиять на фюрера относительно требований, заявленных Молотовым в Берлине, чтобы компромисс был достигнут.

Тогда Шуленбург послал нам сообщение из Москвы с русскими требованиями. В этом сообщении было, прежде всего, требование относительно Финляндии. Фюрер, как известно, уже говорил Молотову, что он не желает, чтобы после зимней кампании 1939–1940 годов на Севере опять вспыхнула война. Однако претензии на Финляндию снова были заявлены, и мы предполагали, что это будет означать полную оккупацию Финляндии. Это советское требование было трудновыполнимо, так как ранее уже было отвергнуто фюрером.

Другое требование русских касалось Балкан и Болгарии. Москва, как известно, желала наладить отношения с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы обсуждали данный вопрос, не хотело этого. Кроме того, советское проникновение на Балканы было как для фюрера, так и для Муссолини нежелательным из-за наших экономических интересов

там: зерно, нефть, и так далее. Но прежде всего это было желание самого болгарского правительства, которое противилось советскому проникновению.

В-третьих, имело место требование русских выходов в Средиземное море и получения военных баз на Дарданеллах. И, наконец, вопрос, который Молотов уже обсуждал со мной в Берлине: СССР заинтересован в выходах из Балтийского моря. Сам Молотов заявил, что Советский Союз заинтересован в беспрепятственном проходе своих судов через проливы Скагеррак и Каттегат.

Тогда я обсуждал эти вопросы с фюрером, он сказал, что мы должны будем войти в контакт с Муссолини, поскольку он был заинтересованной стороной в некоторых из них. Но притязания на Балканы и Дарданеллы не были встречены Муссолини с одобрением. Как я уже говорил, Болгария также была обеспокоена. Относительно Скандинавии: ни Финляндия, ни фюрер не хотели удовлетворять претензии Советского Союза.

Переговоры продолжались в течение многих месяцев. Я вспоминаю, что по получении телеграммы из Москвы в декабре 1940 у меня была еще одна продолжительная беседа с Гитлером. Я высказал идею, что, если бы мы нашли компромисс между требованиями Москвы и интересами других сторон, советско-германо-итальянская коалиция могла быть сформирована, и она была бы настолько сильна, что в конечном счете побудила бы Англию к заключению мира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К чему это Вы говорите? Каков был вопрос?

ЗАЙДЛЬ: В основном он уже ответил на вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: доктор Зайдль, если он ответил на вопрос, Вы должны прервать свидетеля.

<...>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде, чем Вы сядете, доктор Зайдль, я хочу спросить: Вы зачитали показания Гаусса, дабы свидетель мог подтвердить их? Я верно понял?

ЗАЙДЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не зачитывали параграф 4 этого аффидевита, не так ли?

ЗАЙДЛЬ: Я прочитал только параграф 3. Я не читал остальные параграфы, чтобы сэкономить время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответ на мой вопрос был «да». Конец параграфа 4 заканчивается таким образом: «Министр иностранных дел Рейха составил текст [секретного протокола] в такой манере, что он представлял вооруженный конфликт Германии с Польшей не как вопрос, уже окончательно решенный, но лишь как вероятность. Советская сторона не желала применять формулировки, которые бы трактовались как одобрение или поддержка такого развития событий. Скорее советские представители ограничили себя в этом отношении, приняв во внимание объяснения германской стороны». Это верно?

ЗАЙДЛЬ: Это правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю свидетеля. Это правильно?

РИББЕНТРОП: Я могу сказать следующее. Когда я прибыл в Москву, окончательное решение еще не было достигнуто фюрером...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, разве Вы не могли ответить на вопрос прямо? Я спросил Вас, были ли показания Гаусса верными или нет. Вы можете изложить свое мнение после.

РИББЕНТРОП: Показания не совсем верны, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь Вы можете объяснить.

РИББЕНТРОП: Они не верны, поскольку в тот момент решение о нападении на Польшу еще не было принято фюрером. Однако, без сомнения, возможность такого конфликта стала совершенно очевидной во время обсуждений в Москве.

<...>

ЗАЙДЛЬ: Господин президент, я могу кратко дополнить кое-что в этой связи? Свидетель Гаусс присутствовал только на второй встрече [23 августа 1939 г.]. Он не был на встрече, которая имела место ранее между свидетелем Риббентропом с одной стороны и Молотовым и Сталиным с другой. На этих встречах присутствовал только консультант посольства Хильгер, и я прошу чтобы Трибунал в виду важности этого пункта вызвал свидетеля Хильгера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, как известно, Вы можете подать любое ходатайство в письменной форме для того, чтобы вызвать любого свидетеля, какого пожелаете. Так же могу сказать, если обвинение не против перекрестного допроса свидетеля Гаусса, его можно осуществить.

ЗАЙДЛЬ: Тогда я хотел бы внести как приложение № 16 Hess, affidavit доктора Гаусса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, конечно.

Что нового сказал Риббентроп? Ничего. Про Финляндию Риббентроп брешет так нагло, что это уже ни в какие ворота не лезет. Из его слов можно сделать вывод, что Молотов только затем и ездил в Берлин, чтобы выклянчить у Гитлера патент на Финляндию. Ту самую Финляндию, которую он вроде бы уже выторговал в августе 1939 г. Врет об этом Риббентроп только потому, что он, как и все германское руководство в целом, совершенно неадекватно воспринял результаты советско-финской войны. Причиной войны стало вовсе не желание Сталина распространить свою власть на всю территорию бывшей Российской империи, хотя и такой благоприятный вариант развития событий в Кремле не исключали. Истинной же причиной войны... было желание англичан отрезать Германию от источников сырья, прежде всего железных и никелевых руд, которые она получала от нейтральных Швеции и Финляндии. О важности этих поставок для немцев свидетельствуют такие цифры: только в 1943 году из добытых 10,8 млн. т железной Руды в Германию из Швеции было отправлено 10,3 млн. т.

Коммуникации снабжения проходили через Балтийское море, а зимой через незамерзающее Северное море. Зимой поставки осуществлялись через норвежский порт Нарвик, связанный железной дорогой со Швецией. Англичанам нужен был благовидный повод для захвата нейтральной Норвегии, и таким поводом могло стать оказание помощи Финляндии в защите от кровожадных большевиков. Но для этого Лондону нужна была советско-финская война. Англичане убедили финнов, что если те спровоцируют войну, они окажут Финляндии самую широкую поддержку и атакуют Советский Союз на Кавказе и на Севере. Финнам же в качестве награды был обещан Кольский полуостров, Карелия и граница по Неве и линии Беломоро-Балтийского канала. Именно поэтому финское правительство объявило войну СССР, имея планы наступления на Мурманск и Петрозаводск. Нет, они не сошли с ума, просто поверили англичанам, забыв, что те являются чемпионами мира по обману своих союзников.

Поводом к вооруженному конфликту послужила дерзкая наглость, с которой финны отвергли абсолютно все, даже не требования, а просьбы советского правительства по аренде финской территории для нужд обороны Ленинграда с моря и очень незначительному переносу границы на Карельском перешейке в обмен на передачу Финляндии куда больших территорий восточнее Ладоги. Предложения СССР даже финский главнокомандующий Маннергейм охарактеризовал как разумные и очень умеренные, но политическое руководство Финляндии пребывало в эйфории от обещаний Лондона создать Великую Финляндию, разгромив Советский Союз.

Действительно, с началом военных действий британцы начали сколачивать экспедиционный корпус, который весной планировалось перебросить морем в... норвежский Нарвик. А куда же ещё? Ведь в Балтику англичан не пустили бы немцы, а финский порт Петсамо

(Печенга) на Белом море в первые же дни войны оказался захваченным Красной Армией. Высадившись в Нарвике, англичане никуда бы не пошли, зато ни один сухогруз с рудой в Германию оттуда бы уже не вышел. Собственно тех сил, которые собрали англичане якобы для помощи финнам, как раз и хватило бы лишь для захвата и удержания Нарвика. Финнам путем колоссального напряжения всех сил удалось остановить первое декабрьское наступление советских войск, однако генеральный штурм линии Маннергейма в феврале 1940 г. не оставил им ни малейшего шанса. Финская армия была выбита с укрепленных позиций, путь на Хельсинки был открыт. Если бы Сталин захотел полностью оккупировать Финляндию, он мог беспрепятственно это сделать. У него даже было заготовлено на сей случай карманное финское правительство во главе со старым большевиком Куусиненом. Но финны запросили мира и, еще раз повторю, удовлетворили все советские требования, которые, естественно, уже предполагали не обмен территориями, а аннексию их в пользу СССР.

Современные историки пытаются объяснить умеренность требований Москвы страхом перед англичанами и якобы обескуражившим Сталина упорством финского сопротивления, но если им чего-то и не хватает, так это убедительности. Реально Англия не могла оказать военной помощи финнам, не оккупировав предварительно нейтральные Норвегию и Швецию. А уж от стойкости финских войск к марту 1940 г. остались одни воспоминания. Да, сравнивать их с поляками нельзя, но и реальной силы они после прорыва Красной Армией линии Маннергейма уже не представляли. Сам факт, что Кремль охотно принял предложение Хельсинки о начале мирных переговоров, указывает на то, что в планы Сталина в 1940 г. не входила оккупация и советизация Финляндии. В противном случае надо было потянуть с ответом еще с пяток дней, пока советские танки не войдут в финскую столицу. А там уже можно было просто объявить свою волю побежденному.

Однако Риббентроп, не будучи осведомленным ни о кознях англичан, ни о реальном положении на советско-финском фронте, пытается представить дело так, будто СССР потерпел поражение в Зимней войне, и в ноябре 1940 г. жаждал реванша. Да, в Германии результат войны ошибочно оценили как поражение, исходя из того, что целью Сталина была оккупация и советизация Финляндии. Базируясь на этой ошибочной установке, Гитлер провозгласил свой знаменитый тезис о колоссе на глиняных ногах. Риббентроп же, будучи фигурой не вполне самостоятельной, находился под сильным влиянием фюрера, и волей-неволей смотрел на мир сквозь призму заблуждений своего шефа. Поэтому он и рассказывает сказки о том, что Молотов выторговывал в Берлине Финляндию, пытаясь доказать этим агрессивный характер советских устремлений. Все известные на сегодняшний день свидетельства о переговорах Молотова в Берлине полностью опровергают брехню Риббентропа. Я имею в виду, разумеется, достоверные источники, ибо в обороте находится немало фальшивок о той встрече.

Очень сомнительно утверждение бывшего рейхсминистра о том, что раздел сфер влияния на Балканах не состоялся из-за того, что этому воспротивился Муссолини, с которым официальный Берлин считал нужным проконсультироваться. Вообще-то с Муссолини Гитлер не советовался и по куда более важным вопросам. Совершенной неожиданностью для Рима оказался и аншлюс Австрии, и атака на Польшу. Муссолини в отместку решил сделать для Гитлера сюрпризом вторжение в Албанию, закончившееся провалом. Спасая своего незадачливого союзника, Германия была вынуждена атаковать в 1941 г. Грецию. Так с какой стати германское правительство будет раскрывать Муссолини суть секретных(!) переговоров с Москвой, касающиеся весьма далекой от Италии Болгарии (ставшей фактически вассалом Германии) или вопрос о базе советских ВМС на Дарданеллах?

Последнее вообще выглядит более чем сомнительно. Дарданеллы находятся в Турции, и было бы логичнее, если переговоры об аренде там военных баз Москва будет вести с Турцией, а не с Германией. С Турцией у СССР были относительно спокойные отношения,

известны случаи, когда германский МИД просил Москву повлиять на турок в определенных вопросах (например, о непропуске британских военных кораблей в Черное море для усиления британского влияния в Румынии). С другой стороны, Дарданелльский пролив разделяет Мраморное и Эгейское моря, и база для советского флота там нужна лишь в том случае, если СССР будет контролировать Босфор, связующий Черное море с Мраморным. Но о Босфоре Риббентроп как раз ничего не сказал. Где логика? Или Риббентроп не знал географию на уровне школьного курса?

И уж совершенно очевидно, что Риббентроп брешет о том, что 23 августа 1939 г. к «секретному протоколу» была приложена некая карта с обозначенной на ней линией раздела Польши. Дело даже не в том, что эту карту никто до сих пор не видел. Вспомним, что по официальной легенде изначально линия раздела была проведена по Висле и Нареву (Буг при этом позабыли). Лишь через несколько дней дипломаты якобы спохватились, что на севере Польши осталась брешь, и уточнили линию по реке Писсе. Если бы Молотов и Риббентроп сразу воспользовались картой, то у них никак не получилось бы разделить Польшу по Нареву. Тут уж волей-неволей пришлось бы как-то довести разграничительную линию до рубежей Восточной Пруссии. Итак, совершенно очевидно, что карта к секретному соглашению не могла быть приложена, но Риббентроп заявляет обратное. Все это происходит лишь потому, что заранее нельзя согласовать все детали. В своих показаниях Гаусс говорит, что не помнит, была ли отмечена линия на карте, но Зайдль зачем-то о ней заикнулся. Что в этом случае говорить Риббентропу? Вот он и начинает импровизировать. Риббентроп врет, и чем больше говорит, тем больше в его словах путаницы и противоречий. Это указывает на то, что его показания являются вторичными по отношению к affidavitу Гаусса, хотя, казалось бы, бывший рейхсминистр иностранных дел должен быть куда более компетентным в том, что касается секретных переговоров в Москве, нежели его подчиненный, присутствовавший лишь в момент подписания договора.

И вот, наконец, последнее слово Риббентропа, произнесенное им 31 сентября 1946 г. перед оглашением приговора. Терять ему абсолютно нечего, зато имеется последняя возможность откровенно рассказать о «преступном сговоре» со Сталиным и «секретных протоколах». Однако о каких-либо протоколах он не говорит, ограничивая свое оправдание следующими словами: *«Когда я встречался с маршалом Сталиным в Москве в 1939 году, он не обсуждал со мной возможность мирного урегулирования немецко-польского конфликта в рамках пакта Келлога – Бриана; а скорее он намекнул, что, если в дополнение к половине Польши и балтийским странам он не получит Литву и гавань Либаву, я могу тотчас возвращаться домой. В 1939 году проведение войны еще не расценивалось им как преступление против мира, иначе я не могу объяснить телеграмму Сталина в конце польской кампании, в которой указывается: «Дружба Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, которую они пролили вместе, имеет все основания быть длительной и прочной» (том XXII).*

Сравним этот текст с тем, что был опубликован в статье Зори и Лебедевой «1939 год в нюрнбергском досье» в журнале «Международная жизнь» (№ 9, 1989 г.) и цитируется Михаилом Семирягой в книге «Тайны сталинской дипломатии»:

«Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылетать назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...». Кстати, этот абзац не вошел в семитомное русское издание материалов Нюрнбергского процесса».

Легко заметить, что журнальный текст сильно искажает слова Риббентропа. Из оригинального текста следует, что Сталин потребовал Литву и гавань Либава В ДОПОЛНЕНИЕ к половине Польши, а не «половину Польши и прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либава». Получается, что у Зори и Лебедевой Сталин еще не требует Литву, поскольку речь идет об августовской встрече, а Риббентроп утверждает, что Сталин уже тогда требовал Литву с гаванью Либава. Авторы грубо подгоняют слова Риббентропа под уже известную версию истории, когда сначала Литва была отнесена к германской сфере интересов. Из этого фрагмента следует, что «распил» Восточной Европы был сталинским требованием для заключения договора о ненападении, и если Риббентроп не согласен с этим, то может сразу же лететь восвояси. Таким образом, Сталин предстает в качестве инициатора раздела Восточной Европы.

Сам же Риббентроп говорит о том, что этот диалог состоялся после заключения «секретного протокола», по которому Москва уже получила половину Польши, а теперь требовала Литву и Либава. По логике вещей такой разговор мог иметь место только в сентябре 1939-го, когда рейхсминистр иностранных дел прибыл в Москву для решения вопроса о советско-германской границе. Но при чем здесь тогда урегулирование польско-немецкого конфликта в рамках пакта Келлога – Бриана?

Из всего этого видно, что, во-первых, «историки» легко меняют смысл слов Риббентропа на прямо противоположный, когда это им нужно; во-вторых, что Риббентроп произносит абсолютно бессмысленные слова. Порт Либава (Лиепая) находится в Латвии, а не в Литве – фальсификаторов слишком часто подводит незнание географии. Ни о каком мирном урегулировании германо-польского конфликта во время второго визита Риббентропа в Москву не могло быть и речи, поскольку Польша к тому времени перестала существовать. Если же речь идет о первой встрече 23 августа 1939 г., то на ней не мог быть поднят вопрос о Литве, как о *дополнительном* требовании, поскольку пресловутые сферы интересов еще вообще не были к тому времени поделены.

Вот эти-то противоречия и были устранены публикаторами «Международной жизни» путем полного искажения смысла слов Риббентропа. Как они это сделали? Очень изящным образом: стенограмму процесса Зоря и Лебедева всегда цитируют по советским архивным документам, и лишь последнее слово Риббентропа – по авторскому сочинению – художественно-публицистической книге Зайдля «Падение Рудольфа Гесса» («Der Fafi Rudolf Hess. 1941–1987»). Семиряга же вообще умалчивает о первоисточнике. Вот таким незамысловатым способом любую ложь можно выдать за «научную истину», а потом превратить эту «истину» в общеизвестную.

Есть все основания полагать, что исходные высказывания Риббентропа либо были переверканы еще во время суда и в таком виде попали в стенограмму процесса на английском языке, либо этот фрагмент был полностью сфабрикован уже после его смерти, когда американцы издавали материалы Трибунала. В противном случае трудно понять, почему Риббентроп путается в датах, географии и утверждает, что говорил в 1939 г. с маршалом Сталиным, хотя это воинское звание советский вождь получил лишь в 1944 г. «Маршал Сталин» – так стало принято официально именовать Иосифа Виссарионовича в конце войны у западных союзников, но не среди руководителей Третьего рейха. В материалах Нюрнбергского процесса на английском языке лишь Риббентроп из всех обвиняемых почему-то неоднократно называет советского вождя Marshal Stalin. Причем именно в тех случаях, когда дело касается «секретных протоколов». Ну не смешно ли?

Трудно обойти вниманием и так называемые мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой», доработанные и изданные его вдовой после смерти «автора». Я ставлю авторство Риббентропа под сомнение, потому что в них очень много ошибок, недопустимых для профессионального дипломата, да и написаны они как-то сухо, бесцветно, в них прак-

тически отсутствует авторская субъективность, почти не обозначается личная оценка автора тех эпохальных событий, участником которых он являлся. Складывается впечатление, что текст написан на основе показаний Риббентропа, данных на следствии и суде, но сторонним человеком.

Риббентроп в своих мемуарах пишет:

«В самолёте я прежде всего вместе с Гауссом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили».

Это очевидная ложь, свои проекты подготовили обе стороны, и окончательный вариант был как раз утвержден на основе советского варианта. Рейхсминистр не мог не знать этого, но у того баснописца, что сочинял от его имени мемуары, в голове могла возникнуть путаница между самим договором и «секретными протоколами», что на Западе стали обозначать одним словом «пакт». Поскольку в показаниях Гаусса говорится о том, что текст «секретного протокола» был разработан германской стороной, эта установка и была зафиксирована в мемуарах Риббентропа.

Далее он пишет, что германская делегация прибыла в московский аэропорт между 16 и 17 часами, в то время как в действительное время прибытия – 13 часов. По мемуарам Риббентропа следует, что на встречу в Кремле он был приглашен к 18 часам (при этом рейхсминистр успел прибыть в здание бывшего австрийского посольства, отобедать там, и имел предварительную беседу с послом Шуленбургом). В действительности же он беседовал со Сталиным уже в 15.30.

О разделе пресловутых сфер интересов Риббентроп пишет настолько путано, что я не в силах понять, например, смысл такой фразы:

«Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности».

Смысл сказанного становится еще более непонятным, если припомнить, что в «секретных протоколах» от 23 августа 1939 г. Польша была поделена на две сферы интересов. Кстати, само понятие «сфера интересов» было настолько нехарактерно для советской дипломатии, впрочем, как и германской, что оно нуждалось, как минимум, в подробном разъяснении.

Но вместо объяснения Риббентроп лишь множит путаницу, рассуждая о том, что тогда же сторонами была установлена демаркационная линия по рекам Висла, Буг и Сан (а где Нарев? – А.К.). Но, как известно, переговоры о демаркационной линии начались в Москве в ночь с 19 на 20 сентября, и Риббентроп не принимал в них участия, поскольку они велись военными представителями Германии и СССР. Спрашивается, могли реальный участник переговоров допустить такую чудовищную путаницу? Вроде бы Риббентроп амнезией или старческим маразмом не страдал. Для домохозяйки, вероятно, и нет особой разницы между демаркационной линией и границей сферы интересов, но дипломаты никогда не смешивают эти понятия.

И уж совсем ни в какие ворота не лезет его утверждение, будто текст договора о ненападении он разрабатывал вместе с Гауссом, уже сидя в самолете, в то время как советская сторона, предложившая эту идею, вообще никакого проекта не имела. То же самое касается и «секретного протокола»: если верить выступлению Риббентропа на суде в изложении

Зайдя, инициатором раздела сфер интересов выступил Сталин, но текст составлял не инициатор предложения, а германская сторона, да еще заранее. Да и сам «секретный дополнительный протокол» автор мемуаров почему-то упорно именуется «секретным договором», из-за чего в русском издании книги присутствуют примечания переводчика, поправляющего автора. Весьма любопытно, как Риббентроп объясняет секретность дополнительного протокола: якобы его засекретили потому, что он нарушал... советско-французские договоренности 1936 г. Бред какой-то!

Всего на трех страничках текста я насчитал более полутора десятков сомнительных мест, сигнализирующих о том, что перед нами, скорее всего, не оригинальное авторское повествование, а довольно неуклюже скомпилированный текст, причем лицом, не имеющим отношения к описываемым событиям. Что же касается описания второго визита Риббентропа в Москву в сентябре 1939 г., то уже с первых строк чувствуется душок низкопробной беллетристики. Риббентроп пишет о том, что ему в Кремль звонил... сам Гитлер и «заявил – явно не с легким сердцем, – что согласен включить Литву в сферу советских интересов». Уж не знаю, что такого дорого для сердца фюрера было в Литве, но его звонок в кабинет Сталина – очевиднейшая ложь. Вероятно, у сочинителей риббентроповских мемуаров засел в памяти аффидевит Гаусса, где он невнятно упоминает некий разговор по телефону (без четкого указания на место, где он происходил), но речь тогда шла об августовской встрече. Что же касается Литвы, то по официальной версии, подкрепленной фальшивыми документами (например, запись беседы Шуленбурга с Молотовым от 25 сентября 1939 г.), Советская сторона высказала свои пожелания как минимум за два дня до визита рейхсминистра в Москву, и потому обсуждать этот вопрос по телефону из Кремля не было никакой надобности. Кстати, сам Риббентроп в показаниях на суде ничего о телефонных разговорах с Гитлером не говорил. Фальсификаторов в очередной раз подводит несогласованность в очень существенных деталях.

Вот ещё одна цитата:

«Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что советские войска вступят в их страны».

Эта фраза прекрасно демонстрирует, что так называемые воспоминания Риббентропа подложны если и не полностью, то частично. Почему эти слова попали в книгу воспоминаний? Фальсификаторы знали, что 28 сентября в Кремле был подписан договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией. Поэтому авторы воспоминаний Риббентропа и предположили, что немецкая и эстонская делегации могли столкнуться нос к носу. Первая германо-советская встреча в Кремле состоялась в 22:00, когда эстонская делегация уже находилась в своем посольстве (ровно в это же время там проходило совещание, на котором обсуждались советские предложения). На следующий день Риббентроп обедал в Кремле, а переговоры начались в полночь, в 5 часов утра 29 сентября был подписан договор о дружбе и границе. Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией был подписан несколько ранее – поздно вечером 28 сентября. Так что встреча эстонцев с немцами в Кремле маловероятна.

Но почему Риббентроп пишет о «прибалтийских министрах» во множественном числе? В составе эстонской делегации находился министр иностранных дел Сельтер в сопровождении председателя Государственной думы Улуотса и члена думы Пийпа. Однако в госдеповском сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» опубликована найденная в бумагах помощника статс-секретаря Андора Генке запись хронологии визита

Риббентропа в Москву 27–29 сентября 1939 г. О втором дне пребывания в советской столице сообщается следующее:

«28 сентября 1939 г.

Возобновление переговоров с 15 до 18.30.

Обед в Кремле.

Один акт балета («Лебединое озеро»); Сталин тем временем ведет переговоры с латышами.

Возобновление переговоров в 24.00. Подписание в 5 утра. Затем прием для делегации у посла до 6.30 утра».

Крайне маловероятно, чтобы Генке спутал эстонцев с латвийцами, поскольку переговоры с Латвией по вопросу заключения договора начались в Москве только 2 октября (3 октября состоялся первый раунд советско-литовских переговоров). Но такая ошибка легко могла возникнуть в том случае, если бы документы фабриковались несколько лет спустя при подготовке к печати указанного сборника документов. А при составлении мемуаров Риббентропа авторы уже пользовались госдеповским сборником, поэтому в их сознании эстонская делегация благодаря этой ошибке как бы раздвоилась, превратившись в объединенную делегацию прибалтийских министров. Кстати, ошибка о переговорах с латвийцами перекочевала из мемуаров Риббентропа в сочинения многих западных авторов. Обнаружил ее я и в такой известнейшей книге, как «Взлет и падение Третьего рейха» Уильяма Ширера.

Германия никогда не считала, что СССР оккупировал Прибалтику, но если уж Риббентроп говорит об оккупации, то почему он датирует ее осенью 1939 г., когда сами прибалты считают, будто подверглись оккупации летом следующего года? Да и о том, что Советский Союз желает разместить на эстонской территории свои военные базы, Молотов проинформировал Сельтера еще 24 сентября, следовательно, этим никак нельзя объяснить усмотренную Риббентропом бледность на лицах «прибалтийских министров». В общем, приходится констатировать, что мемуары Риббентропа «Между Лондоном и Москвой» никоим образом не могут рассматриваться в качестве надежного источника по вопросам «секретных протоколов» из-за колоссального количества противоречий, ошибок и неточностей. Наоборот, фальсификация данного сочинения является еще одним доказательством подложности самих «секретных протоколов» Молотова – Риббентропа.

Вайцзеккер

Продолжим изучение стенограммы Нюрнбергского трибунала. Обратимся к допросу 21 мая 1946 г. свидетеля Эрнста фон Вайцзеккера, статс-секретаря министерства иностранных дел Германии, то есть первого заместителя Риббентропа в 1939 г. Вайцзеккер происходил из дворянской семьи, отец Эрнста до объединения Германии был премьер-министром королевства Вюртемберг. В 1900 г. будущий дипломат стал офицером военно-морских сил кайзеровской Германии, в 1917 г. награжден Железным крестом. В 1920 г. Эрнст фон Вайцзеккер начал работать в министерстве иностранных дел. В 1938 вступил в НСДАП, а также в СС, получив назначение на должность статс-секретаря в министерство иностранных дел, участвовал в заключении Мюнхенского соглашения. В 1943–1945 гг. состоял послом Германии при Папском престоле. В 1947 г. Вайцзеккер был арестован в связи с делом против бывших имперских министров и обвинен в участии в массовых депортациях французских евреев. Несмотря на то, что вина его не была доказана (в общепринятом смысле этого слова), суд приговорил его к семи годам заключения. Но провёл в тюрьме Вайцзеккер лишь пять лет, будучи освобождённым досрочно. Обратимся к стенограмме Трибунала от 21 мая 1946 г. (том XIV).

ЗАЙДЛЬ: Свидетель, пожалуйста, опишите содержание [секретного] соглашения, насколько вы можете вспомнить его.

ВАЙЦЗЕККЕР: Речь идет об имевшем далеко идущие последствия секретном приложении к пакту о ненападении, заключенному тогда же. Этот документ касался широкого спектра вопросов, так как определял разграничение сфер влияния и повлек установления границ между областями, которые, отходили сфере Советской России и теми, которые попадали в сферу интересов Германии. Финляндия, Эстония, Латвия, Восточная Польша и, насколько я могу помнить, определенные области Румынии, включались в сферу интересов Советского Союза. Всё, что находится к западу от этой линии, попадало в немецкую сферу интересов. Это секретное соглашение в дальнейшем было уточнено. Позже, или в сентябре или октябре того же года в него были внесены определённые изменения. Насколько я могу вспомнить, существенное изменение заключалось в том, что Литва, или как минимум, большая часть Литвы, переходила в сферу интереса Советского Союза, в то время как на польской территории линия установления границ между двумя сферами интереса очень значительно смещалась на запад.

Я полагаю, что передал вам суть секретного соглашения и последующего приложения к нему.

ЗАЙДЛЬ: Действительно ли последующее территориальное переустройство польского государства произошло в соответствии с демаркационной линией?

ВАЙЦЗЕККЕР: Я не могу сказать вам точно, содержалось ли выражение «линия установления границ» в этом протоколе или то была «линия разделения сфер интересов» с указанием срока действия соглашения.

ЗАЙДЛЬ: Но линия была проведена.

ВАЙЦЗЕККЕР: Я припоминаю, что этой линии, когда соглашение вступило в силу как правило, придерживалась с возможными небольшими отклонениями.

ЗАЙДЛЬ: Вы можете вспомнить – это мой последний вопрос – секретное приложение от 23 августа 1939 содержало соглашение о будущей судьбе Польши?

ВАЙЦЗЕККЕР: Это секретное соглашение содержало в себе план полного переустройства судьбы Польши. Возможно, оно предусматривалось соглашением в неявной форме. Я, однако, не могу утверждать относительно точности формулировки.

ЗАЙДЛЬ: Ваша честь, у меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Свидетель, Вы видели оригинал секретного соглашения?

ВАЙЦЕККЕР: Я видел фотокопию оригинала, возможно, оригинал тоже. В любом случае в моем распоряжении была фотокопия. Она хранилась в моем личном сейфе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы признали бы копию, если бы ее показали вам?

ВАЙЦЕККЕР: О да, я думаю так.

Судья объявил перерыв, и после непродолжительного совещания вынес решение не предъявлять свидетелю документ, как не заслуживающий доверия. Итак, какие выводы можно сделать, ознакомившись с этим фрагментом стенограммы судебного заседания:

1. Вайцеккер не видел оригинал «секретного соглашения». По крайней мере, он не помнит этого (что-то слишком часто немецких дипломатов подводит память, когда речь заходит о тайной сделке с Молотовым).

2. Он неверно передает содержание документа, утверждая, что в нем в явной или неявной форме предусматривалось изменение судьбы Польши. В известном нам тексте «секретного протокола» от 23 августа 1939 о «территориально-политическом переустройстве» Польши речь идет исключительно в гипотетическом ключе.

3. Вайцеккер утверждает, что первоначальное соглашение о разделе сфер интересов соблюдалось с небольшими изменениями, в то время как на самом деле германские войска заняли территории далеко к востоку от Вислы. Если же он имеет в виду несекретный договор о дружбе и границе, то непонятно, почему он его упоминает в связи с «секретными соглашениями».

4. В сентябре 1939 г. во время московских переговоров ни о каком «смещении на запад» линии разграничения интересов на территории Польши речи не шло, ибо тогда был подписан договор о границе между странами. К тому же, если линия куда-то и смещалась, то именно на восток. Впрочем, эта ошибка могло произойти из-за оговорки свидетеля, ошибки переводчика или стенографиста.

5. В МИД Германии не существовало практики фотокопирования секретных документов и хранения фотокопий их в личных сейфах сотрудников. Так что слово «фотокопия» всплыло в речи Вайцеккера, надо полагать, лишь для того, чтобы как-то легитимировать фотокопии, подброшенные Зайдлю. Или это была классическая оговорка по Фрейду.

6. Заместитель Риббентропа не сказал абсолютно ничего сверх того, что уже было известно из фотокопий «секретных протоколов», представленных Зайдлем, аффидевита Гаусса и показаний Риббентропа. Наоборот, он кое-что переврал, что вполне объяснимо – все лжесвидетели не могут брехать абсолютно одинаково. Так же как Гаусс и Риббентроп, Вайцеккер уклоняется от описания подробностей, говорит очень обтекаемо и ссылается на плохую память.

Изучив материалы Нюрнбергского процесса, мы приходим к однозначному выводу: вброс «секретных протоколов» – это пропагандистская акция американских спецслужб. Точнее, лишь первый ее этап. Даже на Нюрнбергском процессе, где тон задавали англо-американцы, судья Лоуренс отказался приобщить фотокопии секретных протоколов к делу. Никаких доказательств их подлинности защита не представила, основываясь лишь на письменных показаниях доктора Гаусса. Сам Риббентроп мог бы подтвердить аутентичность этих протоколов, мог бы поведать о том, что он дал указание микрофильмировать в 1944 г. документы, однако он об этом даже не заикнулся. И Зайдль его об этом почему-то не спрашивал.

Впечатление складывается такое, что фальсификаторы очень боялись поднимать вопрос о «секретных протоколах» всерьез, так как если бы Москва почувствовала угрозу, то ответила бы эффектно и разгромно. Например, как в случае со свидетелем Паулюсом,

германским фельдмаршалом, взятым в плен в Сталинграде, которого считали мертвым, а он вдруг воскрес на процессе в качестве свидетеля обвинения от СССР, чем произвел настоящий фурор. То есть если бы вопрос о «секретных протоколах» действительно затронул в 1946 г. престиж Советского Союза, то Руденко мог бы предъявить советские оригиналы договора от 23 августа и потребовать провести анализ на предмет аутентичности с филькиными грамотами фон Леша.

Потому-то тема секретных протоколов муссировалась как-то воровато-испуганно, а фотокопии так и не были приобщены к делу. Когда впервые всплыл этот вопрос, ни судья Лоуренс, ни советская сторона долго не понимали, о чем вообще идет речь. В дальнейшем советские представители воспринимали навязчивое желание Зайдля поговорить о протоколах исключительно как попытку затянуть процесс и серьезно не воспринимали, ограничиваясь устными протестами. И это не смотря на то, что ход процесса отслеживал лично Сталин, а непосредственное руководство советским представительством из Москвы осуществлял Вышинский, опытный дипломат.

На процессе были аккредитованы сотни журналистов со всего мира, поскольку процесс был открытым, но о сенсационных «секретных протоколах», об откровениях Риббентропа и Гаусса не написала ни одна газета кроме «St. Louis Post-Dispatch»! А ведь в это время уже шла холодная война, и западная пресса писала всякую чушь вплоть до того, что кровавые русские собираются убить всех обвиняемых ещё до вынесения приговора.

Эпатажное поведение Зайдля имеет какое-то объяснение лишь в том случае, если его целью было привлечь внимание прессы. Но это, как видим, ему не удалось. Поэтому введение «секретных протоколов» в пропагандистский оборот было осуществлено американцами только со второго захода путем издания Госдепом в 1948 г. сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941».

Павлов

Почему-то никому из историков не пришло в голову побеседовать со свидетелем, а точнее, участником московских переговоров – переводчиком Молотова и Сталина Владимиром Николаевичем Павловым. Лишь писатель Владимир Карпов, известный своей страстью к жареным фактам и сомнительным сенсациям, в своей книге «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» повествует о поистине детективной истории:

«А теперь я расскажу о дополнительных сведениях, на мой взгляд, тоже убедительно подтверждающих существование протокола. Я удивляюсь, как не пришло в голову никому из членов комиссии воспользоваться таким достоверным источником.

Просматривая свои материалы о тех далеких днях, перечитывая текст договора, вглядываясь в подписи под ним, рассматривая фотографии Нюрнбергского процесса, я размышлял о том, что участники тех событий – Сталин, Гитлер, Молотов, Риббентроп, Геринг, Гесс и другие – сошли с исторической сцены, никто уже не может рассказать, что и как тогда произошло. И вдруг я вспомнил – еще жив один человек, который нередко бывал рядом со всеми этими деятелями, не только слышал их разговоры, но и помогал объясниться, – это переводчик Павлов Владимир Николаевич.

Бросив все дела, я немедленно стал добывать телефон и адрес Павлова. Именно добывать – в Москве найти нужного человека не так просто.

И вот я у Павлова. Меня встретила его жена – общительная и, сразу видно, властная дама. Она тут же предупреждает, что Владимир Николаевич не дает интервью, не пишет мемуаров, а со мной будет беседовать из уважения, которое испытывает ко мне как писателю. Маленький магнитофон, который я хотел использовать как записную книжку, она взяла и вынесла в прихожую.

– Будем говорить без этого.

В гостиную вошёл Владимир Николаевич, непохожий на того, каким я видел его на многих фотографиях: там он небольшого роста, худенький и, я бы сказал, не выделяющийся, всегда сбоку или позади тех, кому помогает вести разговор. Теперь он пополнил, блондин от природы, стал совсем светлый, даже не седой, а какой-то выцветший. Ему за восемьдесят, не очень здоров, но память светлая, видимо, по профессиональной привычке не берет на себя инициативу разговора, а лишь отвечает на вопросы. Ему бойко помогает супруга.

Для знакомства я попросил Владимира Николаевича коротко рассказать о себе.

– Я никогда не собирался быть переводчиком, окончил энергетический институт, занялся научной работой, хотел увеличить прочность лопастей турбин. А языками увлекался для себя. Как сегодня говорят, это было хобби. Нравилось и легко давалось. Видно, от природы мне это было отпущено, свободно владел немецким, английским, а позднее французским и испанским. И вот в 1939 году меня вызывают в ЦКВКП(б). Представляете? Я всего кандидат в члены партии. В ЦК со мной беседовали два человека на немецком языке в присутствии какого-то работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как я знаю язык. И выяснили, сказав: «Он знает немецкий лучше нас». Тут же мне было сказано, чтобы я ехал в Наркоминдел к товарищу Молотову. Его только что назначили наркомом вместо Литвинова, и он обновлял аппарат.

Всё это было как во сне, я не хотел быть дипломатом, мне было 24 года, все мои мысли были в науке. Я об этом честно сказал Молотову на первой же беседе. Но он коротко и четко отрезал:

– Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее.

Так я стал помощником наркома иностранных дел СССР. Я переводил на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом. Был с Молотовым на его встречах с Гитлером, был заведующим Центральным европейским отделом наркомата. Работал как переводчик на всех конференциях в годы войны – Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской. С 1974 года на пенсии в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла.

– Расскажите подробнее о подписании договора о ненападении с Германией.

– Да, я тогда переводил разговор Сталина, Риббентропа и Молотова.

– В наши дни много пишут и говорят о секретном дополнении к договору – протоколе. Даже в докладе Яковлева Съезду народных депутатов, после изложения всех косвенных доказательств о существовании протокола, всё же сказано – подлинников нет. Если вы были при подписании договора и этого секретного приложения, то на сегодня вы единственный живой свидетель происходившего в тот день – 23 августа 1939 года. Скажите четко и прямо: был ли секретный протокол?

– Да, был. И еще добавлю такую подробность, в которую сегодня вообще трудно поверить. Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны.

– Это действительно очень неожиданно слышать.

– Ничего удивительного. Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина. Гитлеру нужен был спокойный тыл. Он очень спешил с подписанием договора. Оставалось несколько дней до нападения на Польшу, а позднее на Францию. Не допустить открытия фронта на востоке, обеспечить тыл было заветной мечтой Гитлера. Риббентроп привёз только текст основного договора, Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору не обходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего ни где публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия: Прибалтийские республики и Финляндия станут сферой влияния Советского Союза. Кроме того, Сталин заявил о нашей заинтересованности в возвращении Бессарабии и объединении украинских и белорусских западных областей с основными территориями этих республик.

Риббентроп растерялся от таких неожиданных проблем, сказал, что не может их решить сам, и попросил разрешения позвонить фюреру. Получив такое разрешение, он из кабинета Сталина связался с Гитлером и изложил ему пожелания Сталина. Фюрер уполномочил Риббентропа подписать дополнительный протокол. Он и не мог не согласиться. У него войска были сосредоточены – через неделю начнется война, любые обещания он готов дать, понимая, что все они будут нарушены и не выполнены, когда в этом появится необходимость. (Кстати, этот разговор подтверждает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе бывший начальник юридического отдела МИД Германии Фридрих Гаусс: «Рейхсминистр по этим пунктам... заказал разговор по телефону с Гитлером... Гитлер уполномочил Риббентропа одобрить советскую точку зрения». – В.К.)

После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен «Секретный дополнительный протокол». Его отредактировали, отпечатали и подписали.

Всё это я видел своими глазами, слышал и переводил разговор участников переговоров. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено.

Подтверждение рассказа Павлова я нашел в показаниях самого Риббентропа на Нюрнбергском процессе.

Цитата из последнего слова Риббентропа на Нюрнбергском процессе, которую я уже привел в этой главе, на мой взгляд, убедительно подтверждает достоверность рассказа Павлова»²⁷.

Разберём всё по порядку. Найти человека в Москве труда не составит, тем более для бывшего офицера ГРУ, – надо просто обратиться в адресно-справочное бюро. К тому же Карпов, окончив Литературный институт в середине 1950-х годов, с 1962 г. был членом Союза писателей. А Павлов с 1953 г. до середины 1970-х гг. работал главным редактором Издательства литературы на иностранных языках (с 1964 г. – издательство «Прогресс»), так что встречались они в одной профессиональной сфере, и вполне могли знать друг друга. По крайней мере, сам Павлов знал Карпова со слов последнего. Но это не столь важно.

Коснёмся самого разговора. Карпов не зря акцентирует внимание читателя на жене Павлова, Наталье Лупановне: она мол, мегера этакая, не дала записать ценнейшее историческое свидетельство на «магнитофон в качестве записной книжки», выставила его в коридор, да еще и присутствовала при разговоре, помогая отвечать(!) мужу. Интересно мадам Павлова мотивировала и согласие своего мужа дать интервью: мол, никому Владимир Николаевич интервью не дает, а Карпову даст, как писателю. Можно подумать, ранее у него пытались взять интервью читатели.

В общем, Карпов оказался в очень удобном положении: он единственный интервьюировал Павлова, но аудиозаписи беседы нет, и потому никто не сможет уличить его во лжи. Дату встречи с отставным дипломатом Карпов тоже почему-то не приводит, но поскольку, по его словам, Павлову тогда было за 80 лет, то встреча происходила позже 1995 г. Упс! Вот здесь Карпов первый раз прокалывается, поскольку Павлов скончался в 1993 г. в возрасте 78 лет. Карповское сочинение «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» публиковалось в 1991 г. в «Роман-газете», следовательно, описываемая встреча могла состояться, когда Павлову было не более 76 лет.

Почему же Владимир Николаевич, причастный к одной из самых великих тайн минувшего века, никогда не пытался раскрыть подробности кремлевских переговоров 1939 г.? Загадка. Впрочем, теперь кое-кто утверждает, что он предпринимал шаги в этом направлении:

«В 1989-м, когда разразился политический скандал по поводу этого секретного протокола, подлинники текстов которого якобы не были обнаружены, Владимир Николаевич был единственным живым свидетелем данного события и счел нужным написать об этом записку в Министерство иностранных дел СССР. Но ему никто не ответил...»²⁸

Детский лепет, однако. Комиссия Яковлева была создана I Съездом народных депутатов СССР в июне 1989 г. Заседания Съезда транслировались в прямом эфире, вся страна сидела у телевизоров, раскрыв рот (в период трансляций было даже зафиксировано резкое падение производительности труда), стенограммы заседаний печатались в газетах. Но Корягина пытается убедить нас, что Павлов не догадался связаться с членами комиссии Яковлева (это можно легко сделать через депутата своего округа), в конце концов, обратиться к прессе, кипевшей страстями по поводу «секретных протоколов»! Дескать, не пришел ответ из МИДа, ну и черт с ним, до визита Карпова никаких действий Павлов не предпринимает.

Если же обращение Павлова в МИД действительно имело место, то проигнорировано оно могло быть исключительно в одном случае – если его версия в корне отличалась от

²⁷ <http://nmlitera.lib.ru/bio/karpov/10.html>.

²⁸ Независимая газета, http://www.ng.ru/style/2003-03-05/8_stalin.html.

той, которая в тот момент активно навязывалась общественности, в том числе и стараниями высокопоставленных мидовских чиновников. Сам Шеварднадзе являлся сторонником признания «секретных протоколов», и получи он подтверждение их подлинности от участника переговоров 1939 г. – разве бы он стал скрывать это?

Теперь коснемся собственно текста Карпова (язык не поворачивается сказать «слов Павлова»): *«После разговора с Гитлером здесь же, в кабинете Сталина, был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали»*. Совершенно очевидно, что дополнительный протокол не мог быть подписан раньше, чем сам Договор о ненападении, потому-то протокол и назван дополнительным (правда не ясно, дополнительным по отношению к чему, ведь если протокол один, то он не дополняет, а лишь прилагается к договору, что следует из преамбулы к нему). Трехчасовая беседа Риббентропа с Молотовым и Сталиным началась в 15.30. После перерыва переговоры продолжились в 22.00, а церемония подписания пакта состоялась глубокой ночью. Но из карповского текста можно заключить, что протокол был подписан *«здесь же, в кабинете Сталина»* еще до церемонии подписания Договора. Уже одно только это полностью обесценивает все свидетельство. Надо полагать, пишущую машинку с немецким шрифтом Сталин приволок к себе в кабинет заранее.

Про звонок Гитлеру по сталинскому телефону – это вообще нездоровая фантазия. Совершенно очевидно, что раздел Европы по телефону не согласовывают (разве что в голливудских фильмах). Ведь русские могли элементарно записать этот разговор, а при удобном случае использовать в пропаганде. Кстати, другие источники излагают этот эпизод совершенно иначе:

Риббентроп пообещал немедленно запросить Берлин. Сделали перерыв. Риббентроп уехал в германское посольство и в ожидании ответа сел ужинать. Он был в отличном настроении, восхищался Молотовым и Сталиным. Ответ из Берлина не заставил себя ждать. Фюрер просил передать своему министру: «Да. Согласен»²⁹.

Кстати, Гитлер, как уже упоминалось, в тот момент находился не в Берлине, а в своей резиденции в Берхестгадене.

В любом случае текст писателя-биллетриста Карпова ничем не подтверждается, книга «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» – не историческое исследование, а художественно-фантастическое произведение детективного жанра. Принимать карповское свидетельство во внимание нельзя, особенно учитывая внутреннюю противоречивость изложения и неточность (например, Карпов пишет, что Сталин затребовал себе всю Прибалтику, хотя в канонической версии «кремлевского сговора» речь идет лишь о Латвии и Эстонии). Утверждение, приписываемое Павлову, будто, инициатива заключения «секретного протокола» исходила от советской стороны, да еще была высказана непосредственно в ходе переговоров, чем вызвала растерянность Риббентропа, прямо противоречит общепринятой версии мифа, по которой Гитлер, отправляя своего министра в Москву, дал ему добро на передачу в сферу интересов СССР даже черноморских проливов, а проект первого «секретного протокола» был разработан Фридрихом Гауссом в самолете по пути в Москву.

Многие могут возразить: мол, какой интерес Карпову врать? Спросите у него сами, если встретитесь с ним на том свете. Вообще, Карпов достаточно тупой махинатор. Профессиональный фальсификатор всегда следует золотому правилу: подложный документ надо впаривать в комплекте с безупречными, не вызывающими ни малейших сомнений. Карпов

²⁹ Дубровский В. К 65-й годовщине подписания пакта Молотова – Риббентропа // «Капиталист», 2 августа 2004 г.

же, например, свою книжонку «Генералиссимус», в которой воспроизводит эпизод о встрече с Павловым, так наспигивал самыми низкопробными сплетнями, что это способно вызвать недоверие даже к неоспоримым фактам, которые соседствуют с его домыслами. Например, он совершенно серьезно пишет о предложении Сталина Гитлеру заключить сепаратный мир и совместно вести войну против Англии, США и международного еврейства (так в тексте). Мало того, что это клинический бред, так ведь Карпов догадался датировать это предложение не 41-м годом, а 19 февраля 1942 г. С какого перепугу Сталин стал просить мира в момент успешного контрнаступления под Москвой через две недели после того, как он обрел мощного союзника в лице США?

Другая фальшивка, фигурирующая у Карпова, – текст Генерального соглашения между НКВД и гестапо от 11 ноября 1938 г. Несмотря на многочисленные разоблачения этой совершенно неумелой подделки, Карпов упорно приводит ее в новых изданиях своего «Генералиссимуса», правда с небольшими изменениями. А уж когда он дает интервью, то так нагло врет, что просто диву даешься. Например, в интервью «Комсомольской правде» от 21 июня 2007 г.³⁰ он заявил, что, будучи членом ЦК КПСС, ознакомился с личным архивом Сталина, хранящимся в Кремле, где видел сверхсекретные документы, которые он обильно цитирует в своих сочинениях, правда без ссылки на источник. Все бы ничего, да только никакого архива Сталина в Кремле в бытность Карпова членом ЦК не было.

Можно уверенно констатировать: все писатели, пытающиеся доказать факт существования «секретного протокола», врут, и врут настолько грубо, что сами себя разоблачают. К тому же между собой они вранье не согласуют, и потому брешут по-разному. Попытки же привести брехню к общему знаменателю приводит лишь к еще большей брехне, и этот поток лжи нарастает, превращаясь в девятый вал вранья, полувранья, недомолвок и спекуляций, в котором тонут робкие попытки подвергнуть миф о «секретных протоколах» серьезному анализу.

Не отстаёт от беллетриста Карпова и «серьезный историк» Безыменский. Очень «научный» журнал «Новая и новейшая история» (№ 3, 1998 г.) публикует его статью «Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы», где на первый взгляд, весь отсылочный материал оформлен безупречно – более 80 ссылок на научные публикации и архивные документы. Но вот мелькает знакомая нам фамилия Павлова: *«Гаус вспоминал, что у немецкой делегации уже был текст дополнительного секретного протокола. Об этом косвенно свидетельствует и переводчик В.Н. Павлов, который вспоминал, что все переговоры Сталина с Риббентропом начались с того, что генсек выразил несогласие с немецким желанием провести разграничительную линию между «сферами государственных интересов» на Западной Двине. Тогда в немецкой сфере оставались порты Либавы (Лиенай) и Виндава (Вентспилс), которые Сталин хотел сделать советскими военно-морскими базами. На это Риббентрон запрашивал согласие Гитлера и получил его».*

Самое интересное в этом месте – ссылка на источник, откуда он заимствовал воспоминания Павлова, которую дает автор – AD AP. Bd. VI. Dok. 20, 210. Я, конечно, не знаю, какой документ хранится в германском политическом архиве по указанным реквизитам, но уж точно, не воспоминания советского дипломата. В дальнейшем процитированный текст переключался в книжку Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой», где уже нет никаких ссылок на источник. Вообще-то для исторического исследования так называемый научный аппарат – список использованных книг и материалов строго обязателен. И потому Безыменский, объясняя его отсутствие, просит у читателя «кредит доверия»: мол, был в архивах, все цитируемые документы видел своими глазами. Особо дотошных читателей он отсылает к своим журнальным публикациям, где якобы отсылочный материал оформлен по всем прави-

³⁰ <http://www.kp.ru/daily/23921/68943/>

лам. Но описанный выше эпизод отлично демонстрирует, насколько легко «учёный» Безыменский спекулирует (подробности см. в главе «Безыменский»).

Хильгер

Помимо Павлова, на переговорах 23 августа 1939 г. в качестве переводчика с германской стороны участвовал советник посольства Густав Хильгер. Родился он в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и потому отлично владел русским языком. Образование инженера он получил в Германии, после чего вновь вернулся в Россию, где и работал до начала Первой мировой войны, пока не был интернирован. После революции с весны 1918 г. работал в германской комиссии по делам военнопленных и гражданских лиц. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. После нападения Германии на СССР служил в министерстве иностранных дел, занимался вместе с Хервартом и Кестрингом созданием власовской армии.

После войны он благодаря содействию Кеннана и Болена, удивительно быстро оказался в США, где до 1951 г. подвизался в качестве «эксперта по русским делам» в Госдепартаменте и ЦРУ (не будем забывать, что Хильгер был завербован американцами еще в 30-х годах). Поскольку советское правительство добивалось его выдачи, как военного преступника (Хильгер был замешан в депортации евреев и прочих сомнительных делишках), в Америке Хильгер укрывался под псевдонимами Стивен Холкомб и Артур Латтер. В 1953–1956 гг. состоял советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам». По совместительству он в 1950 – 1960-е годы продолжал консультировать и американское правительство.

Густав Хильгер написал мемуары, в частности «Мы и Кремль» («Wir und der Kreml») и «Сталин. Путь СССР к мировой державе» («Der Ausflug der UdSSR zur Weltmacht»). Обе книги вышли во Франкфурте-на-Майне, первая – в 1959 г., вторая пятью годами позже незадолго до смерти автора. На русском языке они не издавались, но «Дипломатический ежегодник» за 1989 г. (вышел из печати в 1990 г.) опубликовал выжимки из его воспоминаний, дав им тенденциозный заголовок «Я присутствовал при этом». Думаю, нам будет очень любопытно ознакомиться с этим текстом. Поскольку цитата довольно обширна, я буду прерывать её своими комментариями.

Фото 7. Встреча Молотова во время его визита в Берлин 14 ноября 1940 г. Хильгер – в центре

Риббентроп прибыл в Москву 23 августа на самолете. Первая беседа в Кремле началась в 15.30. Она длилась три часа и продолжилась вечером. Задолго до полуночи состоялось подписание пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, который определил судьбу Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии.

В данном случае Сталин впервые лично вел переговоры с представителем иностранного государства о заключении договора. <...>

Когда Риббентроп в сопровождении графа Шуленбурга 23 августа прибыл в Кремль, он думал, что ему придется вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин, возможно, присоединится к переговорам на более поздней стадии. Поэтому Риббентроп был поражен, когда, войдя, увидел стоящего рядом с Молотовым Сталина. Это был заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключен прямо на месте, либо – никогда.

<...>

Переговоры 23 августа оказались простыми. Господин Риббентроп никаких новых предложений не привез, но прибыл с желанием покончить дело с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола как можно быстрее и сразу же уехать.

Его заявления Сталину и Молотову в значительной мере ограничивались воспроизведением того хода мыслей, который служил предметом предварительных переговоров между Молотовым и Шуленбургом и содержался в телеграфных директивах из Берлина. Риббентроп рассыпался в заверениях о доброй воле Германии, на которые Сталин реагировал сухо, деловито и лаконично.

Редактирование текста пакта не составило никаких трудностей, так как Гитлер в принципе принял советский проект. Однако окончательный текст получил два важных дополнения: статью 3, в которой договаривающиеся стороны соглашались постоянно консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и статью 4, согласно которой ни одна из договаривающихся сторон не должна была участвовать в каких-либо группировках, направленных против другой стороны. Срок действия пакта вместо предусматривавшихся 5 лет продлевался до 10 лет. Согласно статье 7, определялось, что пакт должен вступить в силу сразу же после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось.

Тут явная нестыковка с показаниями Гаусса и Риббентропа. Первый нафантазировал, что сочинял «секретный протокол» в самолете по пути в Москву, в мемуарах второго присутствует сенсационное признание, что русские даже не имели подготовленного заранее текста договора о ненападении. Я уж молчу про клинический бред Карпова со ссылкой на Павлова, будто шокирующая инициатива заключения «секретного протокола» была высказана Сталиным непосредственно в ходе первой встречи.

Секретный дополнительный протокол, которому русские придавали наибольшее значение, предусматривал разграничение сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Согласно ему, граница между германской и советской сферами влияния в районе Балтийского моря проходила по северной границе Литвы, а в Польше – вдоль течения рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, секретный дополнительный протокол признавал русское притязание на Бессарабию. <...>

Собственно, это все, что написал Хильгер о самых таинственных переговорах XX столетия. Вы верите, что так мог написать ЕДИНСТВЕННЫЙ к тому времени живой ОЧЕВИДЕЦ события по ту сторону «железного занавеса»? Даже Гаусс, который знал о ходе пере-

говоров лишь со слов... Кстати, так и не ясно с чьих слов. Но он все же отличался куда большим красоречием.

Что касается Гитлера, то он, как кажется, в течение первых 5–6 месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надежной информацией о том, что зимой 1939/40 г. Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нажим на ослабленную войной Германию, в то время еще явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твердо убежденным в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключенных договоров. О переменах, которые произошли в отношении Гитлера к Сталину и Советскому Союзу летом 1940 г., речь пойдет ниже. <...>

Каково было на душе у графа Шуленбурга и у меня в то время, когда нам пришлось познакомиться с тогдашними руководителями Советского Союза ближе, чем нам хотелось, можно себе представить. Несли мы тем не менее честно содействовали усилиям по установлению взаимопонимания с Советским правительством, то это делалось нами в надежде, что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира. Сколь ни неправдоподобно звучит это сегодня, но летом 1939 г. мы действительно считали, что, как только Германия создаст себе русское прикрытие с тыла, Англия и Франция заставят Польшу проявить умеренность. В качестве следствия этого мы ожидали достижения германо-польского взаимопонимания и предоставления [Польшей] «коридора через коридор». Находясь в московской дали, мы были склонны верить заверениям Гитлера, что тогда он «больше не будет предъявлять никаких территориальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы мы рассматривали как единственную возможность не допустить Второй мировой войны. <...>

Минуточку! Хильгер, как переводчик, якобы присутствовал в момент подписания «секретного протокола», по которому две державы разделили между собой польский «пирог». И при этом искренне верил, «что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира». Большой бред трудно себе представить.

3 сентября граф Шуленбург напомнил Советскому правительству что оно должно сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против польских вооруженных сил, находящихся в сфере советских интересов.

Весьма буйная фантазия у этого Хильгера.

Как всегда осторожный, Сталин не желал допускать, чтобы его вовлекли в какие-либо чересчур поспешные действия. Целых четырнадцать дней он вел себя тихо и наблюдал за продвижением армий Гитлера. Даже когда германские войска, преследуя отступающие польские части, через Вислу вторгались в советскую сферу влияния, Сталин, несмотря на настойчивые требования германской стороны вступить в Польшу, отказывался это сделать, мотивируя тем, что несоблюдение согласованного разграничения сфер взаимных интересов все равно не предотвратило бы предусмотренного раздела Польши.

Последнюю фразу я прочитал раз двадцать, но так и не смог вникнуть в ее смысл. Если Хильгер лично присутствовал на встрече с советским вождем, на которой обсуждался

польский вопрос, он мог бы более подробно изложить его точку зрения. Вместо этого он городит какую-то словесную ахинею.

Для этого бездействия имелись три причины: первая – Сталин считался с мировой общественностью, которую он не хотел снова неприятно поразить; вторая – его решение начать действовать только тогда, когда ему представится удобный предлог для вступления в Польшу, и третья – тот факт, что Кремль переоценивал силу военного сопротивления Польши и рассчитывал на более длительную кампанию.

10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу: Красной Армии для её подготовки требуется еще две-три недели. Но уже 16 сентября, когда польское правительство покинуло страну, Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня же ночью» и назовет ему «день и час советского наступления». При этом Молотов заявил: «Советское правительство в подлежащем публикации только им одним коммюнике обоснует свое решение, в частности, тем, что вследствие развала польского государства оно видит себя обязанным выступить на защиту своих украинских и белорусских братьев и дать этому несчастному населению возможность спокойно трудиться». Граф Шуленбург выразил удивление столь своеобразной формулировкой коммюнике. Ведь оно законно вызывает вопрос, от кого, собственно, следует защищать украинцев и белорусов, раз на польской территории находятся только германские и советские войска. К тому же в этой форме коммюнике создаст за границей впечатление, будто между Германией и Советским Союзом что-то не в порядке. Вопрос о коммюнике был решен только через два дня, после того как вмешался лично Сталин, и было предложено совместное коммюнике, с текстом которого согласились наконец обе стороны.

17 сентября в 2 часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кёстринг и я были приглашены к Сталину. Сталин объявил нам, что в 6 часов утра Красная Армия перейдет советскую границу по всей линии от Полоцка до Каменец-Подольского, и просил нас соответствующим образом известить об этом компетентные германские органы. Ошеломленный военный атташе попытался объяснить, что за те несколько часов, которые еще имеются в его распоряжении, своевременно поставить об этом в известность войска невозможно и потому неизбежны столкновения.

Вот бы автор пояснил, какие столкновения могут произойти между войсками, которые разделяли сотни километров?

Однако Ворошилов отклонил все возражения Кёстринга репликой, что немцы при их испытанном организационном таланте легко справятся и с этой ситуацией. Ворошилов оказался прав, поскольку при русском продвижении и при встрече советских и германских войск никаких значительных недоразумений не произошло.

25 сентября Сталин вновь вызвал к себе посла, чтобы заявить ему: при окончательном урегулировании польского вопроса следует избежать всего, что в будущем могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Со словами, что если с этой точки зрения «сохранение самостоятельного остатка Польши кажется ошибочным», Сталин предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее изменение предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. В случае согласия Германии, добавил Сталин, Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблем Прибалтийских государств в соответствии с соглашениями от 23

августа и ожидает при этом безоговорочной поддержки со стороны германского правительства.

Для переговоров по этому предложению 27 сентября в 5 часов дня в Москву со вторым визитом прибыл Риббентроп. На аэродроме приветствовать его собралось много высоких партийных функционеров и несколько высших офицеров Красной Армии, был выстроен почетный караул. Переговоры со Сталиным и Молотовым начались 27 сентября поздно вечером, продолжались во второй половине следующего дня и закончились ранним утром 29-го подписанием договора о границе и дружбе, который вошел в историю с датой 29 сентября 1939 г. В качестве важного пункта он содержал договоренность о разграничении сфер влияния согласно сталинскому предложению. Одновременно обе стороны договорились о начале экономических переговоров, о переселении немцев из советской сферы влияния в Германию, а также о многом другом. В ходе переговоров со Сталиным Риббентроп высказал большой оптимизм насчет военного положения Германии и подчеркнул, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи Советского Союза, но рассчитывает на поставку важных военных материалов.

Вечером 28 сентября Молотов дал в честь Риббентропа банкет, на котором вместе со Сталиным присутствовали многие высокие советские руководители, такие как Микоян, Каганович, Ворошилов и Берия. Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-социалистических партайгеноссен».

Вообще-то эти слова Риббентроп никогда не произносил – это распространенная байка, и не более того. Но, допустим, что это правда. Как об этом мог свидетельствовать Хильгер, весьма незначительный чиновник, если он не входил в ближний круг рейхсминистра?

Общее настроение подогревалось тем, что по инициативе Сталина Молотов производил множество тостов за здоровье присутствующих. Однако сам Сталин в тот вечер почти не пил. Я сидел наискосок от него. Берия, сидевший рядом со мной, все время старался уговорить меня выпить перцовки больше, чем мне хотелось. Сталин заметил, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил о причине. Когда я ему ответил, он сказал: «Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может». – «Даже шеф НКВД?» – спросил я шутя. На это последовал ответ: «Здесь, за этим столом, даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-нибудь другой». <...>

Попахивает дешевой детективной беллетристикой. Коварный Берия опаивает германского дипломата, чтобы выведать все секреты, но тот стойко держится. Вот только Берии на том банкете не было, на нем присутствовали лишь члены Политбюро, а Лаврентий Павлович стал таковым лишь в 1946 г. Шеф НКВД привиделся одному лишь Хильгеру, который, по его же словам, не пил больше, чем хотелось.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая [1940 г.], то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, насколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, – сказал он, – проявляет полное понимание того, что Германия должна защититься от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного

англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым еще большего ослабления как Германии, так и ее противников. <...>

Я готов поверить даже в то, что Хильгер пил перцовку с отсутствующим на банкете Берией. Но в то, что Шуленберг еще за три дня до начала операции проинформировал Советский Союз о наступлении на западе – в это я не поверю, даже если сам Хильгер встанет из могилы и скажет мне это лично. В этом месте у меня уже не было сомнений, что мемуары Хильгера написаны кем-то очень далёким от дипломатии и военного ремесла.

Об атаке на Польшу Германия проинформировала СССР уже после вторжения (кстати, уведомил советское правительство об этом лично Хильгер). Но почему-то об атаке на Францию Сталин получил известие за три дня. Вообще-то даже Гитлер не знал наверняка, когда начнется вторжение (дата переносилась неоднократно). В конце концов многое зависело от погоды. Наконец, даже если фюрер окончательно решил начать наступление 10 мая, об этом не должен был узнать даже его ближайший союзник Муссолини. Но советскому правительству, формально нейтральному, а на деле желающему военного истощения Германии, Шуленберг раскрывает все карты. А если бы коварный Сталин в исполнение своего желания раскрыл бы тайну французам и англичанам?

Наверное, туповатый литератор, который сочинял мемуары Хильгера, листал американский сборник фальшивок «Нацистско-советские отношения. 1939–1941», и в его памяти что-то запало касательно Шуленберга и даты 7 мая. Давайте и мы полистаем выпущенную госдепом книжицу:

РИББЕНТРОП – ПОСЛУ ШУЛЕНБУРГУ

Инструкция

Берлин, 7 мая 1940 г.

Москва, 10 мая 1940 г.

Германскому послу графу фон Шуленбургу

Москва

Вы получите два экземпляра меморандума 84, который будет вручен нашими дипломатическими миссиями в Гааге, Брюсселе и Люксембурге правительствам этих стран в день и час, указанный Вам устно курьером. 85 До тех пор, пока не будет исполнено то, о чем говорится ниже, меморандум и эти инструкции должны держаться в секрете и не упоминаться даже никому из сотрудников посольства.

Я прошу Вас, чтобы по получении этих инструкций Вы поставили на приложенных экземплярах меморандума – на последней странице, под текстом, предпочтительно на пишущей машинке или же чернилами – дату дня, предшествующего тому, в который Вы вручите эти меморандумы советскому правительству.

Около 7 часов утра по германскому летнему времени в день, указанный Вам курьером, я прошу Вас попросить о встрече с Молотовым и затем, утром же, в самое раннее удобное для него время, вручить ему экземпляр меморандума. Я прошу Вас сказать господину Молотову что Имперское правительство, ввиду наших дружественных отношений, желает уведомить советское правительство о тех операциях на Западе, к которым Германия была принуждена англо-французским продвижением через Бельгию и Голландию в район Рура.

В остальном, я прошу Вас использовать объяснения и доводы, которые Вы найдете в тексте меморандума.

Я прошу Вас немедленно телеграфировать о реакции на Вашу миссию.

Риббентроп³¹.

Встреча Шуленбурга с Молотовым действительно состоялось. В том же сборнике незадачливый сочинитель хильгеровских воспоминаний мог бы найти текст ответной телеграммы в Берлин.

ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ – РИББЕНТРОПУ

Телеграмма

Москва, 10 мая 1940 – 18.00

Очень срочно!

№ 874 от 10 мая

На Вашу инструкцию от 7 мая

Имперскому министру иностранных дел

Предписание относительно Молотова выполнено. Я нанес ему визит. Молотов по достоинству оценил сообщение и сказал, что он понимает, что Германия должна была защитить себя от англо-французского нападения. У него нет никаких сомнений в нашем успехе.

Шуленбург.

Если же допустить, что подобную ахинею про встречу Молотова с Риббентропом 7 мая 1940 г. написал сам Хильгер, то его следует признать злостным фальсификатором и сдать все его книжки в макулатуру.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновременно Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А еще через пять дней Молотов сообщил нам, что советское правительство решило – если потребуется, силой – осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Нет, ребята-фантазёры, это уже даже не смешно. Если по версии Хильгера Риббентроп слил Молотову сверхсекретную информацию о начале вторжения во Францию за три дня до начала операции, то Молотов оказался еще любезнее – предупредил друга Иоахима о советских захватнических мероприятиях ажа за месяц до их начала!!! Даже в госдеповском сборнике фальшивок нет на сей счет никаких упоминаний.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обес-

³¹ <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/union.php>

покоем неожиданности германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договоренностей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства. <...>

Конечно, в годы холодной войны можно было приписывать Советскому Союзу любые грехи. Но следовало бы сначала договориться о разумных пределах. Иначе нестыковочка выйдет. Пишущий от имени Хильгера фантаст рисует Молотова таким хамом, который в ответ на недоуменные вопросы германского посла нагло ему заявляет: дескать, если захотим, то и Южную Буковину заберем, а вы, фрицы ещё и помогать нам будете!

Но все в том же госдеповском сборнике мы находим телеграмму Шуленберга с отчетом об описываемой встрече с Молотовым, в которой ей дается совершенно иная оценка:

«Я указал Молотову что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским. Тем не менее у меня создалось впечатление, что Молотов полностью не отбросил возможность советского отказа от Буковины в ходе переговоров с Румынией»³².

Если же мы попробуем проверить сведения, приводимые в сочинениях Хильгера на соответствие не с госдеповскими фальшивками, а с настоящими документами (см. сборник «Документы внешней политики СССР», тт. XXII–XXIII), то ничего кроме легкой брезгливости не испытаем – брешет автор, и брешет крайне неумело. Признанный по обе стороны Атлантики «эксперт по русским делам» просто не мог написать такие тупые и бесцветные книжонки (разве что из-под палки, испытывая к этому делу крайнее отвращение).

Ниже мы ещё пару раз коснемся «мемуаров Хильгера», опубликованных «Дипломатическим ежегодником» за 1989 г. в тех местах, где они слишком уж будут расходиться с показаниями других участников секты «Свидетели Протоколов». Но все же отдадим должное доморощенным фанатам «секретных протоколов». Доказывая общественности факт «дьявольской сделки» Молотова – Риббентропа за подтверждением к мемуарам Хильгера они обращаются крайне редко. Видимо, понимают, что такое глупое лжесвидетельство если в чем и убеждает, так это в том, что «секретные протоколы» – выдумка.

³² <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/union.php>

Херварт

Оказывается, Павлов был не единственным дожившим до 90-х годов «свидетелем» кремлевского «сговора». Впервые сведения о содержании «секретного протокола» якобы просочились из стен германского посольства в Москве уже 24 августа 1939 г. Утечка произошла стараниями советника посольства Германии Ганса фон Херварта, который, дескать, передал содержание тайного документа секретарю посольства США Чарльзу Болену уже через несколько часов после подписания документа. Тот, якобы нанес своему немецкому коллеге частный визит... в германское посольство. Болен незамедлительно довел информацию до сведения президента Рузвельта.³³

Открытая электронная энциклопедия «Википедия» сообщает, что американцы не передавали эту информацию ни одной из европейских стран, да и вообще, как можно понять, до начала раздела Польши не верили сообщению. То, что янки располагали целой агентурной сетью в московском посольстве Германии – бесспорный факт. Госдепартамент получал очень подробную информацию о характере советско-германских контактов. Вывод об этом можно сделать, ознакомившись с официальным изданием американских дипломатических документов – *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939*. Но во всех двух томах, отражающих события 1939 г., никакие «секретные протоколы» Молотова – Риббентропа ни разу не упоминаются. Если есть желание проверить, даю ссылки: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v01> и <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1939v02>.

Эти тома вышли в 1956 г., когда миф о «секретных протоколах» уже был запущен в оборот. При желании госдепартамент мог вернуть и сюда несколько фальшивок. Но, видимо, американцы решили не засорять сборник своих официальных документов низкопробными подделками. К тому же несколько затруднительно было «редактировать» донесения посла Штейнгардта даже несмотря на то, что он погиб в 1950 г. в авиакатастрофе. Ведь те высокопоставленные чиновники, что читали его отчеты, ещё были живы.

Однако «зыбкость прошлого» приводит к странным метаморфозам. Со ссылкой на только что вышедшую в Финляндии книгу магистра философии Кауко Румпунен «Я шпион», «Парламентская газета» сообщает, что *«через пять дней сам президент Франклин Рузвельт счел необходимым сообщить о нем («секретном протоколе». – А.К.) послу Финляндии в Вашингтоне Ялмару Юхану Проконе»*. И это несмотря на то, что *«на эту информацию, добытую в Москве, США наложили тогда гриф строжайшей секретности. О ней знали только президент Рузвельт и всего несколько доверенных лиц в его администрации»*³⁴.

Если на сообщение был наложен гриф строгой секретности, значит, американцы не только поверили донесению Болену, но и придали ему большое значение. Но в этом случае полностью исключалась передача сведений стране, не являющейся союзником США. Хотя бы потому, что этот акт ставил под угрозу очень ценного агента, поскольку Финляндия имела традиционно дружественные связи с Германией. Круг лиц, причастных к московским переговорам, был чрезвычайно узок, что облегчало поиски предателя. И уж тем более, передача информации не могла произойти описанным в «Парламентской газете» способом. Если уж американский лидер решил проинформировать руководство Финляндии, то Рузвельту следовало передать эти сведения президенту Каллио через американского посла в Хельсинки или по линии разведки. Но оставлять это на усмотрение финского посла – даже не глупость, а преступная халатность.

³³ http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_E._Bohlen.

³⁴ «Парламентская газета», № 147(2215), 2 ноября 2007 г., http://www.pnp.ru/chapters/world/world_47.71.html

Чем же объясняет финский писатель-биллетрист то, что финское руководство ничего не знало о «секретных протоколах» и данный фактор во время напряженнейших советско-финских переговоров осенью 1939 г. не принимало во внимание? Ответ, мягко говоря, неубедительный: посол Прокопе, дескать, воспринял сообщение Рузвельта, как слухи, и в соответствующем ключе проинформировал собственное внешнеполитическое ведомство. Только идиот поверит, будто в компетенции посла давать оценку сведениям, лично переданным президентом США. Если бы передача информации действительно имела место, то Прокопе должен был немедленно сообщить об этом своему правительству по закрытому каналу связи. Допустим, в финском министерстве иностранных дел тоже не поверили Рузвельту. Но после начала советско-финской войны все сомнения должны были отпасть, в своей пропаганде надо было раструбить о «секретных протоколах» на весь свет. Но этого не произошло. Так есть ли хоть какие-то основания верить финскому сочинителю шпионских историй Румпунену?

Об услугах, оказанных Америке Хервартом, Болен поведал в своих мемуарах лишь в 1973 г. незадолго до своей смерти. Никаких доказательств им приведено не было. Рузвельт был к тому времени мертв и подтвердить слова американского дипломата не мог. И почему Рузвельт, если он действительно получал столь важное сообщение от Болен, никогда не использовал это для давления на русских? Наконец, почему Чарльз Болен обнародовал сенсационные подробности шпионской истории лишь в 1973 г. – через 25 лет после выхода скандального сборника документов «Нацистско-советские отношения 1939–1941»? Ответов на эти вопросы нет. А ведь Чарльз Болен был личным переводчиком президента Рузвельта на Ялтинской конференции, где большие трения возникли как раз по вопросам польских границ.

Английскую делегацию в Ялте возглавлял самый лютей антикоммунист всех времен и народов Уинстон Черчилль. Вопрос: почему он не поднял вопрос о разделе Польше на основании советско-германского «секретного протокола»? О нем английское правительство якобы тоже было извещено стараниями все того же Ганса фон Херварта, который контактировал в Москве с английским дипломатом Фицроем Маклином, а тот был близок к самому Черчиллю³⁵. Основным ремеслом Маклина была разведка – он даже стал прототипом знаменитого Джеймса Бонда (Ян Флеминг, автор романов об агенте 007, кстати, тоже служил в Москве по линии английской разведки с весны 1939 г.).

Ганс Херварт фон Биттенфельд, родственник знаменитого полковника фон Штауффенберга, принадлежал к аристократической оппозиции Гитлеру и считался важнейшим агентом западных держав в Москве (поддерживал связь в частности с Гарриманом, Боленом, Тайером). Именно он, якобы, сливал британцам полную информацию о ходе советско-германских переговоров с одобрения своего шефа, посла Германии в СССР Шуленбурга. С 1939 г. он работал в армейской разведке (Абвер) под началом Фридриха Канариса – еще одного агента союзников в ходе войны. Под непосредственным руководством своего московского знакомого, бывшего военного атташе Германии в СССР Эрнста Кестринга, Херварт принял деятельное участие в создании Конгресса освобождения народов России – организации генерала-предателя Власова. В 1955 г. он стал первым послом ФРГ в Лондоне³⁶.

Кстати, германский военный атташе в СССР 8 1931–1933 и 1935–1941 гг. генерал Эрнст Кестринг (1876–1953) личность весьма примечательная. Он – русский немец, более 30 лет живший в России. Эрнст Августович родился в 1876 г. в Тульской губернии, где его отец был помещиком. Закончив в Москве гимназию, поступил в Михайловское артиллерийское училище. Прослужив некоторое время в русской армии, он перед Первой мировой вой-

³⁵ <http://tbrnews.org/Archives/a101.htm>

³⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Herwarth

ной выехал в Германию, где вскоре становится начальником разведки при Главном штабе немецкой армии. В 1931–1933 гг. Кестринг играл ключевую роль в сотрудничестве между рейхсвером и РККА, осуществляющемся в рамках рапалльских соглашений.

В СССР он занимался прежде всего разведывательной деятельностью, с каковой целью использовал большой штат военного представительства – около 20 сотрудников, большинство из которых были немцы российского происхождения, как и он сам. Советская контрразведка считала его настолько важной фигурой, что в его дом на Хлебном переулке даже был тайно прорыт подземный ход, а сейф Кестринга регулярно исследовался «медвежатниками» ГУГБ.

Во время Великой Отечественной войны, в сентябре 1942 г. генерал становится специальным уполномоченным по вопросам Кавказа в группе армий «А». В его задачу входило формирование так называемых «национальных легионов», состоявших из добровольцев-кавказцев. Наконец в 1944 г. генерал-лейтенант Эрнст Кестринг становится командующим всеми «добровольческими» формированиями, действующими в составе вермахта, в том числе и власовской РОА. В этот период под его началом служит Ганс Херварт, известный двойной агент. Несложно предположить, что и Кестринг стал на каком-то этапе сотрудничать с американскими спецслужбами. По крайней мере сразу после сдачи в плен американцам он был тут же вывезен за океан, где уже в 1946 г. он был официально признан невиновным в военных преступлениях и освобожден. Проживал он в США, будучи «экспертом по русским делам» (известен, как член знаменитой «тройки Болена» в которую помимо него входили Херварт и Хильгер), так же как его коллега по работе в московском посольстве Густав Хильгер.

Что ж, версия о том, что Херварт шпионил на англичан и американцев, выглядит вполне правдоподобно. Херварт действительно мог передать информацию о ходе московских переговоров американцам и англичанам. Но нет никаких подтверждений тому, что он сообщал им о «секретных протоколах» в 1939 г. До 1948 г. почему-то никто никогда не понимал этот вопрос на официальном уровне. В 1939 г. Британия воевала, пусть и номинально, с Германией и чуть было не ввязалась в войну с СССР из-за Финляндии. Однако даже тогда о «секретных протоколах» никто не заикался. Сам Херварт в своих мемуарах утверждает, что еще в августовские дни посол США в Москве Штейнгардт сообщил о «секретных протоколах» послу Италии в Москве А. Россу, (см. польское издание Н. von Herwarth, «Miedzy Hitlerem i Stalinem. Wspomnienia dyplomaty i oficera niemieckiego 1931–1945»). Это-то с какой стати – кто дал ему санкцию на разглашение сверхсекретных сведений? К тому же Италия была союзником Германии, а не США. Короче, если верить позднейшим выдумкам мемуаристов, о «секретных протоколах» полмира узнало уже в августе 1939 г.

Херварт умер только в 1999 г., и в истории с «секретными протоколами» он сыграл видную роль во время перестройки в СССР. В июне 1989 г. он встречается с народным депутатом СССР Мавриком Вульфсоном во время визита последнего в ФРГ и, как считается, передал ему фотокопии «секретных протоколов» из архива министерства иностранных дел ФРГ. Вульфсон (о нем подробнее будет рассказано ниже), один из ярых прибалтийских сепаратистов, играл активную роль в комиссии Яковлева. По мнению составителей «Википедии»,³⁷ Вульфсон стал первым, кто *«публично подтвердил подлинность секретных протоколов к немецко-советскому договору 1939 г., согласно которым Восточная Европа была разделена на «сферы влияния»»*. Весьма необоснованное утверждение, учитывая, что Вульфсон получил лишь копию с копии, по которой при всем желании невозможно было установить подлинность документа.

³⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Herwarth

Я бы поостерегся безоговорочно верить тому, что исходит от Херварта. Не стоит забывать, что он профессиональный шпион, к тому же двойной агент. Его бывший московский контактер Чарльз Тайер был шефом Управления стратегических служб (OSS), предшественницы ЦРУ. Херварт в 1945 г. работал под его началом в американской военной администрации Вены, а главным резидентом в Европе тогда являлся небезызвестный Аллен Даллес. В 1947 г. Тайер возглавил «Голос Америки», радиостанцию, финансируемую по каналам спецслужб. Тайер был убежденным сторонником использования бывших функционеров Третьего рейха для борьбы с коммунизмом. Уж не его ли давнюю идею реализовал Херварт, всучив Вульфсону фальшивые фотокопии? Что-то очень часто в деле о «секретных протоколах» фигурирует американская разведка. Но сам Вульфсон заявляет, что копии «секретного протокола» он нашел самостоятельно, а Херварт лишь раскрыл ему при встрече подробности тайной вечера в Кремле 23 августа 1939 г.

Вдова бывшего депутата Эмма Брамник так описывает в своих воспоминаниях встречу советского депутата и американского шпиона:

«В ответ на требования прибалтов была создана комиссия съезда для рассмотрения политической и правовой оценки документов 1939 года во главе с секретарем ЦК КПСС по идеологии академиком Александром Яковлевым. Среди 24 членов комиссии было 11 депутатов из балтийских республик и среди них – трое из Латвии: Маврик Вульфсон, Ивар Кезберс и Николай Нейланд.

Но это было лишь первым шагом к исторической истине. Вначале многие из членов комиссии, как и большинство депутатов Верховного Совета СССР и главное – Горбачев, другие руководители страны, продолжали категорически отрицать существование протоколов: «Для их рассмотрения и оценки документов требуются подлинники. Без этого дискуссия беспредметна».

Депутаты были допущены во все советские архивы, но поиски оказались безрезультатными. Тогда член комиссии народный депутат Вульфсон решил поискать документы в архивах МИДа Германии. Его немецкие друзья – дипломаты и журналисты, которые симпатизировали идеям Народного фронта Латвии, подсказали, что, когда советские войска уже приближались к Берлину, перед капитуляцией Германии в ее МИДе срочно изготовили копии многих документов российско-германских отношений разных времен и эпох. И все это запрятано в архиве в горах Гарца.

Вульфсону разрешили ознакомиться с тем архивом, где вперемешку с договорами еще царских времен он нашел то, что искал – копии тех самых секретных протоколов, подписанных Риббентропом и Молотовым в ночь на 24 августа 1939 года в Кремле. Ему помогли изготовить их копии, и Вульфсон поспешил привезти их в те горячие дни в Кремль. Но Горбачев заявил: «Такие копии может изготовить каждый! Я им не верю. Никаких протоколов не было».

Помогло новая подсказка немецких коллег, и у Маврика появляется еще один колоссальный шанс: оказывается, в Северной Баварии живет уникальный человек – дипломат высокого ранга Ханс фон Херварт. В то время он – единственный еще живой свидетель подписания тех злосчастных протоколов в Кремле в 1939-м. Недавно вышла в свет его книга «Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte. 1931–1945»– «Между Гитлером и Сталиным. История прожитого времени. 1931–1945».

Ханс фон Херварт вплоть до сентября 1941 года восемь лет был личным секретарем графа В. фон Шуленбурга, посла Германии в СССР. 23 августа 1939 года фон Херварт был в составе большой свиты того судьбоносного для мира визита министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа в Московский Кремль – многочисленной команды, которая прилетела на двух самолетах и включала журналистов, фотографов и кинооператоров, чтобы в мельчайших подробностях запечатлеть для истории все моменты пред-

стоящего события. Летом 1944 года Ханс фон Херварт, активный участник заговора антинацистской оппозиции против Гитлера, чудом спасся от кровавых репрессий, последовавших после провала заговора. Жертвами репрессий стали многие антифашисты, а также боготворимый им его учитель граф В. фон Шуленбург, тот самый посол Германии в довоенной Москве.

«Попробуй встретиться с ним, получить у него интервью. Его свидетельства будут, пожалуй, самыми убедительными для ваших твердолобых в Москве, – посоветовали Маврику Германовичу немецкие журналисты – но, учти, это не так просто...»

И Маврик снова в Германии. Действительно, это было непросто. Пришлось обратиться за помощью в МИД и к шефу пресс-службы самого канцлера Гельмута Коля. И Вульфсону выделили группу телеоператоров и транспорт – путь до родового замка Гогенцоллернов Кюнс был не близким. Наконец, Кюнс. 21 июня 1989 года. На «пороге» замка гостей встречают сами Ханс и Элизабет фон Херварт...

Почти три часа камеры немецких тележурналистов фиксировали вопросы Маврика Вульфсона и подробный рассказ Ханса фон Херварта о том, как проходила встреча в Кремле в ту ночь с 23 на 24 августа 1939 года. О том, как он лично по телефону согласовывал с Гитлером изменения в текстах протоколов, которые требовал Сталин – Курляндию, Windau (Вентспилс), Libau (Лиенау)!.. И удивлялся, как легко Гитлер соглашался со всеми капризами Сталина: Гитлер торопился, чтобы пакт о ненападении был подписан и как можно скорее. Тогда уже было решено, что через несколько дней, 26 августа, должен был начаться поход на Польшу (однако военные действия против Польши начались только 1 сентября – Гитлеру пришлось еще убеждать ближайших союзников).

После встречи в Кюнсе немецкие телевизионщики вручили Маврику Вульфсону две копии фильма-интервью с уникальным свидетелем подписания тех судьбоносных секретных документов. Окрыленный депутат Вульфсон срочно возвратился в Москву, и уже через пару дней эту ленту показали Центральное телевидение СССР и очень популярная в то время программа Латвийского телевидения «Labvakar» («Добрый вечер»), которую вели Эдвин Инкенс, Оярс Рубенис и Янис Шипкевиц.

Свидетельства ветерана германской дипломатии Ханса фон Херварта и помогли окончательно сломить сопротивление Горбачева и его команды...

...На подаренных в Кюнсе нескольких открытках с видами поместья собственноручная надпись: «Профессору Маврику Вульфсону в память о приятном знакомстве и проведенном дне в Кюнсе. 21.6.89». На обложке подаренной гостю книги «Zwischen Hitler und Stalin» значится: «Дипломат немецкого посольства в Москве... Офицер, участник войны и движения Сопротивления против Гитлера из круга Штауффенберга».

Но занимательная история: документальные кинокадры интервью с Хансом фон Хервартом, сыгравшие свою значительную роль в восстановлении свободы Балтии, исчезли из архивов и советского Центрального, и Латвийского телевидения. Не найти их и в Государственном архиве кинофотофонодокументов...»³⁸.

Запись исторического интервью, если она и существовала (в чем я очень сомневаюсь), исчезла неслучайно. Видимо, очень топорно набрехал Херварт. Стоит обратить внимание на следующее: писатель-фантаст Карпов утверждает, будто молотовский переводчик Павлов присутствовал при разговоре Риббентропа с Гитлером, когда рейхсминистр согласовывал с фюрером раздел Восточной Европы. В мемуарах Риббентропа указывается, что он связывался с шефом из здания австрийского посольства, причем каким образом – по телефону или шифротелеграммой, автором не уточняется. Но, поскольку, говорится об ожидании ответа,

³⁸ Брамник-Вульфсон Э. Я вышла замуж за романтика // <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2>

логично предположить второе (в немецких источниках зачастую прямо говорится о телеграмме, посланной Риббентропом по поводу Либавы.³⁹ А по версии Маврика Вульфсона фюреру по поводу Прибалтики звонил Херварт.

Это, конечно, полнейшая чушь. Как мог какой-то секретарь посла звонить фюреру? Первое, что бы тот сделал, это потребовал к телефону своего министра Риббентропа – того он мог узнать хотя бы по голосу. К тому же, как явствует из мемуаров Риббентропа и показаний Гаусса, в первой встрече в Кремле с германской стороны участвовали помимо рейхсминистра лишь секретарь посольства Хильгер (в качестве переводчика) и посол Шуленбург. Но в том же аффидевите Гаусса говорится, что по телефону в Берлин Риббентроп звонил во время второго раунда переговоров. Правда, о том, что разговор происходил в кабинете Сталина, он не упоминает. Это самое раннее свидетельство, датированное 15 марта 1946 г. Все последующие публикации по идее должны быть согласованы с этими показаниями, данными свидетелем под присягой. Но Вульфсон здесь дал маху, поскольку содержание гауссовского аффидевиты явно не было ему знакомо.

Херварт говорит о каких-то изменениях в протоколе (Курляндия, Windau, Libau). Ну, Курляндия здесь, конечно, для красного словца упомянута – не существовало Курляндии в 1939 г., с таким же успехом можно было рассуждать об Остзейском крае или Гиперборее. Но вот о Вентспилсе и Лиепае речь вполне могла идти. Вероятно, Сталин обсуждал с Риббентропом возможность аренды этих портов для нужд советского ВМФ и то, как отнесется к этому Берлин. На это же косвенно указывают и слова Риббентропа в Нюрнберге (в том виде, в каком их передает американский вариант материалов Международного трибунала). Допускаю, что вопрос о появлении на Балтике советских военно-морских баз нуждался в дополнительном согласовании с Берлином (не по телефону, конечно же). Но ведь в «секретном протоколе» якобы давалась санкция на оккупацию советской стороной всей Прибалтики – так с какой бы стати в этом случае Сталин стал отдельно обсуждать вопрос о Вентспилсе и Лиепае? Нет логики.

Сам Вульфсон высоко оценил вклад Ганса фон Херварта в дело о фальшивых протоколах. В своем выступлении на юбилейной конференции интеллигенции Латвии в связи с 50-летием пакта Молотова – Риббентропа, как его именуют на Западе, в присутствии президента Латвии Вайры Вики-Фрейберги он предложил: «Учитывая роль, которую сыграли свидетельские показания Ханса фон Херварта в борьбе за восстановление независимости стран Балтии, было бы заслуженно и справедливо одну из улиц или площадей в Латвии назвать его именем».

В пояснительной записке от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР, представленной комиссией по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г, есть такие строки: *«Члены комиссии ознакомились со свидетельствами – в том числе здравствующих поныне – непосредственных участников контактов и переговоров 1939 года между СССР и Германией, Англией и Францией»*. По всему выходит, что лишь «интервью», взятое Вульфсоном у Херварта могло быть представлено, как свидетельство здравствующего поныне очевидца. Однако имя Херварта нигде в официальных документах комиссии не упоминается, его показания там не фигурируют, видеозапись интервью якобы таинственно исчезла из архивов. Поэтому нельзя исключать, что историческая встреча в Кюпсе – позднейшая мистификация.

³⁹ См.: <http://www.balsi.de/3Reich/Aussenpolitik/diplohitler-stalin-pakt.htm>

Микрофильмы

Откуда взялись фотокопии «секретного дополнительного протокола» у американцев? Согласно легенде, разрекламированной в СССР в 1989 г., по указанию Риббентропа в 1943–1944 гг. были сделаны микрофильмы документов МИД Германии. Весной 1945-го поступил приказ уничтожить все архивы. Выполняя это распоряжение, некий советник МИД Карл фон Леш пожег бумаги, но, имея на то невыясненные мотивы, спрятал 20 катушек микропленок с 9725 страницами документов в железную коробку, обмотал ее промасленной тканью и зарыл в парке замка Шенберг возле города Мюльхаузена, что в Тюрингии. 12 мая 1945-го фон Леш якобы вручил микрофильмированные документы английскому подполковнику Роберту Томсону. Тот, преисполненный союзническими чувствами, зачем-то отдал ее американцам. 19 мая ценный груз доставили в Лондон, где американцы сняли копии со всех микрофильмов. Вот с этих-то пленок (американские копии с немецких фотокопий) и были растиражированы изображения, которые нам сегодня известны.

Вероятно, автором этой детективной истории был перестроечный журналист Лев Безыменский. По крайней мере, самое раннее из найденных мною упоминаний об эпизоде с микрофильмами было сделано им 31 марта 1989 г. на «круглом столе» в редакции журнала «Вопросы истории». Возможно, никакого «круглого стола» не было, а если и был, то речи о микрофильмах на нём не шло. Опубликована стенограмма «круглого стола» была только во второй половине июня того же года, когда начала свою деятельность яковлевская комиссия. Примечательно, что сам Яковлев – самый компетентный эксперт по «секретным протоколам» в интервью, датированном 2004 г. говорит следующее: *«О существовании секретных протоколов Запад узнал практически сразу после войны – и они там были опубликованы. Как они туда попали, одному богу известно – скорее всего, через Германию»*⁴⁰.

Но так или иначе, общепризнанной, хоть и ничем не подтвержденной до сих пор, стала версия о микрофильмах фон Леша. Кто такой фон Леш? Валентин Сидак в интервью газете «Правда» дает ему такую характеристику:

*«Советник МИД Карл Кристиан фон Леш – один из ведущих немецких специалистов по проблемам «жизненного пространства Германии», автор многих трудов по германо-польским отношениям, в том числе по проблеме «данцигского коридора». В 1938 году он совместно с Фриком, Розенбергом, Бемом и другими видными деятелями нацизма издал в специализированном ежегоднике рейха статью «Немецкие приграничные территории», которая в своих основных положениях предвещала идеи «мюнхенского сговора» в отношении Чехословакии»*⁴¹.

Леш не оставил мемуаров, никогда не давал официальных показаний в связи с микрофильмами, да и вообще, каких-либо сведений о его жизни после 1945 г. мне найти не удалось. В 1958 г. американцы передали властям Западной Германии негативы микрофильмов из так называемой коллекции фон Леша (скорее всего, копии), и с тех пор они хранятся в политическом архиве ФРГ. Официальная публикация скандальных протоколов никогда не осуществлялась, широкое хождение имеют только репродукции из американского сборника 1948 г. «Нацистско-советские отношения. 1939–1941». Вообще, видел ли кто-нибудь микрофильмы фон Леша? Весьма любопытное свидетельство приводит в своей книге «Я вышла замуж за романтика» вдова Маврика Вульфсона Эмма Брамник-Вульфсон:

⁴⁰ Вечерняя Москва, № 175 (23973) от 17 сентября 2004 г. // <http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=2910>

⁴¹ Правда, 2007 г, № 44, <http://www.gazeta-pravda.ru/2007/pravda%20044.html>

Как известно, власти СССР полвека категорически отрицали существование секретных протоколов к советско-германскому пакту 1939 года.

Но весь мир в то время очень интересовало, как живет в странах Балтии спустя полвека после того 1939-го. И в год 50-летия пакта по инициативе канала ТВ-3 Франции началась совместная работа с рижанами над созданием киноленты «Латвия. Август 1989 года». Французы пообещали получить разрешение МИДа ФРГ для киносъемки зловещих документов.

Вот что об этих встречах в Германии мне поведали Ивар и Андрис Виестурс Селецкисы – латвийские мастера кинодокументалистики.

«Август 1989-го. В Бонн, тогда столицу ФРГ, отправилась четверка рижан: сценарист Таливалдис Маргевич; в качестве эксперта – Маврик Вульфсон, депутат Верховного Совета СССР, человек, уже тогда хорошо известный на Западе; звукооператор Гунар Нетребскис и я, кинооператор, – вспоминает Андрис Селецкис. – На киностудии мне доверили 35-миллиметровую синхронную западногерманскую кинокамеру «Arriflex», тогда самую современную. Ивар Селецкис, режиссер фильма, мой старший брат, остался в Риге – предстояло документировать «Балтийский путь» трех республик, организованный народными фронтами наших стран, волнующее событие, когда миллионы их жителей – и стар, и млад, взявшись за руки, создали живую цепь, протестуя против секретных протоколов и требуя восстановления независимости на своей земле.

В Бонне нас ждали сюрпризы: гостиница заказана, но платить нечем – еще не перечислили деньги. Пару дней даже пришлось почти голодать... Исчез наш французский шеф – атташе по культуре, и группу уже собирались выселить из гостиницы.

Но постепенно всё наладилось. Маврику удалось разыскать Паула Клявиньша, латвийского активиста, проживавшего тогда в Германии, – он и стал нашим помощником. Объявился и шеф-француз. Оказалось, ему было строго-настрого запрещено контактировать с латвийским диссидентом Вульфсоном.

Наконец, киносъемки в архиве разрешены. Но там особые строгости – тщательная проверка документов, личный досмотр. Из техники с собой разрешено занести только мой «Arriflex». Даже фотоаппарат нельзя: «В разрешении написано «киносъемка», значит только киносъемка». Немецкая точность и четкость.

...И вот свершилось – мы в подземельях, в хранилищах архива – святая святых самой Истории! Специально для нас, рижан, открываются тяжелые двери, и в помещение вносят объемистую папку в крепком темно-красного, почти бордового цвета кожаном переплете и ящик с негативными фотопленками и микрофильмами, на которых заснят весь толстенный многостраничный пакт. И все это ставят... на обыкновенный рабочий стол перед нашим экспертом – предоставленный вариант документа на немецком языке.

Включаю камеру, и с этого момента она без остановки работает до самого нашего выхода из зала. Фиксирую каждый шаг, каждое движение.

Вот Маврик осторожно, с трепетом берет в руки папку и своими тонкими длинными пальцами открывает фолиант, перелистывает его страницы размером около А-4, бегло просматривает, прочитывает тексты... Затем снова главную страницу – титульный лист, и перед глазами действительно сама История: с одной стороны страницы подпись «И. Риббентроп», с другой – «В. Молотов», их официальные титулы – министр иностранных дел Германии (Третьего рейха), народный комиссар иностранных дел СССР.

На оригинале хорошо сохранились и четко видны даже цвета чернил подписей, всех официальных гербовых печатей и многочисленных штампов. И дата – «23 августа 1939» (известно, что документы были подписаны в два часа после полуночи 24 августа, но по согласованию сторон они были датированы 23 августа. – Э. Б.).

...Ящик с фотопленками, микрофильмами пакта и всех секретных протоколов Маврик просматривает так, чтобы я мог все четко заснять. Впечатление было такое, что и эти съемки документов сделаны еще в 1939 году – по краям, на дорожках пленки постоянно пробегают фирменные знаки «AGFA-39» (немецкая негативная пленка).

– Маврик, неужели это настоящие? – с недоверием шепчу Вульфсону.

– Более настоящих и быть не может!!!

«Съемка окончена! Это всё!» – раздаётся в помещении. Оказалось, что уже промелькнули разрешенные минуты, а для нас это были моменты истины века. Только что своими глазами мы, четверо рижан, единственные из всего тогда еще Советского Союза, увидели секретные протоколы, которые взорвали мир не только в Европе. С которых началась Вторая мировая война и потекли реки человеческой крови. Увидели сатанинский документ, изменивший судьбы миллионов людей Восточной Европы – Польши, стран Балтии, Бессарабии и не только...

...Покинув мрачные архивные подземелья, от увиденного мы еще долго не можем говорить. Такое врезалось в память на всю жизнь», – и сегодня с волнением вспоминает Андрис Виестурс.

«Вместе с Майей Селецкой, режиссером по монтажу, работу над фильмом по заснятым материалам мы заканчивали уже на студии в Марселе, – вспоминает Ивар Селецкис. – 52-минутная документальная лента «Латвия. Август 1989 года» стала популярной во всей Франции – тогда фильм трижды демонстрировался по телевидению, получил хорошую оценку и имел обширную прессу. В моём архиве пачки восторженных рецензий ведущих изданий, начиная с «Фигаро», «Либерасьон» и др.

Тогда, готовясь к визиту в Латвию, этот фильм специально посмотрел президент Франции Франсуа Миттеран.

Однажды в 1989-м фильм показали и по латвийскому телевидению, но не особенно афишировали его – то было время противостояния разных политических платформ.

«Человек, видевший секретные протоколы», – так в своей книге «100 дней, которые разрушили мир» Маврик Вульфсон назвал главу о встрече с немецким дипломатом Хансом фон Хервартом, единственным в 1989-м году живым свидетелем событий той сатанинской августовской ночи 1939 года в Кремле.

«Человек, который держал в руках секретные протоколы», – с тех киносъемок в Бонне величают Маврика Вульфсона»⁴².

Андрис Селецкис упоминает о негативных фотопленках и микрофильмах. Спрашивается, на кой черт давать посетителям архива негативные фотопленки, если на них все равно ничего не рассмотреть, надо сначала отпечатать снимки. А вот с микрофильмами понятно – это диапозитивные изображения, которые можно просмотреть на просвет или спроецировать на экран (во времена моего детства были популярны диафильмы, просматриваемые с помощью диапроектора). Но для просмотра микрофильмов нужен читальный аппарат, представляющий собой проекционный прибор, в котором изображение кадра микрофильма через объектив и систему зеркал проецируется на встроенный в аппарат или вынесенный экран.

Кстати, никакой необходимости в фотографировании и, тем более, кинокопировании в архиве Бонна не было. Обратимся к Большой советской энциклопедии:

«Часто при работе с микрокопиями возникает необходимость получить увеличенный дубликат какого-либо документа. Для этого используют читально-копировальный аппарат, в котором конструктивно объединены читальный аппарат и репрографическое

⁴² <http://www.librus.ru/alluserpubl/waldisg/page/2/>

устройство. Первые читально-копировальные аппараты фирмы «Кодак» (США, 30-е гг. 20 в.) осуществляли копирование на фотобумаге. В современных читально-копировальных аппаратах увеличенные копии получают на электрофотополупроводниковой бумаге или на обычной бумаге способом электрофотографического копирования. Работа с читально-копировальными аппаратами осуществляется в два этапа: поиск (чтение) нужного кадра микрофильма на экране и получение с него увеличенной копии. Читальные аппараты и читально-копировальные аппараты – одно из средств оргтехники, они применяются в библиотеках, отделах научно-технической информации НИИ, проектно-конструкторских и других организациях, где по роду деятельности приходится иметь дело с микрофильмированием»⁴³.

⁴³ <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00089/76300.htm>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.